

Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
Кафедра философии политики и права

Философия политики и права

100 основных понятий

СЛОВАРЬ

Кафедра философии политики и права была образована на философском факультете решением Ученого совета МГУ от 18 ноября 2008 г. и приказом Ректора МГУ от 10 декабря 2008 г. Штатный состав кафедры состоит из профессоров и преподавателей и бывшего отделения политологии философского факультета, которые после образования факультета политологии приняли решение продолжить свою работу на философском факультете МГУ. Заведующий кафедры философии политики и права — доктор политических наук, профессор *Моцелков Евгений Николаевич*.

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ, Учебный корпус № 1, философский факультет
комн. Г327, Г329. **Кафедра философии политики и права.** Тел.: **939-24-42**
philos.msu.ru/kaf/fpp/ E-mail: **fpp@philos.msu.ru**, **enm@inbox.ru**

ISBN 978-5-906233-59-2

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра философии политики и права

Философия политики и права

100 основных понятий

СЛОВАРЬ

Учебное пособие

Пушкино

Центр стратегической конъюнктуры

2014

УДК 1:32:34
ББК 87:66:67
Ф56

Ф56 Философия политики и права. 100 основных понятий.

Словарь: Учебное пособие / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова; Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. — Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. — 248 с.

ISBN 978–5–906233–59–2

В Словаре представлены определения основных понятий философии политики и права, многие из которых являются базовыми категориями современного гуманитарного знания. Авторы словаря показали историческую эволюцию содержания понятий, в также современные концептуальные подходы. Словарь предназначен для студентов и аспирантов философского факультета МГУ и для всех интересующихся проблематикой философско-политического знания.

На обложке картина ДЖОЗЕФА РАЙТА (1734–1797) «**Философ, объясняющий модель Солнечной системы, в которой лампа замещает Солнце**» (около 1766 г.).

© Коллектив авторов, 2014

ISBN 978–5–906233–59–2

© Воробьев А.В., оформление, 2014

Научное издание

Сдано в набор 14.01.2014. Подписано в печать 30.01.2014

Формат 60x88/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 15,7

Тираж 1 000 экз. (1-й завод — 500 экз.). Заказ № 22.

Оригинал-макет и обложка подготовлены *А.В. Воробьевым*

Корректор *Е.В. Феоктисова*

Центр стратегической конъюнктуры. **centerconjunction@gmail.com**
141202, МО, г. Пушкино, ул. Набережная, д. 35, корп. 6. **+7(906) 075-00-22**

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.

Лицензия на типографскую деятельность ПД № 00595

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Моцелков Е.Н. Философия политики и права в системе современного философского образования. ВВЕДЕНИЕ</i>	6
А льтерглобализм	11
Альтернативные движения	12
Антиглобализм	13
Антропология политическая	15
Архетип	16
Б лаго	17
Бихевиорализм политический	19
В айолексикология	23
Власть	23
Г иперреальность политическая	26
Глобальное гражданское общество	27
Глобальные проблемы	29
Глобальное прогнозирование	33
Господство	35
Государственное право	37
Государство	38
Гражданское общество	40
Делиберативная политика	41
Демократии теории	42
Демократия	43
Дихотомия «государство-гражданское общество»	44
Длинные волны Кондратьева	52
Догматизм	53
Европоцентризм	56
Естественное право	58
Закономерность в политической реальности	60
И деал	61
Идеократия	63
Инженерия социальная и политическая	65
Информационное общество	66
Иренология	67
История философии права	68
К огнитивная история	71
Конституционализм	71
Конституционное право	73
Конституция	73
К сенофобия	74

Легитимация	75
Легитимность	76
Лингвополитология	79
Личность	81
Мальтузианство	84
Мегатренды	85
Международное право	86
Менталитет	87
Методология	89
Миросистемная теория Ф. Броделя	91
Мифология политическая	93
Мораль	95
Нормативизм	98
Общественный договор	101
Обычай	103
Обычное право	105
Парадигма	106
Пассионарность	106
Переходное общество	107
Планирование политическое	110
Позитивное (положительное) право	113
Полемология	113
Полиархия	115
Политизация	116
Политика	118
Политическая доктрина	120
Политическая идеология	123
Политическая коммуникация	125
Политическая культура	126
Политическая наука (Политология)	128
Политическая система	131
Политическое	136
Постмодерн	137
Потребность	138
Права человека	140
Право	144
Правовая культура	145
Правовое государство	147
Провиденциализм	149
Пропаганда	151
Публичная политика	152
Публичное право	153
Реализма (силовой политики) концепция	154
Русская идея	155

Русское право.....	166
Символ	172
Социальная политика.....	176
Субкультура	181
Сциентизм в политическом познании	182
Теория государства и права.....	186
Теория политическая	186
Толерантность.....	188
Транспарентность политическая.....	189
Утопия.....	191
Философия войны	193
Философия политики (политическая философия).....	194
Философия политики и права	198
Философия права (правовая философия, юридическая метафизика)....	199
Формационная теория К. Маркса	203
Цикл (цикличность в обществе).....	205
Частное право	208
Элитократия.....	209
Элитология.....	210
Энциклопедия права	211
Юриспруденция	213
Сведения об авторах и авторство статей	214
ПРИЛОЖЕНИЕ. Учебная программа курса «Философия политики и права» для студентов философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.....	216

Философия политики и права в системе современного философского образования

С 1 сентября 2014 г. на философском факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в рамках нового образовательного стандарта для бакалавров и магистров начинает преподаваться в качестве обязательного учебный курс «Философия политики и права».

Концептуальной основой этого курса является интегративная философская теория политики и права. Именно, интегративная, а не просто междисциплинарная. В научных кругах давно уже считается модным и прогрессивным так называемая *междисциплинарность*, когда разрабатываются проблемы «на стыках наук», «в пограничных областях наук», объединяя при этом усилия ученых и специалистов из различных областей науки. Безусловно, где-то такие междисциплинарные исследования и принесли весомые результаты. Но чаще всего речь идет о псевдомеждисциплинарности, когда для получения гранта или другого дополнительного финансирования представители разных наук механически складывают свои результаты и оформляют это в едином научном проекте.

В нашем случае речь идет о сложной научной задаче, состоящей не в *сложении* разных научных теорий, а в *создании* новой, другой теории.

При этом исходная идея основывается на убеждении, что политика и право являются двумя важнейшими взаимосвязанными регуляторами современной общественной жизни. Вместе с тем, историческая эволюция дифференцированного знания, начавшаяся в Новое время и продолжающаяся по инерции по сей день, привела по методу абстракции к разведению *политики* и *права* по разным областям науки. Политика была отнесена к предметной области политических наук, право — к юриспруденции. Указанные науки достигли на протяжении многих десятилетий и даже столетий своего развития существенных достижений в изучении и понимании данных общественных феноменов. Но видимо, в этом процессе объективно существуют свои пределы, за которые эти науки выйти не в состоянии. Не случайно, кстати, каждая из этих наук (особенно политология и правоведение) до сих пор не имеют общепринятого предмета¹,

¹ Известные зарубежные систематизаторы гуманитарного знания — Р. Пэнто и М. Гравитц считают, что в истории политической науки сосуществуют как равноценные три варианта определения предмета этой науки, которые актуальны и на современном этапе развития политологии. Для одних этим предметом является *государство*, для других — *власть*, для третьих — *политические отношения*. — См.: Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. С. 186–187.

единого понимания сущности искомых феноменов. Многие современные учебники по политологии и праву начинаются с констатации, что в общественном сознании нет более многозначных и неопределенных понятий, чем «политика» и «право».

Это не случайно. Разные науки (политология и правоведение), отделившись друг от друга изучают политику и право как отдельные и самостоятельные сущности, тогда как в реальности они взаимно дополняют и взаимно обуславливают друг друга.

Политика и право как социальные регуляторы работают эффективно только тогда, когда существует ясное и точное знание того, к каким идеальным моделям общественных отношений нужно стремиться. Поэтому исследователь должен адекватно определить существующий порядок вещей (*сущее*), а затем создать идеальную модель (модели) этого порядка (*должное*). Именно в этом взаимном переплетении сущего и должного и лежит главная проблема современной общественной жизни и гуманитарной науки, но найти адекватные (идеальные) решения этой проблемы невозможно силами отдельных наук (политологии, юриспруденции, этики).

В истории научного знания взаимодействуют два главных процесса — интеграции и дифференциации наук. Изначально (с времен Античности) научное знание имело интегрированный характер. В нем доминировали, прежде всего, **философия** как наиболее общее знание об основаниях, существенных, фундаментальных характеристиках и принципах объективной реальности (бытия), познания этого бытия человеком и бытия самого человека как мыслящего и одухотворенного существа. Другой сферой научного знания была **юриспруденция**, которая изучала (и применяла на практике) сущностные характеристики и функции государства, систему социальных и поведенческих норм. Существование этих относительно самостоятельных сфер научного знания было обусловлено объективными потребностями становящегося общества и развитием государственных систем, необходимостью их познания и управления.

Эти две доминанты научного знания интегрировали в себе все остальные сферы, и именно из них (философии и юриспруденции) или на их стыке в эпоху Нового времени начинает формироваться система отдельных гуманитарных (и социальных) и естественных наук. Наиболее наглядным образом данный процесс нашел свое отражение в становлении университетского образования, как в Европе, так и в России. Средневековый университет — это система отдельных факультетов и кафедр, ориентированных на определенную науку или область знаний. Данная система организации университетского образования в целом сохранилась и по сей день.

Важнейшие фазы процесса дифференциации наук можно показать на примере формирования пяти научных дисциплин: 1) **философия права**, 2) **история философии права/история политических (и правовых) учений**, 3) **политическая философия/философия политики**, 5) **поли-**

тология/политическая наука, которые и по сей день активно используются в университетском образовании.

Конституирование указанных научных дисциплин происходило по мере выделения отдельного, самостоятельного объект-предметного поля каждой из них. Историческая эволюция этого процесса имеет два этапа.

Первый этап (XVII–XVIII в.) связан с выделением из фундаментального научного базиса философии и юриспруденции *философии права* и *истории философии права*.

На втором этапе (XIX в.) окончательно оформляются *политическая философия/философия политики* и *политология/политическая наука*.

В XX веке данный процесс замедляется и появляются признаки обратной тенденции — тенденции объединения, интеграции отдельных наук. В сфере общественных наук эта тенденция проявилось в возникновении целого ряда субдисциплин на стыке философии, юриспруденции, социологии и политической науки. В частности, можно констатировать, что в последнее время такой интегративной дисциплиной становится *философия политики и права*.

Таким образом, еще раз выделим главный вектор исторической эволюции философско-политических и философско-правовых дисциплин. Этот вектор состоит в формировании внутри дифференцированной научной системы тенденции к интеграции, научному синтезу. Этот новый вторичный (после Античного) научный синтез обусловлен необходимостью объяснения новейших тенденций и явлений, которые возникли в реальной действительности в конце XIX–XX вв. Во многом это было обусловлено и выдающимися достижениями самих дифференцированных наук, многие открытия которых уже невозможно было адекватно интерпретировать только в рамках этих наук.

Получилось так, что обратный интеграционный процесс начал происходить (хотя и до сих пор недостаточно активно) в области естественно-научного знания, и практически не затрагивал область гуманитарного знания, где процесс дифференциации, вопреки требованиям жизни, наоборот продолжился. В этом затянувшемся процессе научной дифференциации не только отдельные гуманитарные науки, но и отдельные научные дисциплины (и даже субдисциплины) оказались обособленными друг от друга. Это представляется особенно странным, поскольку отсутствие целостного характера научной интерпретации общественных процессов не соответствует не только объективным потребностям жизни, но и внутренним законам развития гуманитарных наук. Эти науки в преподавании и научных исследованиях отгородились друг от друга, но до сих пор не выработали собственного понимания предмета данной науки и испытывают большие трудности в определении базовых понятий, которые относились бы только к какой-то одной науке, но не относились к другой. Еще в середине 90-х годов прошлого века один из круп-

нейших современных политологов и социологов И. Валлерстайн отмечал «размытость границ между отдельными дисциплинами социальных наук». «Традиционные категории экономики, политологии, истории, социологии и антропологии, — писал он, — во многих отношениях потеряли свои различительные черты как предметные области, как области методологии, как конкурирующие эпистемологии»². Но вопреки этому объективному процессу, гуманитарные (и не только гуманитарные науки) институционально эволюционируют прямо в противоположном направлении.

Выход из создавшегося положения — формирование интегративных научных теорий, в которых произошел бы синтез эвристических и методологических достижений и возможностей существующих гуманитарных наук. Одна из таких теорий — это философия политики и права, которая опирается, в частности, на более чем вековой (только в России) исторический опыт и достижения такой научной и образовательной дисциплины как история философии права.

История философии и права — это относительно молодая научная дисциплины и для ее конституирования развития мы предполагаем реализацию ряда научных задач. Среди них:

□ институционализация философии политики и права как нового направления университетского философского образования; определение ее места, роли и эвристических функций в контексте вызовов современной цивилизации;

□ осмысление основных этапов и направлений исторической эволюции философских интерпретаций политики и права, особенно в аспекте взаимодействия этих двух феноменов общественной жизни;

□ анализ онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических, социокультурных и прогностических проблем философии политики;

□ анализ онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических, культурологических и праксиологических проблем философии права;

□ исследование философских проблем взаимодействия политики и права, к числу которых можно отнести такие как норма и нормативность в политике и праве, взаимовлияние и взаимоограничение политики и права в современном общественном развитии; взаимосвязь политического и правового факторов в минимизации и разрешении национальных, региональных и глобальных проблем современного общества.

Разумеется, что для любой научной дисциплины, тем более для новой, важнейшим вопросом является понятийная система. Задача настоящего словаря очертить такую систему.

² Валлерстайн И. Письмо членам Международной социологической ассоциации // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 1995. № 3. С. 128.

Несколько слов о самом словаре «Философия политики и права». Это не традиционный словарь. Он предназначен, прежде всего, для бакалавров и магистров философского факультета МГУ, но это не просто сборник определений слов и понятий, которые могут помочь учащимся в освоении лекционного материала и в подготовке к экзаменам. Конечно, такая задача ставится, но она не главная.

Большинство статей — это авторские, творческие тексты. В них поставлены проблемы современного обществознания, дается толчок к собственному размышлению и поиску смыслов. В словаре показывается многозначность и неопределенность базовых понятий гуманитарных наук. Вместе с тем, определения понятий в словаре выстраиваются в строгих рамках научных подходов и интерпретации, выработанных научной мыслью на протяжении многих столетий. Это особенно важно, поскольку понятия гуманитарных наук неизбежно включаются в современный политический дискурс, публицистику и даже обывденную речь, где их научное содержание неизбежно размывается, а иногда превращается в нечто противоположное.

Указанные особенности словаря могут вызвать различные замечания и дискуссионные суждения, которые авторский коллектив рассмотрит с вниманием и благодарностью.

*Доктор политических наук, профессор
МОЩЕЛКОВ Е.Н.*

А

АЛЬТЕРГЛОБАЛИЗМ (от лат. *alter* — другой и англ. *global* — всемирный, глобальный) — совокупность конструктивных идей, элементов позитивной программы международного антиглобалистского движения, представляющих альтернативу глобализации в ее современном виде. Не отрицая необходимости глобализации как таковой, А. предлагает иные пути ее развития с тем, чтобы она осуществлялась в интересах не отдельных стран и групп населения, а всех граждан планеты. Иногда альтерглобализмом называют и само движение за реализацию альтернативных моделей осуществления глобализации. А. возникает в 1990-е годы в качестве совокупности ответов на вызовы глобализации в ее неолиберальном варианте, приводящей, в частности, к утверждению глобального рынка, размыванию моральных норм, снижению роли национальных государств, упадку национальных отраслей производства и национальных культур, к навязыванию западной системы ценностей другим народам, к увеличению разрыва в положении и возможностях богатых и бедных слоев населения как внутри государств, так и на международной арене, к сокращению возможности для граждан участвовать в принятии решений, влияющих на их судьбу. Основной целью антиглобалистского движения стало развитие международной интеграции в ином варианте, в интересах граждан. Это движение возникло и развивается как совокупность инициатив, система коалиций многочисленных организаций и движений при отсутствии единого центра, как не имеющая аналогов в истории всемирная общественная организация сетевого типа, направленная против актуальной механизма глобальной власти. В идейном отношении А. являет собой пеструю картину, хотя участники движения по большей части склоняются к политическим и экономическим идеям левого толка. К наиболее видным идеологам А. можно отнести, например, И. Валлерстайна, С. Джордж, Н. Кляйн, Л. Ларуша, А. Негри, М. Хардта, Дж. Холлоуэя. Можно сказать, что современное альтерглобалистское движение впитало в себя идеи многих левых, национально-освободительных, альтернативистских и неконформистских движений предыдущих десятилетий. Общие программные требования А. включают, в частности: добровольную интеграцию граждан, народов, их демократически избранных представителей вместо корпоративной глобализации; демократизацию процесса подготовки и принятия политически значимых решений на всех

уровнях, где происходит такой процесс, в духе «демократии участия»; демократический контроль над финансовыми и иными рынками, а также над международными финансовыми институтами и транснациональными корпорациями; демократическое регулирование международных экономических отношений; отмену долгов развивающихся стран; гарантированное перераспределение части мирового дохода в пользу беднейших слоев населения планеты; признание права коренных народов на самоопределение, развитие национальных языков и культур; безвозмездную помощь развивающимся странам в деле развития современных форм образования, высоких технологий и науки, утверждения принципов общедоступности и свободного распространения знаний.

А.Г. Сытин

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ДВИЖЕНИЯ — совокупность разнородных общественно-политических движений, деятельность которых направлена на поиск альтернатив преобладающему образу жизни современных «обществ потребления», а также традиционным субъектам политики с характерными для них ценностями, политическими размежеваниями и методами действий. А.Д. возникают в 1970–1980-е гг. как форма поиска адекватных ответов на новые проблемы (в частности, глобального характера), на *«постматериалистические потребности»* (термин Р. Инглхарта) образованных средних слоев в странах Запада (например, потребности в личностном самоопределении и самовыражении, в здоровой среде обитания), а также как реакция на неэффективность усилий традиционных субъектов политики (парламентов, правительств, политических партий) с точки зрения этих новых проблем и потребностей. А.Д. были весьма различными по целям, составу участников, масштабам и способам действий: экологические, антивоенные, «контркультурные» движения, группы коммунитаристского направления, занятые практическими поисками «нового стиля жизни» в духе общинности или близости к природе, а также гражданские инициативы, ориентированные на решение конкретных проблем местного или отраслевого характера. Общими для всех таких движений стали отказ от жесткой организационной дисциплины и единой идеологии, в той или иной степени характерных для политических партий, акцент на спонтанные действия граждан, гибкое реагирование на встающие конкретные проблемы. Ведущими идеологами А.Д. выступили, в частности, А. Горц, И. Иллич, Й. Хубер. Близки к идеям А.Д. также идеи «либертарного муниципализма» М. Букчина и сторонников концепций «глубинной экологии». Они унаследовали ряд идей анархо-коллективизма, утопического социализма, «критической теории общества», движения «новых левых». Основой их идейных построений стала критика всего образа жизни западного общества, его установок на универсальную рациональность, линейный прогресс, максимизацию

прибыли, постоянно растущее потребление и «покорение природы». В противовес этому идеологи А.Д. выдвинули такие ценности, как единство и коэволюция общества с природой, сохранение мира и устранение угрозы ядерной войны, свобода личности и ее гармоничное развитие, равенство в правах на различие, солидарность и взаимопомощь как между людьми, так и между народами. В экономическом отношении А.Д. выступили за коллективную собственность на средства производства, переориентацию производства с максимизации прибыли на удовлетворение потребностей граждан, сбережение ресурсов и сохранение окружающей среды, гарантированный базовый доход для каждого гражданина. В политической сфере центральной идеей А.Д. стало формирование «*базисной демократии*», означающей дополнение парламентаризма формами децентрализованного управления, основанного на самом широком и полномочном участии граждан. Единицей такого управления, как и хозяйствования, не разрушающего природной среды, по мысли идеологов А.Д., должна стать небольшая автономная община. Со второй половины 1990-х гг. идеи А.Д. в значительной части вливаются в идейные поиски *альтерглобализма*. На основе движений в защиту окружающей среды в ряде случаев возникали партии «зеленых».

А.Г. Сытин

АНТИГЛОБАЛИЗМ — концепция, в основе которой лежит неприятие стандартизации, унификации человеческого сообщества, основанной на формировании мира как единой экономической, политической и социокультурной системы. А. представляет собой многоплановую концепцию, которая вырастает на экономической платформе, но подкрепляется политическими составляющими, вследствие чего А. воспринимается как протест против концентрации богатства в руках транснациональных корпораций и отдельных государств, доминирования глобальных торговле-правительственных организаций, таких как Всемирная торговая организация, Всемирный банк, Международный валютный фонд, Организация экономического сотрудничества и развития и т.п. Появление А. традиционно связывают с реакцией на изменения, коррелирующие с развитием глобализации в конце 90-х гг. XX века. Так, в июне 1998 во Франции была образована Ассоциация граждан за налогообложение финансовых операций (*ATTAC* — Association for the Taxation of Financial Transactions for the Aid of Citizens). Основным требованием ATTAC явилось установление «налога Тобина». Американский экономист Джеймс Тобин посчитал, что если все финансовые операции обложить налогом в размере 0,1% процента, то многие валютные спекуляции просто бы стали невыгодны. По мнению членов ATTAC, введение подобного налога позволило бы оказывать помощь странам третьего мира и развивающимся странам. Традиционно считается, что сторонники антиглобализма — это люди, находящиеся в

оппозиции к действующей политической силе, но это не всегда справедливо. В качестве одного из примеров можно привести позицию президента Франции Николя Саркози, выступающего за возможность введения налога, сопоставимого с «налогом Тобина», с целью сократить рискованные финансовые спекуляции и обеспечить банкам базу для разработки долгосрочных инвестиционных решений в момент кризиса всемирной системы. Эксперты же Международного валютного фонда считают, что подобный проект сегодня просто нереализуем. Важно отметить при этом, что идея Тобина возникла еще в 70-е годы XX века. Данное совпадение представляется неслучайным. Большинство исследователей феноменов глобализма и А. склонны связывать источники возникновения последнего с социально-политическими событиями, происходившими в Европе и Америке в конце 60-х — начале 70-х годов. Наследием этих событий стало то, что в А. отсутствуют централизованные структуры, но есть крайне гибкая коалиция транснациональных, национальных и локальных движений с различными приоритетами. В А. нашли отражение множество политических концепций, возникших и развивавшихся в XX веке (концепции прав человека и политического участия, идеи правового и социального государства, гражданского общества, теория партиципаторной демократии), которые были дополнены идеями, лежащими в основе феминистского, экологического, антивоенного социальных движений. В работах сторонников А. уделяется большое внимание социокультурным и антропологическим аспектам жизни человека в глобализирующемся мире. Примерами могут служить критика вездесущности рекламы, разрушающей самобытную культуру (Наоми Кляйн), обвинения в создании монокультуры, уничтожающей этнические и культурные особенности малых народов (Вандана Шива). Зачастую разрозненные антиглобалистские идеи трансформируются в предложения о создании некоего особого социально-политического уклада. Например, социолог Джон Холлоуэй представляет идею о создании социальных пространств, автономных по отношению к государству и капиталу. Очевидна параллель, возникающая между тематикой работ названных выше авторов и наиболее яркими сочинениями французских и американских авторов, опубликованных в конце 60-х годов XX столетия (работы Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида, Ж. Делеза, Ф. Джеймисона). Существует множество работ современных российских и зарубежных авторов, которых зачастую причисляют к антиглобалистам. Такая характеристика представляется слишком однозначной. Например, философско-политические работы по проблематике глобализации выдающихся мыслителей современности И. Валлерстайна или А.С. Панарина трудно однозначно определить как антиглобалистские. Вместе с тем, ряд идей данных мыслителей, связанных с проблемами национального самоопределения, трансформации политико-экономического порядка в глобализирующемся мире, имеют антиглобалистскую направленность.

К.Ю. Аласания

АНТРОПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ — наука о «человеке политическом», т.е. о субъекте политического творчества, его возможностях и ограничениях этих возможностей, о его воздействии на социальную и духовную сферу общественной жизни. В политической антропологии делается акцент на исследовании специфики человека как субъекта политического действия, обладающего особой волей к власти, волей переустроить мир в соответствии со своими проектами, ценностями и идеалами. Раскрыть смысл термина «человек политический» возможно только противопоставив автономную личность во всей ей полноте и уникальности «системному фетишизму», столь характерному для многих отраслей политической науки, ориентированных на исследование «самоналаживающихся» систем, т.е. стремящихся обходиться без исследования человека как фактора непредсказуемости и неопределенности. Мироззренческое кредо политического антрополога выражается известным афоризмом «не человек для общества, а общество для человека». Фокус его внимания сосредоточен не на специфике политических институтов, систем и режимов, но на исследовании политики как особого вида культурной деятельности, основанной на уникальном культурно-конфессиональном коде того или иного общества и присущей ему картине мира. Поэтому в политической антропологии функциональный подход к исследованию политики сочетается с ценностным, связанным с осмыслением проблем сущности и назначения человеческой деятельности, соотношения целей и средств, ценностных и прагматических мотиваций в политическом поведении и тп. В данном контексте принято говорить о противопоставлении антропологического и социологического подхода к исследованию человека. В рамках социологического подхода человек рассматривается как продукт социальной среды, изучаются механизмы социализации, т.е. становления и развития личности под воздействием совокупности общественных отношений. Сам человек выступает здесь как носитель определенных общественных и политических функций, ролей, обязанностей. Цель его становления — адаптация к господствующим институтам и нормам, подавление девиантного поведения. Соответственно в рамках социологического подхода проявляется тенденция к детерминизму: индивидуум вторичен по отношению к системе, является «винтиком государственной машины», в рамках которой он вынужден существовать. В противовес этому антропологический подход тяготеет к применению культурологического анализа, наделяющего духовно-религиозное ядро культуры статусом «базиса», смыслообразующего начала, обуславливающего единство всех видов практик конкретного общества. Политическая, экономическая, гражданская, повседневная активность каждого субъекта, его мотивации предопределяются системой интуитивных представлений о реальности. Аксиологическая позиция политической антропологии заключается в установке на реабилитацию ценности самобытных культур, традиций, укладов жизни. Инаковость,

непохожесть отдельных личностей и образуемых ими сообществ — не недостаток, который должен быть исправлен в ходе модернизации (осовременивания) государства и общества, но наоборот — величайшая ценность. Антропологический подход отвергает принципы монизма и саму возможность существования универсального всечеловеческого общественного идеала.

К.И. Кийченко

АРХЕТИП — понятие, возникшее в философии Античности, встречающееся, в частности, у Платона, а позднее у Филона Александрийского (ок. 25 г. до н.э. — ок. 50 г. н.э.), обозначавшее прообраз, идею, впоследствии составившее основу аналитической психологии Карла Густава Юнга. Юнг определяет А. как врожденный структурный элемент «коллективного бессознательного», архаическое психическое наслаение повторяющихся жизненных ситуаций и переживаний человека; универсальный, общечеловеческий первообраз и идею, проявляющуюся как индивидуально, так и в различных мифологических, культурных системах. А. определяется не содержательно, а формально. Содержательно можно определить только первообраз. Сам по себе А. представляет собой пустой формальный элемент. Наследуется не представление, а форма, которая в этом отношении точно соответствует инстинктам, которые тоже можно определять только формально. А. — это всеобщее представление о действительности. Данный фактор объясняет то, что в кризисных ситуациях общественной жизни архетип бессознательно возрождается. Таким образом, А. способен определять действия людей в различных сферах жизни. Роль А. в политической жизни можно определить исходя из аксиологической функции политической системы. Выражение и формирование ценностей и норм, происходит во многом на основе существующих в обществе архетипических моделей. Если рассматривать политическую идеологию как инструмент политической системы, то можно констатировать, что она, обращаясь как к иррациональным, так и рациональным элементам массового сознания, формирует мифы, оживляет архетипы и стереотипы для утверждения определенных ценностей. Универсальные образы или символы, содержащиеся в коллективном бессознательном, располагают к тому, чтобы индивид или группа индивидов испытывали определенные чувства или мыслили определенным образом относительно данного объекта или ситуации.

К.Ю. Аласани

Б

БЛАГО (греч. αγαλον, лат. bonum, фр. bien, нем. Gut, англ. good.) — центральное философское понятие, относящееся к основным аксеологическим категориям. В широком понимании Б. обозначает конечную цель всех человеческих стремлений и итог удовлетворения всех человеческих потребностей при условии соединения их устремлений и усилий.

Универсальный смысл Б. впервые осознается Платоном. Идея Б. занимает в его учении центральное место: она есть «первопринцип», благодаря которому образован весь идеальный мир, «высшее начало» и «цель всего сущего». Б. Платона — это «благо само по себе». Все основные понятия метафизики Платона получают свои сущностные определения в зависимости от отношения к Б.: совершенное Бытие является одновременно Прекрасным, Благом и Правдой. Лишь в сфере человеческой жизни Б. утрачивает основополагающее место и может быть осмыслено только через сравнение со своей противоположностью. Человек, по Платону, свободен в выборе — жить в благе или в пороке. Именно этот мотив определяет в дальнейшем всю эволюцию места и роли идеи Б. в философских концепциях античной эпохи.

Аристотель отрицает объективное существование идеи Б. В его учении Б. выступает в трех основных качествах: в метафизическом — Б. есть высшая цель всего, «конечная цель»; в онтологическом — Б. есть множество собственных воплощений (благ), в этическом заключается высшее из всех Б., реализуемых в поступках, отражающихся в добродетелях. Достижение общего Б., по Аристотелю, переплетается с личными интересами. От понятия Б. возникает и само государство, когда создается общение ради благой жизни между семьями и родами, ради совершенной и достаточной для жизни самой себя.

В дальнейшей истории философской мысли Б. понималось по-разному. Эпикурейцы под Б. понимали получение удовольствия, киники сводили понятие Б. к бесстрастному состоянию души и тела, стоики видели благо в абсолютной добродетели.

Радикальная переоценка ценностей античной эпохи, осуществленная христианством, возвращает идее Б. ее метафизический, универсально мировоззренческий смысл: Б., наряду с Бытием и Истиной, становится сущностным атрибутом Бога.

Отцы и учителя Церкви раскрывали учение о едином благе Боге как высочайшем Бытии, абсолютном Существо, во власти Которого находят-

ся все сущее. Только Бог есть «наибольшее Благо, превыше которого нет ничего... Благо неизменяемое, поистине вечное и бессмертное», все остальные Б. — более низшие и «могут иметь бытие лишь от самого высшего Блага». Бог не подвержен порче, поэтому Он есть наивысшее Б. Он не становится благим и не перестанет быть таковым: «Высшее Благо есть то, что вечно (каков Бог, благодаря чему Он и единственен в Своем роде)». Во II в. апологеты раннего христианства выступили с резкой критикой античной философии и мифологии, доказывая, что истинный Бог творит только добро, но не творит зла. Татиан ополчается на Зенона Китийского, у которого «Бог оказывается творцом зла, проявляясь в червях и канавах и в тех, кто предается неудобосказуемому разврату». В противовес подобного рода ложным мнениям Афинагор Афинский утверждает: «Бог, как совершенно благой, всегда благодетельствует». В святоотеческой традиции также поднималась тема единства Божественной благодати и справедливости. Особенно остро эта проблема ставилась в полемике с дуализмом гностиков и манихеев. Гностик Маркион противопоставлял благого Бога — Отца Иисуса Христа — справедливому Богу, это вызвало резкую критику со стороны христианских богословов II–III вв.

В течение Средневековья к трансцендентальному смыслу Б. добавляются нравственные определения. Для человека понятие Б. сближается с понятием добра, которое выражается в милосердных делах.

Через призму человеческого существования и познания определяют Б. философы Нового времени. Декарт считает высшим Б. познание истины; Гоббс видит величайшее Б. в самосохранении и беспрепятственном движении вперед; Кант считает Б. конечную цель, возможность достижения которой он связывает со свободой; Гегель считает Б. «побуждением», «еще неосуществленной идеей», «последней абстрактной непосредственностью», такой же, как и небытие.

Со второй половины XIX в. понятие Б. непосредственно связывается с понятием ценности (Г. Риккерт и др.). Вопрос о соотношении Б. и ценности продолжает оставаться предметом дискуссий.

Баденская школа неокантианства тяготела к противопоставлению Б. и ценности, понимая последнюю как некоторый абстрактный образец, с точки зрения которого нечто способно быть Б.

В экономическо-социальном отношении под благом разумеется все, что, имея ценность, может иметь и рыночную цену, следовательно, в обширном смысле разумеются все имущественные блага. На немецком языке «Gut» и на французском «bien» имеют и специальное значение недвижимого имущества. Имущественные блага создаются, приобретаются, меняются, распределяются на основании внутренних, управляющих хозяйственной жизнью экономических законов, изучаемых политической экономией. Приобретение ценностей или вещей, как отдельных, так и совокупности таких имущественных благ, имущества, влияет на общественное положение каждого человека, порождает различные обществен-

ные классы, зависящие от количества имущественных благ, которых достигает и которыми пользуется каждый.

К XX в. тема Б. с полной очевидностью обнаруживает свой собственный, соответствующий новому времени, метафизический смысл — встречи с будущим. Трансцендентальное содержание Б. связывается отныне не с непостижимостью космической глубины бытия и не с невысказанной высотой Бога, а с предстоянием будущего как такового, в его отношении к наличному благосостоянию людей.

А.В. Симонова

БИХЕВИОРАЛИЗМ ПОЛИТИЧЕСКИЙ (от англ. «behaviour» — поведение) — теоретико-методологический подход в политической науке XX в., ориентированный на изучение политики посредством анализа поведения акторов.

В отечественной научной литературе для обозначения данного подхода часто употребляется термин «бихевиоризм» — по аналогии с позитивистским течением в психологии, возникшим в конце XIX в. В трудах основателей бихевиоризма Э.Л. Торндайка (1909–1979) и Дж.Б. Уотсона (1878–1958) ставилась задача научного объяснения поведения, понимаемого как совокупность реакций на воздействие внешней среды (стимулы), и управления им. Достижению данных целей служили экспериментальные исследования, направленные на выявление закономерностей возникновения стимул-реактивных связей, построение моделей «репертуаров поведения» и разработку схем формирования требуемых поведенческих навыков путем выбора релевантных стимулов. При этом различия между поведением человека и животных не делалось. Необихевиористы — Э. Толмен (1886–1959), Б.Ф. Скиннер (1904–1990), Р. Вудворс (1869–1962) и др. — усложнили трактовку поведения, введя в объяснительную схему наряду со «стимулом» и «реакцией» понятия «промежуточные переменные», «подкрепление» и пр. Основополагающее значение в бихевиоризме имело признание наблюдаемых поведенческих актов единственным предметом исследования и, как следствие, отказ от анализа психики на основании того, что свидетельства о проходящих в ней процессах не доступны объективной фиксации и верификации. В XX в. данный подход широко распространился в социальной науке — возникли бихевиористские течения в социологии, теории управления, педагогике, экономике и пр.

Термин «бихевиорализм» предложен канадским ученым Д. Истоном (р. 1917) для обозначения специфики политологической методологии по сравнению с другими социальными науками. При исследовании политического поведения методы бихевиоризма не обладают монополией, сочетаясь с другими подходами, иногда прямо противоречащими его установкам, — в частности, с психоанализом, в центре внимания которого находятся психические процессы, не признаваемые бихевиоризмом пред-

метод научного исследования. Кроме того, классическая психоаналитическая методология, разработанная в трудах З. Фрейда (1856–1939) и К.Г. Юнга (1875–1961) и превращенная в социальную доктрину в трудах неофрейдистов К. Хорни (1885–1953), Э. Фромма (1900–1980), В. Райха (1897–1957) и др., противопоставляет поведение человека и действия животных, вводя в объяснение поведения фактор социального воздействия, подавляющего естественные инстинкты и влечения и приводящего к необходимости выработки специальных защитных психических механизмов. Бихевиорализм — вслед за психоанализом и в противовес бихевиоризму — признает важность изучения бессознательных факторов поведения, формирования патологических явлений психики под влиянием социального давления и способов их нормализации на уровне индивидуального и коллективного сознания.

Помимо психологии в качестве источников бихевиорального подхода в политической науке послужили социология групп А.Ф. Бентли (1870–1957), выделившая в качестве субъекта социального действия «группу интересов» — совокупность людей, имеющих сходные интересы и совместно добывающихся их реализации, — а также экономическое направление в социологии, в том числе теория социального обмена Дж.К. Хоманса (1910–1988), усматривающая основу социальных связей в отношениях обмена материальными и нематериальными благами. Соединение столь различных течений в бихевиорализме стало возможным благодаря опоре на принципы, разработанные философией прагматизма.

Формирование бихевиорализма происходило на рубеже XIX–XX вв. в борьбе с институционально-правовым подходом, господствовавшим в то время в политических исследованиях. Институционализм, ориентированный на анализ кодифицированных правил, регулирующих политическую сферу, и организаций, устанавливающих данные правила и обеспечивающих их применение, критиковался за акцент на нормативное измерение политики и неспособность «схватить» реальные политические процессы, объяснить поведение индивида, выявить причины отклонения реальных поступков от предписанных образцов действия.

В основе бихевиорального подхода лежит интеракционализм — понимание политики как сферы взаимодействия по поводу власти. Первичным объектом изучения являются политический выбор граждан, их поведение как в юридически оформленных, так и в неформальных структурах. Функционирование политических акторов, как и политических институтов, возникающих как следствие их действий, трактуется как совокупность поведенческих актов, подлежащих фиксации и изучению. Основная задача заключается в определении факторов, влияющих на поведение индивида или группы, а также в уяснении путей и способов формирования этих факторов. В связи с этим в бихевиоральных проектах основное внимание уделялось анализу электорального поведения и природы политического лидерства, выявлению механизмов политической

социализации, изучению динамики политических предпочтений и влияния политической информации, исследованию процессов принятия политических решений. Уже в раннем бихевиорализме были сформулированы основные принципы анализа политического поведения: изучение поведенческих актов, доступных наблюдению и измерению; применение строгих количественных и качественных методов, обеспечивающих объективность и репликативный характер выводов; междисциплинарный подход, позволяющий синтезировать методы различных наук.

Проект превращения политологии в точную, эмпирическую, экспериментальную, ориентированную на решение практических задач науку о политическом поведении был разработан и впервые реализован в 30-х гг. в Чикагской школе политической науки, основанной Ч.Э. Мерриамом (1874–1953). Распространение этого подхода привело в середине XX в. к так называемой бихевиоральной революции — активному формированию и бурному развитию научных школ анализа политического поведения, что привело к доминированию бихевиорализма в политической науке. Основы исследования психологических аспектов властных отношений были заложены Ч.Э. Мерриамом и Г.Д. Лассуэллом (1902–1978); у истоков разработки методов изучения влияния социальной среды на политическое поведение стоял П.Ф. Лазарсфельд (1901–1976); экономический подход, трактующий политику как рыночный обмен контролируемыми ресурсами, опирается на труды П.М. Блау (р. 1918) и основоположников теории рационального выбора Э. Даунса (р. 1920), М. Олсона (1932–1998), П.М. Бьюкенена (р. 1919), и др. В период бихевиоральной революции политологией был накоплен огромный эмпирический материал, разработан методологический инструментарий, адаптированы заимствованные из иных дисциплин методы прикладных политических исследований, при поддержке государства и частного капитала сформирована разветвленная система исследовательских организаций и учебных заведений.

В то же время проявились и негативные тенденции. Увлечение методологией в ущерб содержательной стороне дела вело к утрате политологией предметного единства и размыванию критериев определения степени важности научных проблем. Эмпирико-прикладной характер, скептическое отношение к теоретико-философскому осмыслению политики породили угрозу примитивизации дисциплины, что проявилось в невозможности оценить уровень сложности реальных политических проблем, стремлении сохранить фактические исследуемые условия и игнорировать динамику реальной политики, прогностическим неудачам. Равнодушие к нормативно-институциональной сфере, игнорирование ценностного измерения политики, принцип нейтральности, снимающий с политологов ответственность за последствия реализации их рекомендаций, — все это при ярко выраженной манипулятивной направленности существенно затрудняло не только решение научных задач, но и обоснование социальной значимости политической науки. А вкупе с принципиальным теоретико-методологическим плюрализмом и произвольностью в

выборе инструментов анализа вело к реальной угрозе дезинтеграции политической науки, превращения ее в набор конкурирующих или игнорирующих друг друга групп, разрозненно ведущих исследования по ситуативно выбранным темам при помощи не согласуемых методов.

В 1969 г. Д. Истон как президент Американской ассоциации политической науки заявил о необходимости преодоления негативных последствий доминирования бихевиорализма и революционного пересмотра фундаментальных ориентиров политологии. Новый этап развития данного подхода — необихевиорализм — связан с усилиями синтезировать бихевиоральный и институциональный подходы, ввести в анализ ценностно-нормативную проблематику, отказаться от жесткого эмпиризма, сформировать общее видение социально-исторической ситуации и выстроить траекторию развития политической науки как единой дисциплины.

О.Ю. Бойцова

В

ВАЙОЛЕНСОЛОГИЯ (от англ. violence — насилие) / **ВИОЛЕНТОЛОГИЯ** (от лат. violentia — насилие). Отрасль знания, исследующая феномен насилия, его генезис, факторы, а также вырабатывающая направления и принципы предупреждения насилия. Возникла во второй половине XX века в связи с ростом насилия в послевоенном мире. Получила развитие в колумбийской социологии при изучении периода истории Колумбии (1945–1965), называемого La Violencia (Насилие). Начало этому подходу положили: епископ Херман Гузман Кампос, Орландо Фаис Борда и Эдуардо Уманья в книге «Насилие в Колумбии. Исследование социального процесса» (1962). Направление получило развитие в ряде других западных стран. Среди сторонников этой отрасли знания такие исследователи, как Р. Oquist, Е. Hobsbawn, J. Henderson, С. Berquist (США), М. Deas (Великобритания), С. Le Grand (Канада), Р. Gilhodès, D. Pécaut (Франция) и др.

А.В. Соловьев

ВЛАСТЬ (от древнеслав. *власти* — владеть) — отношение между людьми, состоящее в возможности для одних из них оказывать решающее влияние на деятельность и поведение других. В. выступает одним из базовых понятий философии политики и права, и потому существует множество определений этого понятия, выражающих различные подходы к политике и праву вообще. Можно говорить об основных *группах* таких определений и подходов. Сторонники телеологического и волюнтаристского подходов рассматривают В. как возможность проводить свою волю и достигать намеченных целей. Так, по определению М. Вебера В. означает возможность и способность индивида или социальной группы осуществлять свою волю в определенной системе социальных отношений, несмотря на сопротивление, а согласно Э. Гидденсу В. означает способность изменять порядок вещей. Сторонники системного и структурно-функционального подходов определяют В. как способность системы обеспечивать исполнение ее элементами своих функций и принятых обязательств, как способ самоорганизации общности людей, основанный на целесообразном разделении функций управления и исполнения. Адепты бихевиоралистских, интеракционистских и реляционистских подходов трактуют В. как тип поведения людей, когда одни командуют, а другие

подчиняются, а также как взаимодействие между индивидами, в котором одни из них могут оказывать решающее влияние на других. Так, например, для Р. Даля власть А над Б есть возможность добиться того, чтобы Б сделал нечто, чего он не сделал бы без такого воздействия. В рамках подходов, связывающих В. с осуществлением влияния на других людей, различаются также сторонники ситуационного взгляда, согласно которому В. есть *фактическое* осуществление решающего влияния, и диспозиционного взгляда, по которому для наличия отношений В.-подчинения достаточно стабильной *возможности* для одних оказывать такое влияние на других. Сторонники коммуникативных моделей рассматривают В. как особый вид коммуникации и связывают ее с групповым взаимодействием людей. Так, по мнению Х. Арендт, В. есть способность человека действовать, но действовать совместно с другими людьми. Поэтому В. всегда принадлежит группе и сохраняет свою силу до тех пор, пока группа сохраняет единство. Приверженцы герменевтического и лингвополитического подходов полагают, что В. во многом носит символический характер и сохраняется благодаря разделяемым членами данной общности смыслам, а также что язык в значительной степени определяет характер и формы осуществления В. в конкретной человеческой общности. Автор радикальной теории В. Стивен Льюкс подчеркивает конфликтный характер отношений В.-подчинения, утверждая, что проявить свою В. по отношению к кому-то значит пойти против его воли и тем самым — против его автономности. В философии права существует также взгляд, связывающий В. с правами и обязанностями человека: в рамках этого взгляда В. есть возможность приказывать, когда тот, кому приказывают, обязан повиноваться. При любых методологических подходах, однако, В. характеризуется как взаимодействие субъекта и объекта, при котором субъект с помощью определенных средств контролирует объект. В. также представляет собой *асимметричное* отношение между людьми, когда субъекту принадлежит более активная и определяющая роль. Впрочем, в современной философии политики и права властные отношения все чаще трактуются не как чисто субъектно-объектные, где одна сторона всегда и во всем выступает субъектом, а другая — только объектом. Сегодня при характеристике властных отношений речь идет скорее о В.-взаимодействии, где стороны, хотя и в разной степени, оказывают друг на друга *взаимное* влияние. Однако при этом отношения В.-подчинения всегда сохраняют в себе неустранимый авторитарный элемент — без такого авторитарного элемента не может существовать и сама В. В. также всегда должна на что-то опираться, поэтому одной из важнейших ее характеристик являются *ресурсы* В., под которыми понимается вся совокупность средств, обеспечивающих решающее влияние субъекта на объект В. Различают, в частности, экономические, социальные, принудительные, демографические и культурно-информационные ресурсы В., при этом роль культурно-информационных ресурсов неуклонно возрастает, поскольку в условиях

преобладания демократических властных процедур, а также в условиях информационной революции для В. очень многое зависит от характера информации, которую будут получать граждане. Так, по оценке О. Тоффлера, сегодня главным ресурсом В. уже являются знания и информация. В соответствии с используемыми ресурсами принято выделять различные *виды В.*, в частности, экономическую, социальную, принудительную, культурно-информационную и политическую В. В этом ряду *политическая В.* отличается от других тем, что она способна к мобилизации всех обозначенных видов ресурсов. Кроме того, политическую В. отличает монополия на легальное использование силы в пределах государства, верховенство, обязательность решений по отношению к иным видам власти, публичный характер, наличие единого центра принятия решений. Для прочности и действенности политической В. очень важным фактором также выступает ее *легитимность* — признание этой власти в качестве законной со стороны граждан государства. Такое признание зависит не только от оценки общественным мнением законности порядка конкретной смены власти, но и от эффективности действий политической В. по решению насущных в наличных обстоятельствах общественных проблем. Политическую В. характеризуют также применяемые ею средства властного воздействия, среди которых выделяются, в частности, принуждение, убеждение, пропаганда и манипулирование. Если принуждение, убеждение и пропаганда подразумевают открытое воздействие субъекта на объект В., то манипулирование выступает средством скрытого воздействия на сознание людей, в результате которого те, на кого направлено действие манипуляторов, как будто бы по своему желанию начинают действовать в интересах организаторов такого воздействия и нередко — вопреки своим собственным реальным интересам. Историческая эволюция средств властного воздействия состоит, в частности, в том, что в действиях В. постепенно уменьшается доля прямого принуждения и насилия — и увеличивается доля пропаганды и особенно манипулирования. Однако силовой элемент никогда полностью не уходит из арсенала средств политической В. Политическая В. также всегда связана с опасностью злоупотребления ею, поэтому историческая эволюция политических систем состоит и в совершенствовании средств *контроля* над ней, в роли которых выступают, в частности, конституционное ограничение ее полномочий, правила выборности, отчетности и сменяемости В., а также разделение властей, политический плюрализм и свобода критики.

А.Г. Сытин

Г

ГИПЕРРЕАЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКАЯ — понятие философии постмодернизма, служащее для обозначения символического, знакового социального пространства, заменяющего реальность. Термин введен Ж. Бодрийяром в 1972 году в книге «Символический обмен и смерть». Бодрийяр предлагает рассматривать Г.П. как совокупность взаимодействия симулякров, которые в бодрийяровском понимании представляют собой знаковую репрезентацию, лишенную реальной идеи, действительного смысла. Действительность постмодерна гиперреальна, следовательно, любая общественная сфера (включая политическую) существует только в гиперреальности. Одной из ключевых проблем постсовременности, по мнению Ж. Бодрийяра, является то, что отсутствие смысла не предполагает отсутствие действия. Политическая власть в контексте гиперреальности может действовать и действовать чрезвычайно эффективно в знаковом пространстве — пространстве информации и массовой коммуникации. Доверие к изображению, образу, имиджу преобладает над доверием к идее, сущности. Данный подход позволяет говорить о виртуализации всех сфер жизни, включая экономику и политику. Вместе с тем проблема Г.П. или «виртуализации политики» не сводится лишь к постмодернистской трактовке данной темы. Политика, существующая в гиперреальности, есть политика мнимая, ускользающая, лишенная четкости и определенности. Вместе с тем «виртуальная политика» обладает одним из важнейших качеств гиперреальности — свойством имитации или симуляции. Данное свойство является неотъемлемой частью политики государств, декларирующих демократический режим, но являющихся по сути авторитарными. Имитация может проявляться, например, в наличии партий, которые по средствам СМИ заявляют о своем оппозиционном статусе, но в действительности оппозицией не являются. Борьба, зрителями которой являются граждане государства, происходит на виртуальной арене (на телевизионном экране, в сети, на страницах газет), но на реальном политическом процессе она никак не отражается. Таким образом, общество лишается возможности адекватно оценивать собственное состояние, погружаясь в Г.П. Очевидно, что проблема Г.П. неразрывно связана с идеей политического манипулирования. Так имитационная система позволяет манипулировать общественным сознанием в такой степени, что возникает иллюзорное ощущение наличия достаточно вы-

сокого уровня демократических свобод. Решение вопроса о сопротивлении политическому манипулированию такого рода представляется сложным, поскольку уход индивида из информационного пространства влечет за собой политическую пассивность. В то же время сомнение вызывает тот факт, что борьба с виртуальными политическими заявлениями, движениями, образами окажет какое-либо влияние на политическую ситуацию в реальности.

К.Ю. Аласания

ГЛОБАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО (глобальный от лат. *globus* — шар; гражданин от греч. *politēs* — житель города; общество от греч. *κοινωνία* — объединение) — это организованное в глобальном масштабе объединение людей, вышедшее за пределы национальных государств и действующее в международном масштабе, объединяя в своих организациях представителей разных стран. Широкое обсуждение О. связано с такими взаимосвязанными процессами, как усиление роли международных организаций, глобализация и выход негосударственных акторов на мировую арену в качестве автономных участников мировых политических процессов. Вопросы, связанные с феноменом О., являются предметом активных дебатов с конца 50-х гг. XX века в рамках концепции гражданской культуры и в русле теории политического развития (Л. Пай, Г. Алмонд, С. Верба, Р. Бендикс, С. Хантингтон). По мнению некоторых исследователей, об О. в академическом сообществе впервые заговорили только в 1990-е гг. Весь предыдущий послевоенный период шел лишь активный подготовительный процесс, в ходе которого была создана Организация Объединенных Наций и принята Всеобщая Декларация прав человека и гражданина и ряд других международно-правовых актов, направленных на отстаивание прав индивидов. Эти процессы стали началом постепенного перемещения вопросов гражданских прав из сферы исключительной государственной компетенции. Согласно еще одной точке зрения, впервые термин О. появился в работах близкого к неомарксизму Р. Фолка. Он полагает, что новые перспективы мирового развития связаны с подъемом правозащитных движений, деятельностью организаций, отстаивающих интересы различных слоев населения. При помощи участников О. угнетаемые слои могут выражать свое мнение, отстаивать свои позиции и ограничивать монополию на решения международных организаций. В настоящее время существует несколько стратегий в определении и концептуализации О. Согласно Д. Кину, О. как постоянно развивающийся социальный феномен является незавершенным проектом, «который состоит из порой развитых, а иногда неразвитых взаимосвязанных сетей, пирамид и коммуникативных кластеров социально-экономических институтов и акторов, самоорганизующихся через границы с осознанной целью объединить мир по-новому». Другой стратегией в определении и

концептуализации О. является сравнение его с традиционным гражданским обществом. Часто подчеркивают концептуальное сходство данного термина с его историческим аналогом, который традиционно формировался и развивался в пределах национальных государств. Один из авторов, к примеру, замечает, что О. — «близкий концептуальный сородич гражданского общества», который появился на авансцене в последнюю четверть XX века как полезная концепция для характеристики глобального автономного пространства гражданской и организационной активности в эпоху глобализации. Таким образом, данный подход утверждает, что О. является «третьим сектором», который, отличаясь от государственно-центрической модели международных отношений и глобального экономического рынка, становится альтернативой им. Ряд исследователей усматривают основной родовой признак О. в родстве этого феномена с процессами глобализации. О. как проявление глобализации в полной мере отражает ее противоречивый характер, сочетая формирование новых ценностей, новых форм и практик гражданского участия и солидарности в решении глобальных проблем человечества и острые проблемы отстранения стран Юга, а также тенденции бюрократизации международных общественных организаций. Многие теоретики определяют О. как демократическую альтернативу глобализации снизу в ответ на глобализацию сверху. Идея О. разрабатывается представителями различных научных школ и направлений. В той или иной степени она получила поддержку представителей всех крупных теоретических течений политической науки. Б. Бузан, представитель структурного реализма, считает, что О. формируется благодаря существующим на сегодняшний день «космополитическим структурам». Этому способствует расширение международного сообщества государств, разделяющих общие нормы, в первую очередь демократию и права человека. По мнению представителей либерального течения, процессы глобализации в современном мире неизбежны. Как считают радикальные сторонники О., не только государства, но и национальные гражданские общества перестают быть самодостаточными. Индивиды и группы, которые входят в эти локальные гражданские общества, постепенно вливаются в О. с транснациональными институтами, формирующимися через культурные формы и организации. Рассматривая данный феномен, единственным моментом, в котором мнения исследователей совпадают, является три признака О. Во-первых, рождение «глобализованного среднего класса», представители которого все меньше связаны с какой-либо национальной принадлежностью. Во-вторых, возникновение мирового права, основой которого становятся универсальные этические принципы и которое отказывается от скрупулезного соблюдения национального суверенитета, служившего базовым принципом международного права. В-третьих, показателем формирующегося О. общества называют возросшую роль мирового общественного мнения.

Воробьева Ю.И.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ — тематический спектр современного политического и научного дискурса, специально посвященного поиску способов устранения или минимизации угроз и рисков, которые связаны с безопасностью всех регионов и всех народов планеты и требуют создания глобальной системы безопасности. Эта система должна основываться на тесной координации всех государств и межгосударственных союзов, что предполагает создание единой модели управления рисками и эффективной технологии глобального планирования и стратегического прогнозирования на основе международного права. Основная трудность в осмыслении природы возникновения и разрешения глобальных проблем — размытая граница между научным подходом в изучении глобальных угроз и рисков.

Если научный подход к теме предполагает междисциплинарный синтез и постоянную конкуренцию научных школ, то политическое видение связано принятием политических решений и соглашений, обязательных для исполнения после принятия. Эти решения основаны, как правило, не на конкуренции идей, каждая из которых имеет право на существование, а на согласовании интересов и поиске консенсуса между основными акторами политической деятельности. При этом обращение политиков к потенциалу науки ограничивается, как правило, участием отдельных научных центров и видных представителей научного сообщества в экспертной деятельности на стадии подготовки и предварительного обсуждения политических решений, а также в научном обеспечении уже одобренных планов и проектов международного сотрудничества.

Если научный подход обеспечивает *проблематизацию* вопросов, которые обсуждаются на международных встречах и имеют прямое отношение к коллективной безопасности, то международная политическая деятельность (на межправительственном или межпарламентском уровне) позволяет достичь согласия по определению приоритетов, а также по уточнению перечня и общего описания глобальных проблем. Именно благодаря такому взаимодействию науки и политики (проблематизации и формализации) становится возможным поиск методов и единых политических стратегий решения глобальных проблем в интересах устойчивого и безопасного развития. Однако именно в рамках такого взаимодействия ученых и политиков возникают трудноразрешимые противоречия, а точнее, конфликт между поиском научной истины, не зависящей от конъюнктуры, и поиском политической целесообразности и эффективности. Поэтому при обсуждении глобальных проблем и методов их решения следует помнить, что не все научные теории согласуются с *общепринятым* пониманием сущности глобальных проблем, что порождает постоянную критику политических решений со стороны отдельных научных школ и направлений.

Как правило, перечень глобальных проблем соответствует в меньшей степени классификации наук и научным приоритетам, а в большей —

выделению основных отраслей политики. Эта особенность предопределена потребностью в создании эффективной модели управления деятельностью по координации национальных стратегий устойчивого развития. Таким образом, среди глобальных проблем обычно выделяют: *экологические* (важнейшая — обвальное сокращение уникального регионального биоразнообразия и угроза климатических изменений, спровоцированных техногенной активностью); *демографические* (углубляющиеся диспропорции в самовоспроизводстве различных рас и народов — «демографический взрыв» на фоне ускоренной депопуляции ряда великих народов и малочисленных этнических групп); *военные* (риски распространения средств массового уничтожения, способных в теории «многократно» истребить жизнь на планете) и т.п. Очевидно, что подобные классификации имеют бесспорную ценность для политического планирования, но страдают схематизмом, поскольку все эти проблемы тесно связаны между собой, и есть все основания говорить, к примеру, об экологическом или военном измерении любой из выделенных глобальных проблем.

К тому же схематизм при составлении перечня глобальных проблем переносится и в работу по определению их генезиса, что может привести к ошибкам, связанным, в частности, с подменой целей политики и средств их достижения причин и следствий. К примеру, создание наднациональных органов тотального контроля часто рассматривается не как инструмент для решения конкретных проблем, а как самоцель, для достижения которой целесообразно нагнетание страха, связанного с угрозой мирового коллапса. Политики чаще всего используют отсылки на глобальные проблемы (имея в виду отдельные научные гипотезы и конкурирующие теории) в интересах, не связанных с поиском истины. При этом внимание фиксируется лишь на внешних характеристиках глобальных трендов, порожденных процессом глобализации, суть которого в этом случае сводится не к снижению рисков и не к минимизации глобальных угроз, что составляет цель постановки глобальных проблем, а к установлению контроля за планетарными ресурсами в условиях нарастающего ресурсного голода. Энергетический голод обостряет «политические инстинкты» властных элит, включенных в круг основных акторов современной геополитики. Он диктует новые правила игры. Все чаще приходится слышать рассуждения о неизбежности международных конфликтов и о возможном очередном силовом переделе планетарных ресурсов в интересах... решения глобальных проблем. Такой передел, как правило, начинается с конфликтов, связанных с защитой «жизненных интересов» ведущих государств, которые обладают ресурсами для решения глобальных проблем. К примеру, в СМИ все чаще просачивается информация о разработке новых видов вооружений, предназначенных для использования в арктических широтах, но все реже — о неизбежных и катастрофических глобальных последствиях как ожидаемого «арктического переде-

ла», так и очередного витка хищнического освоения северных территорий. Таким образом происходит девальвация глобальных проблем.

При этом само упоминание о глобальных проблемах давно превратилось в универсальный и почти ритуальный прием, широко используемый в различных сферах деятельности и, прежде всего, в сфере публичной международной политики, в средствах массовой информации и в масштабных научно-исследовательских программах для обоснования актуальности тех или иных проектов или акций, требующих транснациональной кооперации. И действительно, что может быть более актуальным, чем борьба за выживание всего человечества? Для того чтобы убедиться в справедливости этого вывода, достаточно бегло просмотреть тематику международных встреч за последнее десятилетие, в том числе и саммитов лидеров ведущих стран мира. С каждым годом все очевиднее становится общая тенденция выделения тех или иных глобальных проблем как ключевых и сквозных тем, позволяющих не только выстроить внутреннюю логику переговорного процесса применительно к конкретной ситуации, но и обозначить преемственность такого рода встреч и дискуссий на длительный период.

По сути, благодаря самому факту выделения глобальных проблем в особый класс в международной политике последних лет прослеживается несомненная эволюция от методов закрытого и чаще всего спонтанного решения текущих задач в узком кругу руководителей стран и дипломатов к открытому и научно обоснованному обсуждению консолидированных стратегий долгосрочного и сверхдолгосрочного развития. Заметим, что неизбежный для политического дискурса схематизм и даже некоторый примитивизм научного обоснования глобальных проблем на «политических площадках» (документы, принимаемые на этом уровне, рассчитаны на публичных политиков и широкую аудиторию, а не на узких специалистов) не препятствует сближению позиций основных политических акторов. Поэтому закономерная критика со стороны научного сообщества уровня политических дискуссий, не всегда соответствующего требованиям научной корректности, так же как и критика итоговых политических документов, зачастую не отвечающих требованиям научной логики, не может служить основанием для принижения значимости принимаемых на основании этих дискуссий политических решений. С другой стороны, слишком очевидный и заметный разрыв между принципами политической целесообразности и научной состоятельностью принимаемых решений, связанных с преодолением или минимизацией угроз, подрывает так называемую научную легитимность политики и снижает доверие гражданского общества к усилиям правительства по снижению глобальных рисков.

Похочая ситуация складывается и в научной сфере. Иллюстрацией такого вывода могут служить, к примеру, монографии или рефераты докторских и кандидатских диссертаций по самому широкому спектру дисциплин. Значительная часть этих научных текстов начинается с обоснования того вклада, который авторы вносят или заявляют, что вносят, в

решение какой-либо глобальной проблемы. К сожалению, при этом никакого сколько-нибудь заметного прироста знаний о глобальных проблемах или подвижек в процессе междисциплинарной интеграции, диктуемой единством проблемной области (глобальные проблемы — общее исследовательское поле), как правило, не происходит, с чем связан возможный негативный результат бесконтрольного использования подобного приема. Речь идет о девальвации самой идеи выделения и специально-научного изучения глобальных проблем, которые в этом случае превращаются в «общее место» политического, научного или наукообразного дискурсов и надоедливый «информационный шум».

Но на фоне отмеченных негативных тенденций следует выделить несомненные позитивные результаты, значимость которых трудно переоценить. Среди наиболее значимых тенденций последнего времени — активизация интереса политиков, ученых и широкой общественности к глобальным социальным и экологическим последствиям принимаемых политических решений. Соответственно, даже ритуальный характер ссылок на глобальные проблемы позволяет решить триединую задачу по укреплению мирового сотрудничества на основе стратегии устойчивого развития.

О какой триединой задаче идет речь? *Во-первых*, о повышении значимости социально-экологической тематики в политике и науке. *Во-вторых*, о системном подходе к определению приоритетов в реальной международной политике и междисциплинарных научных исследованиях. *В-третьих*, о максимально возможном сближении позиций мирового научного сообщества и политических элит различных стран. Такое сближение позиций на международной сцене обусловлено тем фактом, что властные группы (национальные политические элиты) несут огромную долю ответственности, в том числе и персональной, за ближайшие и отдаленные последствия своей деятельности для природы и грядущих поколений, а следовательно, и ответственности за поддержку исследовательских программ, обеспечивающих поиск путей решения глобальных проблем. Эта триединая задача вполне органично вписывается в деятельность многих престижных международных организаций, структур и масштабных инициатив.

Подводя итог, можно выделить семь подходов к пониманию природы глобальных проблем.

Первый подход. Глобальные проблемы — *универсальный прием*, широко и целенаправленно используемый в большинстве сфер деятельности (политической, общественной и научной) для повышения статуса и обоснования исключительной актуальности намеченных проектов, программ или акций любого уровня, класса и направленности.

Второй подход. Глобальные проблемы — *набор идей и научных гипотез*, имеющих различную степень собственно научной обоснованности, но широко применяемых в качестве инструментов политического давления в конкурентной борьбе и в целях лоббирования интересов от-

дельных корпоративных групп, стран или межгосударственных союзов, а также новых отраслей производства и научных направлений в сфере национальной и международной политики.

Третий подход. Глобальные проблемы — *основная тематика средств массовой информации*, выбор которой диктуется распространенными в эпоху техногенных и социальных катастроф массовыми страхами, навязчивыми фобиями и «апокалипсическими настроениями», что вызывает и поддерживает в течение многих лет устойчивый «информационный спрос» у всех основных социальных и профессиональных групп во всех странах мира.

Четвертый подход. Глобальные проблемы — *адаптированные концептуальные схемы, внедряемые через многоуровневую систему народного образования* (образования в течение всей жизни) и призванные сформировать у различных народов, возрастных, профессиональных и социальных групп навыки сотрудничества и социально ответственного природопользования.

Пятый подход. Глобальные проблемы — *концептуальная основа научной и культурной легитимации «нового мирового порядка»*, позволяющая использовать методы и социальные технологии «мирного и добровольного» перераспределения планетарных ресурсов или в интересах развитых стран и транснациональных корпораций (глобализация как инструмент разделения и господства), или в интересах устойчивого развития.

Шестой подход. Глобальные проблемы — *объектная и предметная область междисциплинарных научных исследований*, целью которых является совершенствование методологии управления системными рисками в интересах обеспечения национальной и коллективной безопасности.

Седьмой подход (основной). Глобальные проблемы — *реальные противоречия в развитии планетарных социоприродных систем*, порождающие «поломки» в их функционировании, которые могут привести к необратимой деградации или гибели живой природы и человеческой цивилизации.

В.Н. Расторгуев

ГЛОБАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ — неотъемлемая функция современной политической деятельности, эффективность которой непосредственно зависит от того, в какой мере учитываются общемировые тренды и политические риски, связанные с феноменом глобализации. По определению А.С. Панарина — одного из первых исследователей феномена глобального политического прогнозирования с позиций философии политики и права, объектом глобального политического прогнозирования является глобализация в ее исторической динамике — становление единого взаимосвязанного мира. В глобализирующемся мире «народы не отделены друг от друга привычными протекционистскими барьерами и границами, одновременно и препятствующими их общению, и предохраняющими их от

неупорядоченных внешних воздействий... При этом следует учитывать, что к новой системе открытого, глобализирующегося мира различные народы и государства подошли неодинаково подготовленными, значительно отличающимися по своему экономическому, военно-стратегическому и информационному потенциалу». В результате наибольший интерес к деятельности в области глобального прогнозирования проявляется у ведущих игроков на политической сцене — у самых могущественных стран, цели которых не сводятся к выяснению объективных тенденций, выявлению и преодолению общих угроз, разрешению глобальных проблем. Их цели предполагают также усиление контроля за планетарными стратегическими ресурсами и ослабление стратегических конкурентов в интересах экономической, геополитической и социокультурной экспансии. По мнению А.С. Панарина, «эти же страны тяготеют к социал-дарвинистской интерпретации глобального мира как пространства нового естественного отбора, призванного расширить границы обитания и возможности наиболее приспособленных за счет менее приспособленных».

Таким образом, глобальное прогнозирование — понятие, которое служит одновременно и для обозначения особой деятельности, включенной в процесс долгосрочного стратегического планирования, осуществляемого акторами мировой политики, и для обозначения любых форм осмысления глобальных процессов с учетом их ближайших и отдаленных последствий. К таким формам можно причислить и междисциплинарные научно-прогностические исследования «общего будущего», и чрезвычайно обширную футурологическую литературу, в том числе в жанре политической утопии или антиутопии, и многое другое. Эти принципиальные различия следует учитывать, поскольку глобальное прогнозирование имеет и открытую, и закрытую стороны. С одной стороны, глобальное прогнозирование — едва ли не самая доступная форма политического дискурса, поскольку в сфере публичной политики, на страницах газет и журналов, в электронных СМИ при обсуждении и оценке происходящих на мировой сцене событий почти всегда уделяют особое внимание анализу глобальных прогнозов, в том числе и альтернативных. Это создает впечатление достоверности и объективности информации, которая на самом деле чаще всего опирается лишь на попытки осуществить реконструкцию глобальных планов, неизвестных миру сообществу. С другой стороны, сама специализированная деятельность в области глобального прогнозирования и формы ее институционализации редко становятся предметом независимой экспертизы и открытого обсуждения даже в научном сообществе, поскольку почти вся основная работа в этой области основывается на закрытой информации и входит в число основных направлений научно-аналитического обеспечения высших органов государственной власти. Эта специализированная деятельность полностью подчинена задачам, связанным с подготовкой и принятием решений в области внешней политики, и, следовательно, не может быть абсолютно прозрач-

ной, поскольку должна учитывать конфликт интересов и предполагает соблюдение государственной тайны. Уровень сложности и наукоемкости глобального прогнозирования возрастает на несколько порядков, когда аналитики переходят на методы альтернативного долгосрочного и сверхдолгосрочного стратегического планирования, составной частью которого и является прогнозирование с учетом глобального контекста, а также потенциала конкретных стран и регионов, а также их специфики — природной, социальной, экономической, цивилизационно-конфессиональной и этнокультурной.

В.Н. Рассторгуев

ГОСПОДСТВО (от *господь, господин*): 1) власть в особо интенсивном и всеобъемлющем ее проявлении, включающем полное доминирование, подавление, угнетение; управление, основанное на фундаментальном и неизменном неравенстве ресурсов и возможностей властвующих и подвластных; 2) в трактовке Макса Вебера — институционализируемая, организованная, прочно укорененная в обществе власть, вызывающая готовность подвластных подчиняться ее приказам; форма организации власти в обществе. В современной философии политики и права более принятым является понимание Г. в веберовском духе. В этой трактовке Г. есть также неразделимое отношение между людьми по типу Г.-подчинения, где Г. властвующих может существовать лишь при готовности подвластных подчиняться. По М. Веберу, каждое фактическое отношение Г. характеризуется определенным минимумом желания подчиняться. Власть находит свое воплощение в Г., но не всегда обретает его черты. Г. может быть связано лишь с прочной, достаточно стабильной и укрепившей себя властью. Г. означает также закрепление разделения труда в обществе на управленческий и исполнительский. Г. в этой трактовке означает не просто разделение людей на властвующих и подвластных, но определенный достаточно прочный общественный и политический *порядок*, основанный на том, что одни властвуют, а другие подчиняются. В современных условиях, по крайней мере на государственном уровне, Г. выступает как *система* Г., включающая специальный аппарат управления, работу подконтрольных тем, кто осуществляет Г., средств массовой информации, а также подсистему обучения и воспитания. В истории мысли проблематика Г. присутствует уже у Аристотеля, который различал «власть господскую», «власть отцовскую» и «власть политическую». В этом сопоставлении «власть господская», то есть власть господина над рабом, предстает как власть заведомо и неизменно высшего над низшим («власть отцовская», по Аристотелю, носит временный характер, а «власть политическая» есть власть над свободными и равными, не способная обрести черт господства). Однако и «власть господская», по Аристотелю, выглядит скорее как наставление и обучение раба, чем как же-

сткое доминирование над ним. В христианской традиции многие авторы рассматривали Г. как неизбежное следствие греховной природы человека. Для Августина изначальная природа человека не требует Г., однако оно становится необходимым для человека после грехопадения, поскольку при этом, по Августину, качественно изменяется к худшему сама человеческая природа. Другая традиция, усиливающаяся в Новое время, видит причины Г. в социально-исторических и коллективно-психологических факторах. Так, Э. де ла Бозси еще в XVI в. в «Рассуждении о добровольном рабстве» утверждает, что основная причина существования Г. и тирании — в добровольном подчинении людей. Для Ж.Ж. Руссо и Г.Ф.В. Гегеля Г. имеет общественную природу. Согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, Г. есть явление историческое, связанное с разделением труда в обществе, возникновением общественных классов и социальным доминированием одного класса над другим. Поэтому, по Марксу и Энгельсу, Г. человека над человеком будет устранено, когда для этого созреют исторические условия. А. Грамши в «Тюремных тетрадах» пришел к важному выводу, что Г. одних общественных групп над другими обеспечивается не только усилиями государства. Согласно его теории, доминирующая группа осуществляет Г. над другими группами в различных формах: в государстве — посредством прямого принуждения, в гражданском обществе — посредством гегемонии, которая означает высокую степень добровольного подчинения доминируемых групп. Таким образом, для Грамши структура власти в гражданском обществе не смягчает, а усиливает Г. доминирующих групп. По М. Веберу Г. также не ограничивается государственным принуждением: оно может осуществляться как «на основании власти», так и «в экономических формах», когда социальный актор, будучи формально свободным, фактически вынужден действовать в направлении, выгодном экономически господствующим силам. Поскольку для Г. важно добровольное подчинение подвластных, то, согласно Веберу, каждое Г. старается возбудить веру в свою легитимность и позаботиться о ней. Вебер выделяет три идеальных типа Г. в зависимости от типов легитимности, на которых они основаны: 1) легальное, имеющее рациональный характер и основанное на вере в законность установленного порядка и Г., осуществляемого на базе этого порядка; 2) традиционное, основанное на вере в святость традиций и легитимность власти, основанной на этих традициях; 3) харизматическое, основанное на проявлениях человеком святости, геройской силы или образцовости личности и вере в законность порядка, созданного этими проявлениями. Согласно М. Веберу, от типа легитимности, на котором оно основано, зависит и характер осуществления Г. В целом в истории Г. постепенно эволюционирует от личного доминирования до деперсонализации и растущей анонимности власти, а также от преобладания силовых мер до все более значительной роли мер информационного и психологического воздействия.

А.Г. Сытин

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО — 1) совокупность государственно-правовых норм, определяющих правовое положение граждан, их прав, свобод и обязанностей, государственное устройство различных обществ, систему государственной власти, административно-территориальное деление страны, избирательную систему, взаимоотношение органов управления и самоуправления, систему отношений гражданина и властных институтов. В большинстве государств современного мира, где государственный и правовой порядок строится на основе конституции, государственное право в целом совпадает с конституционным правом; 2) составная часть юриспруденции, научная и образовательная дисциплина, в систематизированном виде изучающая указанные выше правовые процессы, институты и отношения.

В дореволюционной России государственное право разрабатывалось и преподавалось в университетах как отдельная (от конституционного права) юридическая дисциплина. Это было закономерно для государства, в котором не было конституции. Раздельное существование конституционного права и государственного права сохранилось у нас в стране и после 1918 года. Хотя в Советской России, а затем в СССР учреждались конституции, тем не менее считалось, что конституционное право необходимо для изучения и объяснения государственного строя в зарубежных (буржуазных) странах, тогда как в социалистических странах для этих целей используется государственное право. Таким образом, получалось, что самостоятельное существование государственного права необходимо и оправдано только применительно к государствам, в которых нет реально действующего конституционного строя.

На юридических факультетах российских университетов с 1863 г. существовали кафедры государственного права, в компетенцию которых входило чтение курсов по теории государственного права, государственному праву важнейших иностранных государств, русскому государственному праву. Характерной особенностью содержания данных курсов было то, что в них, как правило, включались достаточно большие разделы, посвященные теоретическому анализу политики, права, власти, а также исторической эволюции идей и учений по данной проблематике, т.е. материал, который позднее стал составной частью политической науки и философии политики. Не случайно в то время государственное право определялось (например, в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона) как одна из политических наук.

К числу наиболее известных авторов книг по государственному праву в дореволюционной России следует отнести И.Е. Андреевского, А.В. Романовича-Славятинского, А.Д. Градовского, Н.О. Куплеваского, В.В. Иванова, Н.М. Коркунова, Ф.Ф. Кокошина, Н.И. Лазаревского и др.

В современной политико-правовой литературе стран, государственная жизнь которых основывается на конституционных началах (а таких сейчас абсолютное большинство), термины «государственное право» и «конституционное право» являются синонимами. Разница лишь в тради-

циях словоупотребления. В англо-саксонской и романской правовых традициях в основном используется термин «конституционное», тогда как германская правовая традиция признает термин «государственное право». Некоторые германские авторы усматривают и определенную разницу в указанных терминах. В этом случае конституционное право считается более широкой отраслью права, чем государственное право, так как в первое включаются и основы устройства негосударственной жизни (брак, собственность и др.). В германской традиции принято считать государственное право основополагающей частью публичного права.

Е.Н. Моцелков

ГОСУДАРСТВО — общественный феномен, который в историческом и современном контексте гуманитарной науки не имеет единого и общепринятого определения. Можно говорить только об общих и необходимых признаках или характеристиках, которые входят в различные определения государства. В числе этих общих характеристик следует назвать три: 1) население (народ), 2) территория (географическое пространство) и 3) власть. В своей совокупности эти характеристики аккумулируются в определении государства как определенной или особой формы организации общества, наиболее совершенной и наиболее всеобъемлющей формы человеческого общежития, образующей некую скрепу, упорядоченность общественных систем, что обуславливает их относительно целостное и самостоятельное существование и развитие в достаточно длительной исторической перспективе.

Само слово «государство» имеет славянские (древнерусские) корни. Оно этимологически связано с древнерусским «господарь», которое, в свою очередь, происходит от слова «господь». Существует также точка зрения, что корневым в слове «государство» является слово «суд», которым в древности обозначался не только сам суд, но и вообще функция власти, управления, и тем самым под «судить» понималось властвовать, управлять практически всеми общественными делами.

В западноевропейских языках слова — *'etat* (франц.), *state* (англ.), *Staat* (нем.), *estado* (испан.), *stato* (итал.), *estado* (португ.) берут свое происхождение от латинского слова *status*, которое обозначает упорядоченность, установленность и урегулированность какого-либо состояния. Нетрудно заметить, что между русской и западноевропейской этимологией слова «государство» существует существенная разница. В первом случае акцент делается на принудительной функции, во втором — на организационном аспекте. Остается только добавить, что и в России и в Западной Европе термин «государство» широкое распространение получает примерно в одно время — в XV веке.

Карл Шмитт считал, что появление понятия «государство» отразило в теоретической мысли реальные исторические сдвиги в европейском об-

ществе, когда начиная с XVI века на смену эпохе перманентной конфессиональной гражданской войны приходит эпоха постепенного установления относительно стабильных государственных порядков.

В истории общественной мысли определение сущности государства обуславливалось воззрениями (теориями) на происхождение государства, в основе которых лежали следующие постулаты:

□ государство является продуктом завоевания, продукт столкновения масс населения (*теория завоевания*);

□ государство имеет Божественное происхождение и является продуктом Божественного промысла (*теократическая теория*);

□ государство является результатом общественного договора (*договорная теория*);

□ государство есть коллективная юридическая личность, которая может быть субъектом права и может навязывать свою волю (государственную волю) при помощи определенных органов всем индивидам, входящим в состав государства (*юридическая теория*);

□ государство есть политическая надстройка над экономическим базисом (*теория экономического материализма*);

□ государство есть не сознательный продукт деятельности человека, а есть естественный продукт развития сил природы (*органическая теория*);

□ государство является определенным высшим этапом развития человеческого общества (*эволюционная теория*);

□ государство (государственная власть) есть явление психологического порядка, относящееся к сфере не индивидуальных, а коллективных психологических проявлений (*психологическая теория*).

Теории государства (или научное изучение феномена государства) традиционно являются составной частью (и «объект-предметным» полем) таких наук, как социология, юриспруденция, политология, философия. Можно сказать, что государство является таким социальным феноменом, на познании которого сходятся, интегрируются различные ветви гуманитарного знания. В России во второй половине XIX века теория государства являлась обязательной частью таких университетских курсов, как (общее) государственное право, общее учение о праве, общая теория права и др., которые в совокупности назывались административно-государственными или просто государственными науками (под ними тогда подразумевалась политическая наука), или государствоведением.

В XX веке в общественной мысли сформировалось множество концепций государства, отразивших в своей основе кардинальные политические сдвиги, которые произошли в мире, и, прежде всего, их главное направление (тренд) — движение цивилизованных стран к установлению конституционного (правового) государственного порядка.

Моцелков Е.Н.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО. Термин введен в научный оборот Аристотелем, который понимал под гражданским обществом совокупность свободных и равных граждан в рамках государства-полиса. Современное понятие гражданского общества (англ. civil society) происходит от родственной группы латинских слов *civil*, *civilis*, *civitas* (гражданин, гражданский, город, государство). В широкое употребление термин «гражданское общество» входит в середине XVII в., сначала в трудах Г.В. Лейбница, затем Дж. Локка, который в 1690 г. одну из глав своего Второго трактата о правлении назвал «О политическом и гражданском обществе».

Во второй половине XVIII — начале XIX в. в трудах европейских и американских философов и просветителей мы находим различные концепции гражданского общества. Гегель и Маркс с разных философских позиций определили гражданское общество как сферу частных, экономических, материальных интересов и целей отдельных граждан общества.

В это же время в философско-политической мысли происходит также осознание того, что гражданское общество возможно только как феномен, взаимодействующий с государством, что государство и гражданское общество — это две взаимодействующие и взаимосвязанные стороны единого целого (дихотомия).

Правда, это сугубо западная интерпретация проблемы. В восточной философско-политической мысли, имеющей еще более глубокие, чем в западной, исторические корни понятие «гражданское общество» практически не употребляется. Аналогичным образом следует охарактеризовать отношение к понятию «гражданское общество» и в российской философско-политической мысли XIX века.

Моцелков Е.Н.

Д

ДЕЛИБЕРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА (от англ. *deliberate* — размышлять, обдумывать, взвешивать; совещаться, обсуждать) — концепция демократического политического процесса, в котором политические решения становятся конечным результатом свободной рациональной дискуссии заинтересованных граждан. Концепция Д.П. восходит к идеям Ю. Фрёбеля и Дж. Дьюи о необходимости при подготовке политических решений «комбинировать» процесс образования *мнения*, ориентированный на истину, с процессом образования *воли* большинства. В современной философии политики и права в наиболее разработанном виде концепция Д.П. представлена в «теории дискурса» Ю. Хабермаса. Согласно Хабермасу, центральная проблема демократического политического процесса — условия демократического формирования общественного мнения и политической воли, из которых проистекают политические решения. Основная идея его концепции Д.П., носящей нормативный характер, — образование политической воли как результат *дискурса* — свободной дискуссии заинтересованных лиц, осуществляемой в условиях широкого, активного, не централизованного участия и отвечающей требованиям рациональности. В соответствии с концепцией Хабермаса, в процессе дискурса происходит не просто борьба мнений, уже существовавших в готовом виде до этого, а их взаимное влияние и обогащение. В итоге содержание необходимого решения выступает рационально мотивированным итогом дискуссии. Для этого дискурс должен осуществляться, согласно Хабермасу, как в институционализированной форме совещаний парламентского корпуса, так и в сети коммуникаций политической общественности. В концепции Д.П. оригинальную трактовку получают ряд важнейших понятий философии политики и права. Так, понятие народного суверенитета здесь соотносится с коммуникативными условиями формирования мнения и политической воли; основные права и принципы правового государства трактуются как ответ на вопрос, каким образом могли бы быть институционализированы необходимые предпосылки демократической коммуникативной процедуры. Социально-интегративная власть солидарности граждан рассматривается как самостоятельный вид власти и необходимый противовес власти денег и администрации в современном обществе. В качестве необходимого дополнения к активной «политической общественности» в концепции Д.П. трактуется «децентрализованное общество»,

которое разделяет с политической общественностью арену восприятия, идентификации и разработки касающихся всего общества проблем. Для осуществления такой роли, по мнению Хабермаса, гражданам необходима свободолобивая политическая культура, просвещенные формы политической социализации, формирование готовности внимать разумным доводам других так же, как своим собственным. Поэтому для реального осуществления Д.П., по Хабермасу, безусловно необходимы свобода теоретического выражения мнений и их пропаганды, а также высокий уровень образования всех граждан. Целью проекта Д.П., согласно концепции Хабермаса, выступает постепенно улучшающаяся институционализация способов рационального формирования коллективной политической воли граждан. В 2000-е годы понятие Д.П. стали относить также к ряду практических экспериментов в области интенсивного углубленного обсуждения конкретных общественных проблем в специально образуемых группах непрофессионалов и выработки согласованных рекомендаций по их решению.

А.Г. Сьтин

ДЕМОКРАТИИ ТЕОРИИ в современной философии политики и права — совокупность теоретических разработок, содержащих трактовки существа демократии как политического режима и как строя жизни общества, критериев ее определения и отличия, проблем ее оснований, предпосылок, моделей, путей ее формирования, сохранения и развития в условиях современных вызовов. Точкой отсчета для различения обозначенных теорий служит максималистская формулировка А. Линкольна, определившего в «Геттисбергском послании» демократию как «правление, исходящее от народа, осуществляемое самим народом и в интересах народа». Основное различие между современными вариантами Д.Т. состоит в характере нормативной трактовки роли народа в реальном политическом процессе. В зависимости от ответа на этот вопрос Д.Т. можно разделить на минималистские, максималистские и носящие промежуточный характер. Авторы *минималистских* Д.Т. основное значение придают свободе индивида, а народу отводят в политическом процессе довольно ограниченную роль, сводя существо демократии к политической конкуренции элит (Й. Шумпетер), механизмам мирной смены власти (К. Поппер), соблюдению формальных демократических процедур (Н. Боббио) или к подчинению конфликтующих сил результатам голосования (А. Пшеворски). Авторы *максималистских* Д.Т., напротив, считают необходимым и благотворным широкое участие граждан в подготовке, принятии и контроле за исполнением политических решений. При этом сторонники идентитарной версии Д.Т. (неоруссоизм) делают акцент на единой монолитной воле народа, партисипаторной версии Д.Т., или теорий «демократии участия» (Б. Барбер, К. Пейтмен) — на организующей и воспитывающей

вающей роли политического участия на всех уровнях принятия решений, а сторонники концепций полисферной демократии и демократии как образа жизни (Дж. Дьюи, Дж.Дж. Стур) — на необходимости прямого участия граждан в управлении во всех областях общественной жизни. Разработчики Д.Т. *промежуточного* плана (в особенности — плюралистической теории демократии, или теории полиархии) придают особое значение множественности центров реальной власти, соперничеству групп в политике, контролю граждан над лидерами (Г. Ласки, Р. Даль). К теориям этой группы относится и концепция «согласительной демократии» (А. Лийпхарт), предлагающая специальные правила демократического политического процесса для государств с глубокой религиозно-культурной сегментацией населения. В последние десятилетия к сложившимся ранее Д.Т. добавляются трактовки смысла демократии с позиций теории систем (Н. Луман и др.), концепции перехода к демократии и «волн демократизации» в масштабе мира в целом (Д.А. Растоу, С. Хантингтон, Л. Даймонд, Т. Карозерс и др.), «транснациональной демократии» (Д. Хелд, Т. Макгрю), «делиберативной демократии», основанной на специальных процедурах непрофессионального заинтересованного обсуждения (Ю. Хабермас, Й. Элстер), а также «электронной» (или «цифровой») демократии (Г. Краух, С. Клифт), связанной с использованием современных телематических средств для осуществления прямого участия граждан в обсуждении и подготовке или даже принятии политических решений.

А.Г. Сытин

ДЕМОКРАТИЯ — (от греч. *demos* — народ и *kratos* — власть) — форма государственного устройства, при котором осуществляется правление народа. Античные авторы (Платон, Аристотель, Геродот) рассматривали эту форму правления как такую полисную организацию, в которой свободные граждане имеют равные права. Значительное развитие идея подзаконности всех и вся — граждан, государства и общественных организаций получила в концепции де Токвиля (1805—1859), наиболее влиятельной в современных западных социально-политических исследованиях. Токвиль понимает под демократией не только определенную форму организации общества, но и соответствующий процесс, происходящий в обществе. Философская основа демократии — соотношение свободы и равенства как социально-политических ценностей, реальное воплощение которых происходит в соответствующих государственных институтах демократии — прямых или представительных. Последние наиболее полное развитие получают в правовом государстве, которое характеризуется следующими признаками: (1) обладает верховной властью. Однако (2) эта власть имеет свою границу и не распространяется на неотчуждаемые права личности, охраняющие не только жизнь человека, но и его свободу от возможных бюрократических злоупотреблений.

Гарантией прав граждан является (3) разделение функций власти — законодательной, исполнительной и судебной; (4) децентрализация в социально-экономической и культурной сферах (теория «институциональной инфраструктуры» органов власти). При этом защиту прав граждан берут на себя демократические ассоциации — гражданские и политические. Они становятся посредниками между центральной властью и различными слоями общества, представляя интересы последних, отстаивают неотчуждаемое право граждан на независимость и свободную инициативу. Осуществлению прав человека служат также (5) свобода печати и (6) суд присяжных — школа правильного применения свободы, воплощение права, при котором граждане приобретают опыт политического участия в жизни общества. Согласно современным теоретикам демократии (Шумпетеру, У. Ростоу и др.), все эти черты развитой демократии наполняются реальным содержанием только при условии активного участия масс в политической жизни. Однако реальное воплощение этого положения существенно затруднено концентрацией экономической власти в руках «властвующей элиты», создающей «олигархическую модель» власти и политики. В современной западной социологии эта концепция реализуется в исследованиях участия граждан в многообразных политических отношениях.

В.И. Шамиурин

ДИХОТОМИЯ «ГОСУДАРСТВО — ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО». В философско-политической мысли можно выделить ряд моделей дихотомии (деление целого на две части) «государство — гражданское общество», которые сформировались в разные исторические эпохи, как отражение реальных процессов, происходящих в контексте различных социальных систем.

Прежде всего, следует говорить о *классической (западной) модели* дихотомии «государство — гражданское общество», которая разрабатывается в трудах немецких философов первой половины XIX века.

Базовый тезис этой модели заключается в том, что «государство — гражданское общество» — это дихотомия двух равновеликих общественных субстанций, но с определяющей ролью одной из них: 1) государство определяет гражданское общество (Гегель; «Философия права», 1821); 2) гражданское общество определяет государство (Маркс и Энгельс; «Немецкая идеология», 1846). Здесь главное — эти части, а не целое; динамика самостоятельных частей определяет развитие и состояние целого и создает поле для плюрализма в политике, экономике, идеологии и т.д. (теоретическая рефлексия неоднородного, многослойного социума).

По Гегелю (в «Философии права»), гражданское общество — это *формальная* всеобщность людей, в которой превалирует единичность и индивидуальный интерес, тогда как государство — это *субстанциональная* всеобщность. Гегель указывает на то, что «развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства», что «в граждан-

ском обществе каждый для себя — цель, все остальное для него ничто». Эта «эгоистическая цель» гражданского общества должна, по убеждению Гегеля, быть обусловлена «всеобщей зависимостью», в рамках которой «средства к существованию и благо единичного... переплетены со средствами существования, благом и правом всех, основаны на этом и только в этой связи действительны и обеспечены». Под этой «всеобщей зависимостью» Гегель понимает государство.

К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» взаимодействие гражданского общества и государства определяют следующим образом: «Гражданское общество обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил. Оно обнимает всю торговую и промышленную жизнь данной ступени и постольку выходит за пределы государства и нации, хотя, с другой стороны, оно опять-таки должно выступать вовне и в виде национальности и строиться внутри в виде государства... Гражданское общество как таковое развивается только вместе с буржуазией; однако тем же именем всегда обозначалась развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая во все времена образует базис государства...».

Таким образом, для немецких философов 20–40-х гг. XIX в. государство и гражданское общество — это взаимно обусловленные субстанции целостного социума, возникшего на определенной исторической ступени развития человеческого общества. По классическим определениям Гегеля, государство («сфера всеобщего интереса») и гражданское общество («сфера частного интереса») не могут существовать одно без другого. Гражданское общество необходимо для воспроизводства человеческой жизни, а государство — для обеспечения устойчивого и безопасного существования гражданского общества. Но интерпретация статуса и соотношения этих субстанций может быть различной.

Данная парадигма сформировалась в первой половине XIX века и отражала реальные процессы становления западноевропейского общества (становление правового государства и рыночной экономики). В этой парадигме задача государства состоит в создании правовых условий для нормального и безопасного функционирования институтов гражданского общества. Исторически доказано, что такая система оптимально работать может только в определенных условиях, которые называются буржуазным (или — демократическим) обществом. В таком обществе существует система выборных представительных органов (на основе многопартийности и всеобщего избирательного права) и система разделенных (независимых друг от друга) ветвей власти. Такая система в Западной Европе складывалась начиная с XVI века на протяжении двух веков и была объективно обусловлена новыми постфеодальными экономическими процессами — формированием городского мануфактурного, а позже — промышленного производства, а также соответствующей ему инфраструктуры.

Гегель и Маркс, которые, собственно, и разработали классическую модель дихотомии «государство — гражданское общество», в оригиналах своих работ понятие «гражданское общество» обозначали через немецкий термин «bürgerliche Gesellschaft», которое на русский язык переводится как «буржуазное общество». О том, что гражданское общество (в его классическом виде) возникает на буржуазной стадии развития общества, прямо указывал Гегель в ряде своих работ.

Поэтому говорить о существовании гражданского общества (а значит, и о дихотомии «государство — гражданское общество») по отношению к добуржуазному (или не буржуазному) развитию общества мы можем только условно. Мы можем выделять лишь некоторые специфические модели (или даже — аспекты) взаимодействия государства и элементов системы частных, индивидуальных интересов и целей, которые, конечно, существовали на всех стадиях развития человеческого общества.

Но дело не только и даже не столько в степени буржуазности такого или иного общества. Эта проблема имеет глубокие цивилизационные основания.

В основе западной модели дихотомии «государство-гражданское общество» лежало правовое начало, определенная и достаточно регламентированная система правового обеспечения и защиты политико-гражданских отношений. Эту характеристику можно считать фундаментальной для западного буржуазного общества. Но один из исследователей истории правовых учений Сурия Пракаш Синха обращает внимание на то, что в истории человечества всегда сосуществовали разные цивилизации, которые развивались на разных основах и принципах социальной организации. «Можно сказать, — пишет Сурия Пракаш Синха, — для западной цивилизации таким принципом является право, но этого нельзя сказать о других цивилизациях. Это объясняет, почему большинство (хотя и не все) теорий права появились на почве западной культуры, а не китайской, индийской, японской или африканской культур. Это произошло не из-за того, что право означает какое-либо превосходство в области духовных или интеллектуальных достижений, или из-за некоего культурного превосходства Запада... , но потому, что право и его институты играли центральную роль в специфической исторической действительности Запада, в то время как в других обществах эта роль принадлежала другим принципам».

Не случайно элементы специфической модели дихотомии «государство-гражданское общество» мы находим в восточной философии. Здесь, в отличие от западной модели, «государство — гражданское общество» есть единое целое, которое определяет части; динамика этого целого и определяет развитие частей, их взаимодействие (теоретическая рефлексия монизма в политике и власти).

Данная модель сформировалась в условиях теократического, а не светского, как на Западе, общества. В этом теократическом обществе государство может существовать и без развитого и самостоятельного гражданского общества.

Так, по мнению А.С. Панарина «западное светское государство выступает как безразличный к ценностям и бесстрастный наблюдатель процессов, происходящих в гражданском обществе, и вмешивающийся лишь в случае возникновения прямых эксцессов и беспорядков. Восточное теократическое государство, напротив, является постоянно мобилизованным носителем ценностных, нравственно-религиозных критериев, стремящимся соответствующим образом контролировать все социальные практики».

Строго говоря, для формирования гражданского общества в западном смысле необходимо юридическое равенство людей, которое и является необходимой предпосылкой для появления системы индивидуальных (частных) или групповых экономических интересов. Но, например, кастовая структура восточного (индийского) общества имеет космическое начало, и поэтому западная идея равенства людей противоречит в этом обществе самой природе вещей.

М. Томсон, анализируя главные философские школы Китая (конфуцианство, легизм), приходит к выводу: «Ключевой философской проблемой в данном случае является гипотетическая возможность существования государства как института, стоящего над личностью и в то же время являющегося структурой, которую совокупность таких личностей и построила».

Оригинальные идеи по интерпретации дихотомии «государство — гражданское общество» мы встречаем в *русской философско-политической мысли* второй половины XIX — начала XX в. В ней соединились западные и восточные подходы к интерпретации искомой проблемы.

Довольно мощным и плодотворным было западное направление. В условиях авторитарной государственной системы в России (особенно в сфере университетского образования) получили распространение западные правовые теории и учения, которые, конечно, трактовались как модели общественной жизни, распространенные в зарубежных странах. Но подспудно прозападнически мыслящими российскими учеными (Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский, С.А. Котляревский, В.М. Гессен и др.) проводились идеи о возможности (может быть, в отдаленной перспективе) реализации этих моделей и в России.

Наряду с этим направлением во второй половине XIX — начала XX в. в России ряд мыслителей предлагали оригинальные подходы органичного соединения общемировых тенденций в развитии государства и гражданского общества со специфическими традициями и характеристиками российской цивилизации

Так, один из забытых русских политических мыслителей второй половины XIX века, Р.А. Фадеев, высказывался за то, чтобы коренным образом изменить существующие отношения верховной власти и местных общественных образований (земств). По его мнению, это приведет постепенно к образованию в России другого типа самодержавной монархии, которую можно назвать народной (или земской) самодержавной монархией. «Последовательный ход истории, — писал Р. Фадеев, — ставит

перед Россией вопрос не об источнике власти, а о перенесении центра государственного тяготения с обветшалой таблицы о рангах на самую почву, в земство», что приведет Россию «из государства чиновничьего в государство земское».

В этой модели Фадеева просматривается весьма оригинальная идея сочетания сильной самодержавной высшей власти и местной территориальной власти, созданной на основе представительской демократии.

Такая идея синтеза авторитаризма и демократии разделялась и славянофилами. И.С. Аксаков, например, особое устройство (тип) монархического государства, в котором была органично соединена низовая представительная демократия, обладающая реальными правами, и сильная неограниченная власть центра, считал «русским политическим идеалом», указывая при этом на то, что «со стороны правительства здесь нет уступки власти, а лишь возвращение власти в ее истинные пределы, где только она и может быть вполне могущественной...».

Идея органичного сочетания власти и общества получает развитие в конце XIX — начале XX в. в трудах выдающегося русского историка В.О. Ключевского, который оптимальную модель дихотомии «государство — гражданское общество» для России видел в таком государственном и общественном устройстве, где образуется органичная связь власти и народа (народный союз). «Государство как народный союз, — пишет Ключевский, — почерпает свою силу в народной мощи и растет вместе с нею, содействуя и ее росту, — таково первоначальное и естественное отношение между государством и народом».

Россия на протяжении своей истории как раз и стремилась стать таким народным союзом, но реальность была другой. Особенно резко дисгармония государственной власти и народа в русской истории проявилась, по Ключевскому, в конце XVI — начале XVII в. Тогда, в условиях пресечения многовековой рюриковской династии и в чехарде различных правителей, люди увидели, что государство может существовать «даже без государя». Примечательно, что в современном массовом сознании, включая и сознание политической элиты, государство отождествляется с правительством, с высшими органами управления. Ключевский же придерживался другой точки зрения. Государство у него отождествляется с народом, ибо государство — это «народный союз», который не может принадлежать никому, кроме самого народа. И русская история (например, периода Смуты) прямо свидетельствует о том, что государство может существовать и без правительства (или с недееспособным и даже антинациональным правительством). Но государство не может существовать без народа. В начале XVII века не правительство, а именно народ, выдвинув из своей среды мало известных до этого предводителей и собрав ополчение, вывел страну из беды и спас российскую государственность.

Таким образом, разные течения русской философско-политической мысли конца XIX — начала XX в. (консерваторы — Р. Фадеев, славяно-

филы — И. Аксаков, умеренные критики самодержавия — В. Ключевский) видели будущее России в формировании очень своеобразной (незападной) модели дихотомии «государство — гражданское общество». Модели, в которой происходила органичная взаимосвязь между прозападным, буржуазным вектором развития экономики и финансовой сферы, с одной стороны, и особым общинным характером отношений власти и народа, власти и собственности с другой.

Данные идеи и проекты не были лишь умозраительными опытами, а исходили из реально существовавших в то время специфических отношений власти и собственности.

Дело в том, что различные фазы развития отношений «власть — собственность», существенно влияющие на изменения внутри любой общественной системы, для России являются основой всех политических и социальных трансформаций. Это не что иное, как базовая национальная «матрица» нашего развития. Колебания общественных связей между двумя крайними состояниями этой «матрицы»: «власть отделена от собственности» и «власть слита с собственностью» в решающей степени на протяжении трех последних веков определяли социальную динамику России и в конечном итоге привели к двум системным революциям — петровской в начале XVIII в. и большевистской в начале XX в.

Кардинальное изменение состояния базовой национальной матрицы в период системных революций совпадает с периодом наложения временных (глобального и локального) ритмов. Данное совпадение является уникальным явлением для развития России и для эволюции мирового социума, которое фиксируется при анализе развития различных общественных систем. Один из исследователей эволюции архаичных африканских обществ — И.Л. Андреев — обнаруживает прямую зависимость генезиса властных представлений и конструкций с временными образами и ориентациями в процессе становления различных этнических групп на африканском континенте. Данное наблюдение, относящееся к совершенно иному социуму (чем Россия), важно с методологической точки зрения. Оно помогает лучше понять механизм образования и развития матрицы социально-политической динамики России в контексте исторических пространственно-временных изменений российского социума, в контексте эволюции уникальных и специфических по своей природе его базовых оснований.

Адекватному пониманию реальной сути взаимодействия власти (государства) и собственности в истории России зачастую мешают теоретические конструкции, которые привнесены в отечественное обществознание из западной политической науки. Так, например, в дискуссии 60-х гг. прошлого века об «азиатском» способе производства тип соотношения власти и собственности упрощенно трактовался как критерий «демократичности» общественной системы: если власть и собственность в государстве разведены, находятся под контролем разных центров силы (хотя такую ситуацию в «чистом виде» невозможно себе представить приме-

нительно и к современному миру), то это признак демократической системы. Если же власть и собственность слиты, соединены, то это свидетельствует о наличии тоталитарных порядков, или «восточных деспотий», основанных на так называемом азиатском способе производства.

Приложение данной формулы в указанной трактовке к анализу социальной динамики России может не прояснить, а наоборот — запутать суть дела.

Когда мы говорим о том, что в период петровских реформ власть соединяется с собственностью, это не означает, что с этого времени в России перестает существовать система частной собственности, что в стране устанавливается тоталитарный режим. В начале XVIII в. власть соединяется с собственностью не в том смысле, что ликвидируется сфера частного интереса и вся частная собственность становится целиком государственной, а в том, что система частной собственности лишается существенных рычагов непосредственного влияния, давления на власть. Власть в государстве становится монополией определенного клана, опирающегося на узкую социальную прослойку. Частные же собственники превращаются при этом в обычных, хотя и в наиболее привилегированных, агентов государственной системы, лишаются даже теоретической возможности сравняться с властью и тем более встать над ней.

Важно также отметить, что изменение соотношения власти и собственности в России не было связано с переходом от традиционного, феодального общества к капиталистическому. Соединение власти и собственности продолжало существовать и в период становления капиталистического рынка и во многом способствовало этому процессу. Важной самобытной особенностью развития России даже в XX веке было то, что формировалась специфическая система частной собственности и капиталистического рынка, в которой отношение собственника к государству всегда было более приоритетным, чем отношение собственника к собственности.

Таким образом, государственная власть не прямо и непосредственно (как в восточных деспотиях) владела собственностью, а имела мощные рычаги влияния на функционирование этой собственности, располагала возможностями ограничения прав собственников в экстремальных ситуациях, когда требовалось быстро мобилизовать национальные ресурсы.

Целый ряд общественных феноменов — не только отношение власти и собственности, но и, например, абсолютистская форма монархической государственности, преобладание артельно-общинного способа хозяйствования и т.д., которые действительно встречаются в истории многих стран в докапиталистическую эпоху, в России просуществовали до начала XX века, а в измененных формах — и позже, т.е. не только в докапиталистическую, но и в саму капиталистическую эпоху. Обычно это объясняется просто — отсталостью России. На мой взгляд, такое объяснение упрощает суть вещей.

Упрощает хотя бы потому, что элементарный исторический анализ показывает: то, что на Западе было относительно кратковременным эта-

пом истории, в России являлось фундированной основой ее длительного развития вплоть до современной эпохи. А значит, это не преходящие феномены, а самобытные, матричные основания национального развития.

Многие отечественные мыслители прошлых веков прямо говорили о том, что в России исторически сложился особый статус права собственности. К примеру, по мнению И.В. Киреевского, этот статус является как бы случайным или второстепенным по отношению к статусу личности. Это проявляется и в общине, где «с увеличением числа лиц увеличивается и количество земли, а с уменьшением — уменьшается», и в помещичьем землевладении, при котором «отношение помещика к государству зависит не от поместья его, но его поместье зависит от его личных отношений...». Все это, по общему заключению Киреевского, означает, что в России «общество слагалось не из частных собственности, к которым приписывались лица, но из лиц, которым приписывалась собственность».

Данная трактовка исторически сложившегося статуса собственности в России характерна не только для славянофильской концепции русского исторического процесса. Н. Бердяев (мыслитель, далекий от славянофильства) писал: «По своим понятиям о собственности русские крестьяне всегда считали неправдой, что дворяне владеют огромными землями. Западные понятия о собственности были чужды русскому народу, эти понятия были слабы даже у дворян. Земля Божья, и все трудящиеся, обрабатывающие землю, могут ею пользоваться. Наивный аграрный социализм всегда был присущ русским крестьянам».

Другой крупный деятель послеоктябрьской российской интеллектуальной эмиграции — С. Франк, явно исходя из исторического опыта России, разрабатывал специфическую теорию системы собственности «равно далекой как от либерально-индивидуалистического, так и от социалистического воззрения на собственность» и представляющую собой некую «третью систему», «средний, третий путь». В этой системе, по представлениям С. Франка, «частный собственник, оставаясь собственником, и именно в качестве такового, при полной обеспеченности своих прав тем самым осознает себя слугой государства, отправителем служебной функции в целостном организме народной жизни».

Понимание специфического характера исторически сложившихся форм и систем собственности в России показывает ограниченность западных либеральных и нелиберальных трактовок феномена «власть-собственность» (а значит, и связки «государство — гражданское общество»), которые формулировались преимущественно на основе линейно-прогрессивной парадигмы исторического процесса, исходящей в эволюции общественных систем из единой матрицы общемирового социального прогресса (роста) и из безусловной доминанты экономического фактора как основного критерия этого прогресса.

Таким образом, следует признать, что исторически на Западе и на Востоке выработались различные понимания и трактовки власти и поли-

тики (а значит, и взаимодействия государства и гражданского общества). Если в западной модели власть — это разновидность технологий, форма регуляции общественных отношений, то восточная модель под политической подразумевает различные формы реализации стратегических и тактических замыслов бесконтрольной централизованной власти.

Поэтому, когда мы хотим применить к развитию восточных обществ принципы развития западных обществ, когда мы говорим, например, что где-то еще «не сформировалось гражданское общество», что «оно еще слабое, неразвитое», «не может противостоять власти, государству» и т.д., то мы совершаем логическую ошибку, пытаясь совместить несовместимое. Мы хотим через призму западной теории прогресса соотнести разные цивилизационные модели развития, в рамках которых на протяжении многих веков развивались различные, но самодостаточные и устойчивые формы организации социальной жизни. Но такое соотнесение ни с теоретической, ни с практической точки зрения не является корректным.

Е.Н. Моцелков

ДЛИННЫЕ ВОЛНЫ КОНДРАТЬЕВА. Построенная на основе сравнительного изучения статистических данных экономической динамики наиболее развитых стран мира (Англия, Франция, США, Германия) за период с конца XVIII по 20-е гг. XX в. теория о волнообразно-циклическом развитии мирового рынка (или мировой конъюнктуры). Автор теории — русский экономист Н.Д. Кондратьев (1892–1938). Теория опирается на вывод о существовании устойчивой повторяемости социально-экономических и политических явлений и процессов, которая выстраивается в три цикла или три длинные волны продолжительностью 50–75 лет каждая. *Первая* — с конца 80-х — начала 90-х гг. XVIII в. до 1810–1817 гг. (повышательная волна) и с 1810–1817 до 1844–1855 гг. (понижательная волна); *вторая* — соответственно с 1844–1855 до 1870–1875 и с 1870–1875 до 1890–1896 гг.; *третья* — с 1890–1896 до 1914–1920 гг. Понижательная волна этого цикла Кондратьевым не определялась. «Верхушки» длинных волн (1810–1817, 1870–1875 и 1914–1920 гг.) позднее последователи Кондратьева назвали «фаза Т». В рамках этих циклов (длинных волн) периоды оживления экономики, улучшения конъюнктуры рынка, общей либерализации хозяйственной жизни (повышательная волна) неизменно сменяются периодом замедления экономического роста и даже спада производства, применения этатистских методов управления хозяйством (понижательная волна).

При сравнительном анализе конкретных событий и явлений, происходящих в рамках экономических циклов, Кондратьев приходит к заключению о том, что в длинной волне скрыты не только динамика и противоречия экономических явлений, но и синтез экономики и неэкономики, сложная взаимосвязь хозяйственно-экономической и социально-политической сфер об-

щества. Сущность данной закономерности Кондратьев формулирует следующим образом: «Периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переломными в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижительных волн».

Последователи Кондратьева существенно расширили концептуальные и пространственно-временные рамки действия длинных волн и создали на этой основе целый ряд оригинальных концепций и теоретических прогнозов развития мирового социума. Сам термин «Волна Кондратьева» («Kondratieff-Welle», «Kondratiev Wave») уже давно употребляется в мировой общественно-научной литературе как единица измерения социальной динамики.

Е.Н. Моцелков

ДОГМАТИЗМ (от греч. δόγμα — мнение, учение, решение) — способ мышления, предполагающий верность человека, в том числе ученого или политика, какой-то избранной позиции, определенному научному учению либо политической доктрине, единожды принятому решению. Сам по себе этот тип мышления и соответствующее ему человеческое качество не должны вызывать ни осуждения, ни отторжения, поскольку только благодаря верности слову, преданности идее, уважению к авторитету учителей и лидеров создаются политические сообщества, партии и научные школы. Однако превращение теоретических позиций и политических убеждений в догмы, т.е. в положения, которые ни при каких условиях не подвергаются критике, а следовательно, и серьезному анализу, становится препятствием на пути развития новых научных направлений и в осмыслении новых политических реалий. Именно по этой причине желание отделить живую мысль от омертвевшей схемы, утратившей свой эвристический потенциал в руках адептов, обеспечивает дееспособность теорий в науке и доктрин в политике.

При этом граница между уважением к традиции и новациями, а следовательно, и отношение к догмам и догматам (основным положениям учения или верования) во многом зависит от специфики той или иной деятельности, сферы сознания и культуры. К примеру, для религиозного сознания характерно чрезвычайно бережное отношение к догматам веры и святыням, а также резко негативное — к попыткам сделать их предметом критики, что часто воспринимается как надругательство над верой, акт кощунства и оскорбление чувств верующих. Не менее уважительное отношение к догмам сохраняется и поддерживается в сфере правового сознания и юридической науке, которую многие правоведы прямо называют «догматической юриспруденцией», а *догму права* относят к предметной области юридической науки.

По этой причине сами слова «догматизм» и «догматик» воспринимаются как оскорбительные по преимуществу применительно к представи-

телям научного сообщества (за исключением практикующих юристов) и к публичным политикам, которые стремятся дать или продемонстрировать «научное обоснование» и оправдание своим решениям и поступкам, хотя в большинстве случаев это научное обоснование сводится в лучшем случае к экспертизе проектов. Выбор экспертов остается прерогативой самих политиков, что заведомо снижает роль научной составляющей. Негативное отношение к догмам формируется также и в массовом сознании под влиянием СМИ и в силу особенностей народного образования. Его основу составляет адаптация естественнонаучных и гуманитарных знаний без сколько-нибудь углубленного ознакомления с основами философии и методологии науки, философии политики и права (на этом уровне анализа выявляется действительная роль аксиоматики, научных парадигм и догм в становлении и взаимодействии наук, роль догм в формировании и распространении политических идеологий).

Важно отметить, что понятие «догматизм» чаще всего употребляется даже в научной литературе не как научный термин, а как сугубо оценочное суждение, своего рода обвинительный приговор для той или иной идеи, теории или деятельности — научной, общественной, политической. Обвинение в догматизме — традиционный способ диффамации (обличения противника) или форма аргументации с целью самозащиты, поскольку такое суждение чаще всего предполагает, что изрекающий его сам свободен от догматизма и осуждает любые проявления этого порока. Такое почти ритуальное использование термина (в этом случае он перестает быть термином) — явный показатель чрезвычайно высокой степени табуированности и догматизированности не только массового сознания, но и сознания научного сообщества, поскольку оценочное и к тому же резко отрицательное употребление научного понятия свидетельствует о том, что оно используется в контексте как ярлык или клише, делающие излишним любое обоснование. А те, кто навешивает подобный ярлык, явно предполагают, что и все окружающие полностью разделяют такую оценку. Достаточно посмотреть на частотность употребления слова «догматизм» в политическом дискурсе (особенно — в языке публичной политики) и в научных работах, чтобы убедиться в том, насколько редко оно употребляется без отчетливо выраженной негативной коннотации, а столь явная окраска, характерная для публицистики, несовместима с научной корректностью и политической объективностью. Еще реже можно встретить ситуации, когда какой-нибудь автор говорит о догматизме применительно к собственным идеям и своей деятельности.

Чаще всего кампании «борьбы с догматизмом» организуются и проводятся в науке и политике людьми или группами, особо склонными к некритическому мышлению, т.е. к догматизму в худшем значении этого слова. Это особенно заметно в политике в периоды смены режимов, когда догматиками объявляются те, кто ратует за преемственность в сфере политического планирования, критически относится к непрофессиона-

лизму новой властной элиты и непродуманным реформам. В большинстве случаев объективная оценка степени и характера догматизма в политике крайне затруднена, поскольку основные критерии (констатация того, что теория или доктрина устарели, не дают правильных прогнозов и потому не могут быть руководством к действию) в данном случае «не работает». Дело в том, что в реальной политике важны не только и даже не столько идеи и доктрины, но и мотивация самих политиков, которая определяется не верностью идеям, принятым решениям и нормам права, а групповыми и личными интересами, не доступными для анализа. К тому же, как правило, осуществляется не один заявленный и общепринятый политический проект, а множество других — скрытых, конкурирующих и взаимоисключающих.

В.Н. Распорзеев

Е

ЕВРОПОЦЕНТРИЗМ — научная концепция, провозглашающая превосходство европейских народов и западноевропейской цивилизации над другими народами и цивилизациями в науке, искусстве, философии, литературе. Роль Запада в мировой истории с позиций Е. считается передовой, а опыт западных стран провозглашается единственно правильным или, по крайней мере, образцовым.

Одними из первых демонстраций влияния и распространенности подобных идей стали межгосударственные и межрегиональные столкновения сторонников различных мировых религий. Так, в средние века Европа, Северная Африка и Ближний Восток стали ареной столкновения католичества с православием, христиан с мусульманами. Наибольшую активность в отстаивании идеалов Е. проявила католическая церковь. Она считала Рим и папство — духовным центром всей земли. В это время Европа, как и на заре своего существования, столкнулась с «варварами». Только теперь не варвары напали на вечный Рим, а европейцы стали колонизировать открытые ими территории, в результате чего вынуждены были столкнуться с «чужими», прежде всего восточными культурами.

Однако расцвет Е. пришелся на XVI–XIX века, когда окончательно сформировалась европейская культура, своими корнями считавшая греко-римскую цивилизацию.

Французское Просвещение сделало попытку расширить рамки истории, вписав туда и другие цивилизации. Вольтер и Гердер были одними из первых, стремившихся изложить вклад неевропейских народов в мировое культурное развитие. Однако и они как приверженцы теории линейного прогресса и однонаправленного движения истории рассматривали цивилизацию как постепенное проникновение европейской цивилизации во все регионы мира.

Уже на следующем этапе философской мысли у Гегеля всемирная история была сопряжена с более резкими идеями Е. По его мысли, только в Европе мировой дух достигает самопознания.

Центральную идею превосходства Е. развил М. Вебер. Именно он последовательно рассматривал рациональность как историческую судьбу европейской цивилизации в противовес аффектированности, стихийности и эмпиричности иных культур. Вебер пытался объяснить, почему формальный разум науки и римского права превратился в жизненную ус-

тановку целой эпохи, целой цивилизации. Постепенное «расколдование» мира, вытеснение из мышления, из обществ, сознания магических элементов, с одной стороны, а с другой — все большее постижение последовательности и постоянства явлений, — вот те идеи, которые осмыслил Вебер в качестве водораздела двух миров.

Историки и философы второй половины XIX века стали выступать против идей Е. Этому способствовали уникальные археологические открытия на Ближнем Востоке, в Индии, Китае и Америке. Европейскому сознанию были представлены факты, говорившие о еще более древних, чем европейская, цивилизациях.

Так, Н.Я. Данилевский выдвинул теорию культурно-исторических типов, которые подразумевали существование разных цивилизаций на протяжении мировой истории. По мнению Данилевского, в истории не было ни одного единовременного общечеловеческого события, поэтому деление на древнюю, среднюю и новую историю слишком условно. Он выделил 10 основных типов культур и два дополнительных американских, не вошедших в классификацию, так как умерли насильственной смертью. Культуры развиваются, но ни один из этих типов не может прогрессировать бесконечно. Закон культурно-исторического типа гласит — период цивилизации каждого типа короток и вторично не наступает. Он оканчивается, когда народы, составляющие тип, выработали свою творческую энергию.

О. Шпенглер также предлагает неевропоцентричный взгляд на мировую историю — как на ряд независимых друг от друга культур, проживающих, подобно живым организмам, периоды зарождения, становления и умирания.

Он обосновывает причины разного уровня развития регионов тем, что более ранние культуры прошли все этапы развития раньше европейской. Каждая культура проходит одну и ту же последовательность фаз развития, все культуры сходны по длительности существования (около 1000 лет). Каждая культура, исчерпывая свои внутренние творческие возможности, мертвеет и переходит в фазу цивилизации — кризисному исходу. Именно к такому исходу, по мнению Шпенглера, движется европейская цивилизация.

Теорию локальных цивилизаций выдвинул А. Тойнби. Он еще более расширил список неевропейских цивилизаций. Однако в противовес фаталистическим и релятивистским теориям Шпенглера Тойнби ищет прочного основания для объединения человечества. Этим основанием он видит новую религию, которая сможет примирить враждующие группы и тем самым спасти человечество от гибели.

Евразийцы, например Н.С. Трубецкой, полагали необходимым и позитивным преодоление Е., прежде всего в отношении России, как страны, соединяющей Восток и Запад.

Хотя даже великие философы не смогли изменить традиционалистского отношения европейцев к другим народам. Е. обрел новую почву для

развития — это очевидное отставание неевропейских народов в уровне и темпах экономического (особенно индустриального и военного) развития, что стало основанием для идеи о существовании неполноценных рас.

В ответ в неевропейских культурах появились новые идейные течения: в Африке возник негритуд — культурно-философская и идейно-политическая доктрина, теоретическую базу которой составляет концепция самобытности, самоценности и самодостаточности негроидной расы. В философии латиноамериканской сущности (нуэстро-американизм) обосновывалась децентрализация универсального европейского дискурса, опровергались его претензии на высказывание вне определенного культурного контекста. В число противников европоцентризма включаются Айя де ла Торре, Рамос Маганья, Леопольдо Сеа.

После Второй мировой войны расколота Европа утратила лидирующие позиции. Старой Европе составили конкуренцию бывшие соотечественники из Северной Америки и Советский Союз. На этом этапе произошло переосмысление Е., который превратился в идеологию, основанную на ценностях англо-саксонского мира и либерализме.

В современный период выявлено, что Е. базируется на нескольких устойчивых мифах. Большой вклад в их анализ вложил С. Амин. С.Г. Карамурза выделил основные мифы Е.: 1) Запад равнозначен христианской цивилизации; 2) Запад — продолжение античной цивилизации; 3) вся современная культура, а также наука, технология, философия, право и т. д. созданы западной цивилизацией (технологический миф); 4) капиталистическая экономика «естественная» и основана на «законах природы» (миф о «человеке экономическом»), миф развития через имитацию Запада.

Е. и его мифы стал идеологическим фоном перестройки и реформ в современной России. В настоящее время происходит отход от европейских моделей развития, так как историческими примерами была доказана неэффективность полного заимствования чужого опыта. Россия находится на пути к обретению собственной самобытности, идеологии и вектора развития.

А.В. Симонова

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО — ключевое понятие одной из старейших доктрин (теория естественного права) в истории философско-политической и правовой мысли, согласно которой правовые нормы, принципы и ценности обусловлены естественной природой человека и тем самым независимы от конкретных общественных условий и государства. Начало теоретическому обоснованию идеи естественного права положено античными философами. Наиболее плодотворным периодом развития естественного права считается эпоха Просвещения, когда такими философами, как Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, П. Гольбах, Пуффендорф, Томазий, Х. Вольф, Кант была создана научная школа естественного права, которая заняла доминирующее положение в гуманитарной науке того времени.

В XVII–XVIII в. естественное право становится ведущей дисциплиной университетского образования (в том числе, со второй половины XVIII в. и в России), особенно в подготовке юристов и философов. В этот период естественное право рассматривается не только как эталон права, но как безусловный правовой императив, в соответствии с которым все не соответствующее ему должно быть немедленно устранено. В конце XVIII в. революционный потенциал естественного права активно используется и в политических целях, в частности, в идеологическом и политическом обосновании необходимости свержения абсолютистских режимов. Поэтому закономерно, что идеи естественного права в своем буквальном выражении вошли в текст французской Декларации права и свобод человека и гражданина 1789 г., где в статье 2 зафиксировано положение о необходимости обеспечения естественных и неотчуждаемых прав человека. Идеи естественного права нашли свое отражение и в основных положениях первых номинальных конституций США (1787) и Франции (1791), которые имели явно выраженный антиабсолютистский характер. Самым важным концептом естественного права является взаимосвязь и взаимодополняемость «прав и свобод личности», с одной стороны, «правами народа» или «народным суверенитетом» с другой. Степень радикализации данного концепта во многом определялась теоретическая и практическая база конституционных и политико-правовых теорий и проектов.

В XIX в. в связи с новыми социальными условиями и распространением в науке идей эволюционизма и детерминизма, позиции теории естественного права заметно ослабевают, хотя приверженцы этой теории остаются, а некоторые из них даже выступают за «возрождение естественного права» в новых условиях. В противовес естественному праву выступила набирающая силу *«историческая школа права»*, доктрина которой базировалась исключительно на позитивном праве, т.е. на праве, установленном действующим законом.

Однако в XX в. начало формироваться научное направление, обосновывающее необходимость «возрождения» естественного права. Важнейшей причиной такого «возрождения» стала реакция на тоталитарные режимы, где подавлялась свобода человеческой личности, а также на ситуацию общей переоценки и переосмысления в новых исторических условиях таких базовых вопросов социального развития, как связь национального и глобального уровней социума, взаимоотношение государства и гражданского общества, гражданина и государственных институтов и т.д. Не последнюю роль для возрождения идей естественного права играет понимание способности современного человека (и прежде всего, его научного и технологического потенциала) прямо влиять (чаще всего в негативном аспекте) на развитие социальных и природных процессов.

Е.Н. Моцелков

З

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ — разновидность существенных взаимосвязей между политическими процессами и явлениями, отличающаяся объективным, но вероятностным характером. Вероятностный характер связан с активностью субъектов политики, равнодействующая всех действий которых может оказывать существенное влияние на способы и формы проявления закономерности, трансформировать ее и корректировать траекторию политического развития.

Признание наличия закономерностей, определяющих динамику политической реальности, и возможности их познания — конституирующий принцип политической науки, который лежит в основе понимания ее сущности, целей и задач. Жесткая версия сциентизма, принимая естествознание XIX в. в качестве образца, ставила определение степени развитости научного знания о политике и об обществе в целом в зависимость от способности открывать объективные законы политической реальности — т.е. выявлять, фиксировать и эмпирически доказывать необходимые, существенные, повторяющиеся, устойчивые причинно-следственные связи, применение знания о которых на практике позволяет получать предсказуемые и желаемые результаты.

В XX в. в результате нескольких революций в философии науки уверенность в монокаузальном характере законов политической реальности сменилось представлением о неоднозначном детерминизме, который предполагает обусловленность результата многими факторами и способность каждой причины способствовать порождению нескольких следствий. При этом действие закона связывалось преимущественно с ограничением разнообразия — исключением определенных процессов из числа возможных.

В политике закономерность проявляется в тенденции к сохранению взаимосвязи и взаимозависимости политических явлений при отсутствии вновь возникших факторов, способных приводить к существенным изменениям.

О.Ю. Бойцова

И

ИДЕАЛ (от греч. *idea* — образ, идея, представление, понятие) — образец, нечто совершенное, высшая цель стремлений.

В качестве всеобщей формы целеполагающей деятельности И. выступает во всех областях общественной жизни. Можно выделить социально-политический И. — представление о наиболее совершенном общественном строе, который является целью стремлений определенной общественной группы. Нравственный И. — это представление о нравственном совершенстве, чаще всего выраженное в личности — носителе абсолютной морали. В данной интерпретации И. тесно связан с понятиями рай, Бог и другими религиозными категориями, обозначающими итог стремлений человека. Эстетический И. — представление о норме эстетического совершенства объектов, критерий, с помощью которого субъект может оценивать данный объект.

Впервые проблема И. поставлена в философии Платона. Суть всех земных стремлений — приближение к И. Эстетический И. для Платона не сама вещь, а ее эйдос — образ, идея вещи. И. человека — прекрасный духом человек. Также он оставил свой общественно-политический И., описав идеальное государство. Но если для Платона И. — нечто недостижимое и умозрительное, то Аристотель не противопоставлял И. действительности. Единственным абсолютным и недостижимым И. Аристотеля является моральный И. — это бог — совершеннейший философ, или «мыслящее себя мышление».

В Средние века И. имел религиозное содержание — произведения живописи, литературы, архитектуры оценивались с точки зрения их воздействия на человека. Нравственный И. заключался в следовании всем канонам церкви. При этом человек бесконечно далек от И. античности с культом тела и видимой красоты. И. средневекового общества — монах, святой, аскет — человек, максимально отрешившийся от земных интересов, забот и соблазнов и потому более всех остальных приблизившийся к Богу. Общественный И. средневековья не благоприятствовал накоплению материальных благ и был несовместим с тщеславием и суетностью.

В эпоху Возрождения основа И. — человек как «мера всех вещей», гармония как пропорция всех частей внутри целого. На передний план вышел эстетический И., который предопределил подъем искусства. А отход от жесткого нравственного И. Средневековья, рассматривающего че-

ловека исключительно как слугу Божию, позволил развиваться наукам, философским и общественно-политическим воззрениям.

В дальнейшем проблема И. была обстоятельно разработана в немецкой классической философии. Наиболее остро она была поставлена И. Кантом в связи с проблемой «внутренней цели». И. Кант трактует И. как продукт человеческого рассудка и чувств, его И. обладает значительным практическим потенциалом и играет существенную роль в человеческой жизни. Кант обозначал идеал как регулятивный признак, который обеспечивает возможность совершенствования человеческих поступков. В этом случае идеал может выступать и как критерий их оценки, и как ориентир совершенствования личности. Кант вполне определенно высказывается о том, что трансцендентность идеала, его принципиальная недостижимость ни в коей мере не означают его бесполезности. «Хотя и нельзя допустить объективной реальности (существования) этих идеалов, тем не менее, нельзя на этом основании считать их химерами: они дают необходимое мерило разуму, который нуждается в понятии того, что в своем роде совершенно, чтобы по нему оценивать и измерять степень и недостатки несовершенного». Таким образом, И. — это высшая цель, которая заключается в полном преодолении противоречий между индивидом и обществом.

Только в искусстве И. может и должен быть представлен в виде образа — в форме прекрасного. Моральный И. существует в форме категорического императива. Ни там, ни здесь наглядно представить себе состояние, соответствующее И., нельзя, ибо оно неосуществимо в течение сколь угодно длительного, но конечного времени. Поэтому И. и «прекрасное» становятся синонимами, и жизнь И. допускается только в искусстве. Эти идеи Канта получили развитие в соч. Ф. Шиллера, И.Г. Фихте, Ф.В. Шеллинга и немецких романтиков.

Фихте, расширявая учение Канта об идеале на непосредственно политической проблематике, ясно показал, что под категорическим императивом на самом деле скрывалось требование абсолютного равенства всех индивидов перед лицом закона, а под «эмпирическими» условиями его осуществления — реальное сословное неравенство. Условием достижения идеала является законодательное усовершенствование. В результате чего каждый человек сможет встать на путь постепенного нравственного самоусовершенствования. Впоследствии эта идея «нравственного самоусовершенствования» как единственного пути человечества к идеальному состоянию вошла в арсенал всех антиреволюционных концепций (например, религиозно-этического учения Л. Толстого, Ф. Достоевского, Ганди и далее — вплоть до учений современных правых социалистов).

Гегель, глубоко понявший бессилие кантовского представления об И., сравнил последователей идеи нравственного самоусовершенствования с благороднейшим человеком, который боится обнажить меч в борьбе против порока, опасаясь, что он может быть «испачкан» кровью врага.

История показывает, что вовсе не запрет противоречия и не категорический императив были тем идеалом, к которому изначально стремилась история человечества. Напротив, движущей силой И. становится у Гегеля реальной действительностью, образом человеческого духа, вечно развивающегося, преодолевающего свои собственные внутренние противоречия, а не изначально внешнюю и враждебную ему «эмпирическую действительность». И. практического разума поэтому является в виде образа разумно устроенного государства, а не в виде формальных и принципиально неосуществимых абстрактных императивных требований, обращенных к индивиду. И. человека для Гегеля — это уже не всесторонне и гармонически развитая личность, а только личность, умеющая мыслить диалектически. Причина состоит в том, что в современных империях с узким разделением труда человек уже не может гармонично развиваться, как в небольших античных полисах. Поэтому Гегель под видом единственно-возможного в земных условиях «воплощения» И. и увековечивает всю ту наличную эмпирию, которая ему исторически была дана. В том числе экономическую структуру «гражданского» — буржуазного общества, а далее ее надстройку — конституционную монархию по образцу Англии или империи Наполеона.

Подвергнув критике идеализм Гегеля, марксизм-ленинизм материалистически переработал диалектические идеи Гегеля относительно И. В его основании человек, который отличается от животного не «мышлением» и не «моральностью», а трудом. Он деятельно преобразует природу и самого себя. Этим исторически определяется и высшая цель, то есть идеал человеческой деятельности.

К. Маркс и Ф. Энгельс главное внимание обратили на исследование реальных условий жизни основных классов современного им буржуазного общества, на анализ тех реальных всеобщих потребностей, которые побуждают эти классы к деятельности и преломляются в их сознании в форме И. Идеал был впервые понят с точки зрения отражения противоречий развивающейся социальной действительности в головах людей, находящихся в тисках этих противоречий.

Коммунизм — это единственно возможная форма разрешения противоречий буржуазной, капиталистической системы производства. Именно поэтому контуры идеала как образа необходимо наступающего будущего есть не что иное, как вывод из анализа существующих противоречий, разрушающих наличное состояние. В этом — вся суть диалектико-материалистического понимания идеала.

А.В. Симонова

ИДЕОКРАТИЯ (от греч. *idéa* — идея и *krátos* — власть) — учение о таком государственном строе, в котором правящий слой объединяется и руководствуется не материальными интересами, а некой общей идеей,

тем или иным государственным идеалом. Представления об И. в различных формах присутствуют в философско-политической и философско-правовой мысли фактически на всем протяжении ее развития. Так, определенные черты И. есть уже в учении об идеальном государстве Платона, его идеях правления философов, способных благодаря занятиям философией приобщаться к высшему миру чистых идей. Некоторые стороны И. есть в средневековых европейских идеях теократии. Для русской мысли тенденции к И. также достаточно характерны, они выражаются, в частности, в концепции «Москва — третий Рим», в идеях славянофильства, панславизма, ряде постулатов «русской идеи», представлениях о направляемой идеями достижения всеобщего счастья миссии русского народа. Об И. писал в XIX в. Вл. Соловьев, определяя ее как общественный строй, основанный не на предании и не на материальных интересах, а на сознательных идеях. В наибольшей же степени концепция И. была разработана уже в XX в. в учении евразийства (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Л.П. Карсавин), которое не только развивало теоретические представления об И., но и ставило практическую задачу формирования «подлинной И.». Согласно учению Н.С. Трубецкого, для характеристики государства важна не столько существующая в нем форма правления, сколько присущий ему признак отбора правящего слоя, в котором в свою очередь выделяется «государственный актив». Этот признак, по учению евразийства, определяет собою не только политический процесс, но также и экономический, социальный, культурный облик данного государства. Каждый тип отбора правящего слоя предполагает определенную форму правления, которая является для него естественной. По мнению Трубецкого, такие способы правящего отбора, как аристократия и демократия, к XX веку уже в значительной мере вырождаются, сохраняя лишь ритуальное значение. Так возникает потребность в новом способе правящего отбора, который он называет идеократическим. При этом способе отбора правящий слой составляется из людей, объединенных мирозерцанием (впоследствии П.Н. Савицкий добавит, что также и «действенным служением» избранной идее). Н.С. Трубецкой определяет ряд черт, наиболее характерных для такого типа отбора правящего слоя: единственная партия становится фактически государственным учреждением, и без этого учреждения государство уже не может существовать; осуществляется «государственный максимализм» — активное и руководящее участие государства в хозяйственной жизни и развитии культуры; власть является чрезвычайно сильной, но и близко стоящей к населению; реализуется широкое выборное начало, широкое участие общественных организаций в государственном строительстве, но одновременно происходит и усиленное огосударствление этих общественных организаций; И. тяготеет также к наделению высшей властью лидера единственной партии. Государственный актив, объединенный идейно, представляет собой также сплоченную и внутренне дисциплинированную организацию. Тру-

бецкой, впрочем, полагает, что это — наблюдаемые черты современных ему идеократий, которые являются все же скорее лжеидеократиями, а создание в будущем подлинных идеократий приведет, возможно, к еще не известным формам государственной организации, а также социальной жизни, быта и культуры. В центре И., по Трубецкому, лежит некая основная идея, «идея-правительница», вокруг которой строится идеология, охраняемая и реализуемая правящим слоем. Идеей-правительницей может быть лишь такая идея, за которую не жалко отдать жизнь, и при этом такая жертва будет осознаваться населением как морально ценное действие. Такой идеей, по Трубецкому, может быть идея блага совокупности народов, населяющих цивилизационно единый «особый мир». Для государства, скрепляемого такой идеей, согласно учению Трубецкого, должны быть характерны автаркия, самодостаточность, а также живо ощущаемая общность культурных и исторических традиций. В нем должны также преодолевать последние остатки индивидуализма. По Савицкому и Карсавину, в государстве И. осуществляется также «демотия» — такой способ управления, когда правящий слой «сознательно осуществляет бессознательную волю народа». Евразийское учение об И. подвергалось критике со стороны ряда мыслителей. Так, Ф.А. Степун характеризовал идеократическую концепцию как «идейное насильничество», а Н.А. Бердяев как «ложный монизм», связанный с представлением о государстве как «функции и органе Церкви», из чего вытекает идея о государстве, которое обретает всеобъемлющее значение, проникает во все сферы жизни и потому не оставляет места для свободного общества и свободной личности. В настоящее время основные идеи учения об И. получают развитие в движении неоевразийства, в частности, в трудах А.Г. Дугина.

А.Г. Сьтин

ИНЖЕНЕРИЯ СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ — методологический подход к политике и социальному управлению, предполагающий целенаправленное и системное воздействие на социальное развитие. Такое воздействие обычно осуществляется «сверху» и требует масштабных преобразований или создания новых социальных институтов (институциональная инженерия), а также опережающего формирования правового пространства (социально-правовая инженерия). Понятие инженерии социальной было введено К. Поппером в книге «Открытое общество и его враги» (1945), который противопоставлял утопическую инженерию, основанную на принципах историцизма и вере в созидательные возможности «единственно правильного учения» (от Платона до марксизма), и постепенную, поэтапную инженерию (piecemeal engineering). В первом случае осуществляется строительство «идеального общества» по единому проекту; во втором актер может не иметь долгосрочного плана, ставя

пред собой только осуществимые задачи и минимизируя риски. Опыт XX в. показал, что амбициозные перестройки чаще создают новые трудноразрешимые проблемы, чем решают текущие. Принципы инженерии социальной корреспондируют с конструктивизмом — структуралистским (П. Бурдьё) и социальным (П. Бергер, Т. Лукман). Критики идей инженерии социальной и социального конструктивизма (И. Гофман, А.С. Панарин и др.) отмечают социальные и политические риски, связанные с последствиями произвольного «переконструирования» мира. Результатами инженерии социальной могут быть экспорт моделей «идеального переустройства», разрушение традиционных институтов и т.д.

В.Н. Распоргуев

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО — общество, определяющим фактором развития которого является информация. Термин И.О. был введен в научный оборот благодаря японским исследователям (И. Масуда, К. Кояма, Ю. Хаяши). Начало разработки японского варианта концепции И.О. носило прикладной характер. Так, в 60-е — начале 70-х годов XX столетия понятие И.О. широко использовалось в докладах японскому правительству таких организаций, как Агентство экономического планирования, Институт разработки и использования компьютеров, Совет по структуре промышленности. И.О. определялось как общество, в котором информация станет основной движущей силой общественного, экономического, политического развития. За счет увеличения уровня компьютеризации, введения инновационных информационных технологий люди получают доступ к надежным источникам информации, что упростит процесс социальной, экономической, политической коммуникации и плодотворно скажется на развитии государства в целом. Теоретизация и дальнейшая разработка концепции И.О. в рамках социально-политических наук была продолжена в трудах известного американского исследователя Д. Белла. В книге 1980 года «Социальные рамки информационного общества» Белл соотносит понятия «постиндустриальное» и «информационное» общество. И.О. у Белла служит для обозначения — это новое название постиндустриального общества, в основе определения структуры которого лежит информация. Впоследствии концепция И.О. получает развитие в социолого-политологических работах знаменитых европейских исследователей (Дж. Нейсбитт, С. Нора, А. Минк, М. Постер). Обобщая основные позиции в сочинениях, посвященных анализу феномена И.О., можно констатировать, что главными характеристиками И.О. являются: 1) высокий уровень развития компьютерной техники, информационных и телекоммуникационных технологий, наличие мощной информационной инфраструктуры; 2) увеличение возможностей доступа к информации для широчайшего круга людей; 3) существование информации и знания в качестве стратегического ресурса общества; 4) определение информации

как основного источника и вместе с тем инструмента политической власти. При этом констатация факта значимости информации в современную эпоху отнюдь не означает единодушно положительного отношения к феномену И.О. Чрезвычайно важным в данном контексте становится вопрос о социально-политических перспективах И.О. Во всех существующих официальных документах, связанных с проблематикой развития И.О. (Окинавская хартия глобального информационного общества, принятая в 2000 году, Женевская декларация 2003 года), утверждается возможность использования информации с единственной целью — усовершенствовать современное общество в экономическом, правовом, политическом смысле. Однако когда феномен И.О. рассматривается в философском или культурологическом контексте, информация далеко не всегда трактуется как благо. Так, французские исследователи С. Нора и А. Минк в работе «Компьютеризация общества. Доклад Президенту Франции» утверждают, что воспринимать И.О. только в рамках постиндустриальной теории нельзя. Необходимо иметь в виду сложности, неизбежно возникающие в результате попытки гомогенизировать (глобализировать) общество посредством информации. Таким образом, несмотря на преимущества, которые дает информация, развитие информационных технологий, вопрос возможности существования в едином правовом, экономико-политическом мировом пространстве остается открытым.

К.Ю. Аласания

ИРЕНОЛОГИЯ (от греч. *Eirne* — мир, наука о мире) — направление в политической науке, исследующее причины военных конфликтов с целью их предупреждения, смягчения или прекращения. Ищет ненасильственную замену войнам, рассматривая их как вариант социальной патологии. Термин И. (по свидетельству известного французского полемолога Ж. Фрэнда) впервые был использован в 50-х гг. XX в. бельгийским журналистом П.М.Ж. Леви. Иренологические исследования проводились в различных странах под схожими названиями *Peace research*, *Friedenforchung*. Вместе взятые, они конкурировали с *Полемологией*, от которой отличались методологией исследования. Наиболее видными представителями И. являются Й. Галтунг (основатель *Peace Research Institute* в Осло — *PRIO*, 1959г.), А. Мюрдаль (основательница *Stockholm International Peace Research Institute* — *SIPRI*, 1966 г.), А. Раппопорт и др. Й. Галтунгу приписывают первенство в использовании широко употреблявшегося в 70-х гг. прошлого столетия термина «структурное насилие», обозначающего форму насилия, вызванного структурами или институтами общества и мешавшую самореализации индивидов. Это понятие синонимично понятию теории международных отношений «господство по типу центр/периферия». Для И. 70-е годы были периодом становления. За это время она приобрела статус междисциплинарного исследования проблем безопасности, в котором

участвовали философы, политологи, праведы, социологи, антропологи, психологи, экологи и др. специалисты, сотрудничающие с негосударственными организациями, ООН и др. организациями. В настоящее время в мире существует большое количество ирениологических исследовательских центров. Понимаемая как исследование мира, обучение миру и соблюдению прав человека, И. является обязательной учебной дисциплиной в ряде университетов, например, в Университете мира (University for Peace) в Коста-Рике, созданном в соответствии с резолюцией 35/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 5 декабря 1980 г. Для решения похожих задач основаны: Школа мира (*Ecole de la Paix* — Гренобль/Франция), Школа поддержания мира (*Ecole de maintien de la Paix* — Бамако/Мали). Существуют периодические издания, посвященные проблеме поиска мирного разрешения конфликтов (*Sipri Yearbooks*, *Journal of Peace Research* и др.).

А.В. Соловьев

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА (ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ/ и ПРАВОВЫХ/ УЧЕНИЙ) — научная дисциплина, возникшая первоначально как учебный курс в германских университетах в начале XVIII века. Содержание данного курса состояло из изложения исторической эволюции идей и учений о государстве, власти, политике, праве. Первые печатные труды по истории философии права в Западной Европе (в основном в Германии) выходят в свет в XIX веке — «Философия права через исторический взгляд» Шталя (1832), трехтомная «История и система государственной науки» Бусса и Геппа (1839), «История философии права, начиная с Гуго Гроция» Вернкёнига (1839), «Периоды истории философии права» Росбаха (1842). В это же время курс истории философии права читается и в России, профессором К.А. Неволыным в Киевском университете. В 1839–1840 гг. этот курс был опубликован в виде двухтомника под названием «Энциклопедия законоведения» (второй том этого труда имеет название «История философии законодательства»). Одновременно с этим в Петербургском университете курс «Историческая часть энциклопедии законоведения» читает П.Д. Калмыков (в 1845 г. выходит рукописное издание), а в Киевском университете — Н.И. Пилянкевич, который назывался им уже «История философии права» (печатный текст данного курса под указанным названием увидит свет только в 1870 г., хотя первая неудачная попытка опубликования относится к 1849 г.).

По Университетскому уставу 1863 г. на юридических факультетах были созданы кафедры энциклопедии права, за которыми было закреплено чтение в качестве обязательных курсов истории философии права. Такие систематизированные курсы в 60-е гг. XIX в. читали П.Г. Редкин (Петербургский университет) и Б.Н. Чичерин (Московский университет). В 1869 г. Чичерин выпустил в свет первый том своего фундаментального

(впоследствии пятитомного) труда, который назвал «История политических учений».

Следует отметить, что на протяжении XIX века как в России, так и за рубежом вышло в свет огромное количество трудов (учебных университетских курсов), которые наряду с базовым («история философии права») имели и другие названия, общепризнанно являющиеся равнозначными («история политических учений», «история политических наук», «история общих учений о праве и государстве», «философские учения о праве и государстве» и др.). Авторами этих трудов (наряду с упомянутыми выше) были такие российские ученые, как Д.И. Каченовский, Ю.Г. Жуковский, А.С. Алексеев, К.Н. Ярош, С.А. Бершадский, Н.Н. Трубецкой, Н.М. Коркунов, В.Ф. Залесский, П.И. Новгородцев, Г.Ф. Шершеневич, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Н. Фатеев, М.М. Ковалевский, В.Н. Сперанский, К.А. Кузнецов, В.Э. Вальденберг и др.

Зарубежными авторами по истории философии права (истории политических учений) в XIX — начале XX в., книги которых хорошо знали в России, в том числе и по русским переводам, являлись Ф. Шталь, Р. фон Моль, Р. Блэки, П. Жанэ, А. Гейер, И. Блунчли, Г. Кох, Ф. Полок, Л. Штейн, А. Лассон, А. Мишель, Р. Трейман и др.

В нашей стране история философии права как учебная и научная дисциплина прекратила свое существование в 1918–1918 гг. после закрытия юридических факультетов и кафедр энциклопедии и истории философии права. И только в 40-е гг. XX века для нужд юридического образования уже в новых социалистических условиях начинают разрабатываться курсы под названием «история политических и правовых учений», ставшие в университетах обязательными для подготовки юристов. В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. после создания кафедр и отделений политологии стал разрабатываться и преподаваться курс «истории политических учений», закрепленный для подготовки политологов как обязательный в государственных образовательных стандартах. В течение нескольких десятилетий у нас в стране вышло в свет достаточно большое количество книг и учебников под названием «История политических и правовых учений» или «История политических учений». Среди авторов этих изданий следует выделить Н.М. Азаркина, С.А. Дробышевского, В.Д. Зотова, Л.В. Зотову, И.Ю. Козлихина, О.Э. Лейста, В.П. Малахова, О.В. Мартышина, В.С. Нерсисянца, А.А. Чанышева и др.

Предметное поле истории философии права (истории политических учений) стало дискуссионной проблемой уже в XIX веке, но к общему суждению ученые не пришли и по сей день. Не в последнюю очередь это связано с тем, что данная дисциплина по своему содержанию и функциям относится к интеграционным («междисциплинарным») сферам научного знания. Наряду с ретроспективным изучением общих идей и учений о политике, праве, государстве и власти, в ней мы находим синтез, по меньшей мере, *четырёх* уровней анализа: во 1-х, это выявление и изуче-

ние развития нормативно-институциональных аспектов функционирования политико-государственных систем (сфера правовой науки); во 2-х, это определение и описание тенденций и форм развития политико-государственных институтов и отношений (сфера политической и социальной истории); в 3-х, это анализ природы государства, власти, властных отношений, выявление противоречий и механизмов развития (сфера политической науки); в 4-х, это оценка и прогнозирование развития политико-государственных систем, построение идеальных форм и моделей для такого развития (сфера философии).

Реализовать такие задачи заведомо не может научная дисциплина, ограниченная только рамками политологии (или теории политики) и тем более юридической науки; она с необходимостью должна анализировать философские, правовые, социологические аспекты процесса становления государственных и властных форм и отношений.

Поэтому история философии права (или ее более общепринятые в настоящее время названия — история политических учений, история политических и правовых учений) — это наука интегративная, — не только политическая (и историческая) по названию, но и философская, правовая, теоретико-литературная и социальная.

В условиях процесса дифференциации научного знания, который наиболее активно проходил в гуманитарной науке в XIX — начале XX в., история философии права оставалась одной из немногих интегративных скреп между целым рядом гуманитарных наук. Осуществлять эту функцию данной научной дисциплине позволяет то, что не только по названию, а главное — по реальному содержанию заложенного в ней идейного материала она представляет собой синтез истории, философии (философии права) и политической науки, периферийно затрагивая при этом и такие науки, как социология, психология, культурология, литературоведение.

Понятия «политическая», «правовая» в ее названии употребляются только в связи с тем, что именно они дают этой науке объектную идентичность, так как ее исследовательский предметный поиск направлен на философскую (наиболее общую) интерпретацию сложнейших взаимодействий политики, государства, права, на выявление сущего для его сопоставления с должным, с идеальными и наиболее совершенными моделями политического порядка.

Е.Н. Моцелков

К

КОГНИТИВНАЯ ИСТОРИЯ (КОГНИТИВНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА) — составная часть когнитивистики как системы наук о человеческом мышлении. Когнитивная история выходит за рамки констатирующих, описательных и процедурных подходов и методов и дополняет их теоретико-методологическим анализом. В основе этого анализа лежит философская проблема об общих (универсальных) параметрах человеческой деятельности как проявлению способов человеческого мышления, действия и поведения и, следовательно, исторического процесса в его единстве и целостности. К.И. рассматривает в качестве своего эмпирического объекта совокупность интеллектуальных продуктов (информационная сфера), когда-либо созданных целенаправленно и осознанно в ходе исторического процесса. Это позволяет ей выявить и зафиксировать реальные повторяющиеся связи, которые существуют на каждом этапе истории.

Под К.И. можно также понимать проникновение философского подхода в профессиональные исторические исследования, и в этом смысле — это есть философия истории, философия человеческого бытия в истории.

Е.Н. Моцелков

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ — 1) совокупный образ, идея ограничения выборными общественными институтами единоличной или клановой власти на основе юридически оформленного и легитимно установленного закона; 2) политико-правовая теория, обосновывающая возможность и необходимость установления конституционного строя; 3) деятельность государственных лиц, политических групп, партий или движений по реализации определенных конституционных идей и проектов.

К. как в теоретическом, так и в практическом аспектах исходит из таких базовых демократических принципов и ценностей, как идея господства права в общественной жизни, признание прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью, подчиненность институтов власти интересам народа.

Появление самой конституционной идеи, а также первые практические опыты ее реализации относятся к достаточно ранним этапам развития государств (см. статью «Конституция»).

Фундаментальное теоретическое обоснование эта идея получает в XVII–XVIII вв. в западноевропейской (в основном, английской и французской) политической и философской мысли.

В основе этого теоретического обоснования лежала идея естественного права, которая, в свою очередь, постулировала два базовых положения для устройства государственной жизни: 1) постулат о равенстве всех граждан перед законом (*направлено против феодальных сословных различий и привилегий*) и 2) постулат о народе как единственном источнике власти, о народном суверенитете (*направлено против средневековой догмы о божественном происхождении монархической власти*). Из этих исходных постулатов вытекали другие положения и принципы К.

Конституционный порядок в государстве обеспечивается существованием органов (или ветвей власти), независимых друг от друга и равноценных по своему правовому статусу (принцип разделения властей, подразумевающий в своей классической модели существование трех независимых ветвей власти — законодательной, исполнительной и судебной). Тем самым достигалось ограничение власти путем ее разделения, рассредоточения.

Важнейшим для К. является и вопрос о механизме формирования властных органов. Власть народа в конституционном государстве обеспечивается через выборных представителей в государственных органах и органах местного самоуправления. Ключевыми в данной формуле являются слова «власть народа», ибо речь идет не о выборном представительстве как таковом (различные формы такого представительства существовали в самых разных общественных системах). В своей идеальной форме в конституционных государствах предполагается представительство *всего народа*, основанное на *всеобщем политическом равенстве*, выражающемся, прежде всего, во всеобщем избирательном праве — праве каждого гражданина избирать и быть избранным. Конечно, такие права не могут иметь абсолютный характер, хотя бы в силу естественных ограничений: возраст, дееспособность, оседлость и т.д. Но они могут и должны максимально приближаться к этому абсолюту.

На различных (особенно первоначальных) исторических этапах развития конституционных государств представительство всего народа имело очень условный характер, так как оно (это представительство) ограничивалось разными экономическими и социальными цензами — имущественным, образовательным, половым и т.д. Реализацией данных принципов достигалось ограничение власти путем постановки ее в зависимость от воли народа, общества.

Для того чтобы действовали первые два условия, в конституционном обществе законодательным образом провозглашаются и закрепляются основные права и свободы человека: 1) право собственности; 2) право собраний и союзов (партий); 3) право свободного высказывания мнений в устной и печатной форме (право голоса, печати); 4) право передвижений; 5) право выбора вероисповеданий, бытовой культуры и другие. Это означало ограничение власти (как целого) путем установления незыблемых параметров прав и свобод каждой личности (как части).

По мере распространения идеи и практики К. в XIX–XX в. в мире (особенно в Латинской Америке, Африке и Азии) его изначальные постулаты и принципы существенно дополнялись и адаптировались к специфическим политическим и социальным условиям различных стран и регионов мира.

Е.Н. Моцелков

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО — отрасль права, регламентирующая правовое регулирование организации и функционирования системы государственной власти в стране, определяющая права и свободы граждан, основополагающие принципы отношений государства и гражданина, государства и гражданского общества. К.п. имеет системообразующий характер для национальной правовой системы, т.к. конституционные нормы определяют основы и базовые принципы всех других отраслей права. Нормы К.п. имеют императивный и директивный характер.

В большинстве современных государствах нормы к.п. закреплены в документе, который называется «конституция» и который имеет высшую юридическую силу.

В политико-правовой литературе большинства стран современного мира термин «конституционное право» является синонимом термину «государственное право».

Е.Н. Моцелков

КОНСТИТУЦИЯ (от лат. *constitutio* — устройство, установление) — основной закон государства, в котором закрепляются основы политической системы, национальный и государственный суверенитет и форма правления, права и свободы человека и гражданина, включая вопрос о гражданстве, государственное устройство, система взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти, институт главы государства, избирательное право и избирательная система, система судопроизводства, система местного управления и самоуправления.

Появление документов конституционного типа относится к самым ранним этапам истории человеческой цивилизации. Первыми же номинальными конституциями (т.е. документами, буквально объявляющими себя конституциями) принято считать Конституцию США 1787 г. и Конституцию Франции 1791 г. К числу первых номинальных конституций следует также отнести Конституционные законы Венгрии 1791 г., Конституционный закон (Конституцию) Польши 1791 г. (действовали небольшой период), а также конституции Швеции (1809), Норвегии (1814), Испании (1815). Примечательно, что в 1815 г. конституция (Конституционная хартия) была «дарована» императором Александром I части Российской империи — Царству Польскому.

Более чем за два века существования конституционных порядков сформировалась сложная и разноплановая классификация конституций. Данная классификация касается 1) *порядка возникновения конституций*: а) октроированные, т.е. дарованные монархом, правителем; б) принятые представительным органом (парламентом); в) принятые специально созданным для этого учредительным форумом (собранием); г) одобренные на всеобщем референдуме; 2) *структуры конституций*: а) кодифицированные, т.е. существующие в виде единого и целостного документа; б) некодифицированные, т.е. представляющие собой совокупность различных самостоятельных актов; 3) *по порядку изменений конституций*: а) гибкие — изменения принимаются путем принятия обычного закона; б) жесткие — изменения невозможны или сильно усложнены; в) комбинированные — допускаются изменения только в отдельных статьях.

День провозглашения конституции во многих странах является ежегодным национальным праздником.

Е.Н. Моцелков

КСЕНОФОБИЯ (от греч. xenos — чужой, посторонний, и phobos — страх) — неприятие, страх перед чем-либо чужеродным, кем-либо чужим. К. может проявляться на различных уровнях в неприятии чужой религии, расы, нации. На государственном уровне К. называется страх перед иностранцами, неприятие иностранной культуры. К. противостоит понятию толерантности. Изначально К. как феномен, относящийся к индивидуальному и групповому сознанию, связана с особенностью формирования идентичности этноса, противопоставлением «себя» «иным», «чужим». К. во многом обусловлена ощущением угрозы социальной, культурной, политической идентичности, которая может выражаться в распространении идей, присущих другой культуре, стране, нации. Таким образом, К. в определенном смысле проявляет себя как идеология, поскольку предполагает борьбу с чужеродным, «не своим» на основе противопоставления собственных воззрений каким-либо другим. К. предполагает наличие образа врага, наделенного негативной силой. Данное положение К. является определенным, если речь идет о противостоянии собственно идеологий, которое имело место, например, в эпоху холодной войны между СССР и США. Однако проблема К. не утрачивает своей актуальности в многонациональных государствах. Парадокс заключается в том, что в таких странах декларируется интернационализм, мультикультурализм и толерантность, но в условиях существования представителей разных национальностей и культур в одном общественно-политическом пространстве неизбежно возникают реальные конфликты, которые трудно или невозможно преодолеть, что влечет за собой утверждение К., но не ее преодоление.

К.Ю. Аласания

Л

ЛЕГИТИМАЦИЯ (ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ) — установление легитимности. Существует несколько подходов к трактовке легитимации. Согласно наиболее узкому, юридическому, толкованию (М. Доган), ее содержанием является легализация — признание или подтверждение законности права или полномочия, придание правового статуса институту или явлению. В зависимости от оснований узаконивания юридический подход различает формальную и материальную легитимацию: формальная опирается на внешние признаки документов, материальная — на фактические обстоятельства.

Социологический подход (П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман, Р. Итвел) понимает легитимацию более широко, вписывая ее в общесоциальный контекст. Два основных направления, номиналистическое и реалистическое, восходят к теориям М. Вебера и Т. Парсонса соответственно. Номиналистическое исходит из понимания легитимности как добровольного решения подчиненных (индивидов и социальных групп) покоряться власти и нацелено на выявление факторов, обуславливающих данное решение. Реалистическое, трактуя политическую власть как обобщенную способность системы к реализации действия, усматривает основания легитимности в объективной значимости такого действия для системы в целом (для целей коллектива).

Еще более широкое значение придается легитимации в философско-культурологическом подходе (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Маритен, М. Фуко, А. Кожев), понимающем ее как свойство некоего текста формировать символическую репрезентацию социально значимых смыслов. В результате подобной репрезентации сущее маркируется как соответствующее должному.

Политологический подход (Г. Моска, Д. Истон, С. Липсет, Ф. Фукуяма, Ш. Жабо, Д. Бэтхем) рассматривает легитимацию как обеспечение общественного признания, следствием которого выступает повинование власти и оправдание применения насилия в случае неповиновения.

Легитимация понимается: а) как политический институт — совокупность норм обоснования права на использование власти и процедур подтверждения политической поддержки; б) как процесс создания концептуальных моделей оправдания права на власть определенных политических акторов; в) как специфическая социальная технология, конструирующая отношения с объектами властного воздействия на основе определенных сценариев.

Технологизация процесса установления легитимности порождается стремлением снизить степень неопределенности и непредсказуемости

политики в ситуации обострения политической конкуренции в условиях демократического режима.

Важное место в политических исследованиях занимает анализ механизмов достижения и воспроизводства легитимности политической власти в рамках конкретных политических культур. Среди механизмов легитимации выделяют:

- легализационные, обеспечивающие признание правомочности в документах, имеющих законную силу;

- социально-психологические, формирующие эмоционально положительное отношение к носителям власти (идентификация политических образов на основе стереотипических моделей, купирование репутационных рисков, завоевание авторитета и пр.);

- политико-социализирующие, которые обеспечивают расширение политического участия и иницируют политическую самоидентификацию (в таких формах, как выборы, референдумы, шествия, митинги, пикеты, демонстрации и т.п.; приобщение к политике может реализоваться благодаря неполитической сфере — литературе, кино, шоу-проектам и пр.);

- технологичные, доказывающие компетентность субъектов власти в области принятия и реализации политических решений, добывающиеся лояльности граждан и защищающие позиции конкретных акторов в условиях политической конкуренции при помощи политико-технологических приемов воздействия;

- когнитивно-коммуникационные, связанные с созданием и актуализацией политических текстов, обеспечивающих интеракцию носителей власти с объектом властного воздействия.

В зависимости от оснований, определивших легитимность власти, выделяются такие формы легитимации, как символическая, культурная, историческая, религиозная, эмоционально-психологическая, силовая, демократическая и пр.

Ослабление или утрата легитимирующих оснований называется делегитимацией. Она может быть инициирована внешними и внутренними по отношению к политической системе факторами, сочетание которых носит вариативный характер. Способность противостоять делегитимационным вызовам демонстрирует уровень легитимности конкретной власти и эффективность применяемых моделей легитимации.

О.Ю. Бойцова

ЛЕГИТИМНОСТЬ — социально-психологическая характеристика, фиксирующая консенсусный аспект власти. Содержанием Л. является принципиальное согласие в вопросе о праве использования власти. Важнейшими показателями легитимности служат высокий уровень доверия к субъекту власти, положительное отношение к формам ее организации, политическим институтам, решениям и действиям политических акто-

ров. Легитимный характер власти понижает степень насилия при ее реализации, существенно увеличивает действенность нормативной регуляции в обществе, способствует социальной стабильности.

Описание власти как сочетания принуждения и согласия, как и попытки анализа политической лояльности, имеют длительную историю в социальном познании. Но понятие «легитимность» появилось лишь в XVII–XVIII вв. — в эпоху буржуазных революций в Англии и во Франции. В начале XIX в. оно получило широкое распространение в европейской общественной мысли благодаря усилиям французских роялистов, пытавшихся доказать исключительность прав династии Бурбонов на государственную власть. В этот период «легитимность» и «легальность» использовались как синонимичные понятия, означающие правомочность власти, подтверждаемую законами, в противовес захваченной власти, не имеющей правовых оснований. В начале XX в. М. Вебер в теории легитимности, ставшей классической для социальной науки, развел данные понятия. Легитимность была представлена как специфицирующий признак господства (Herrschaft), отличающий его от власти (Macht), и определена как признание власти подчиненными и их добровольное согласие ей покоряться, образующие основу политического порядка.

Вебер выделил три основания, делающие возможным подобное послушание, — харизма, традиция, закон. При харизматическом типе легитимности готовность повиноваться возникает в силу абсолютного доверия к лидеру-вождю, восхищения им, верой в его выдающиеся способности, позволяющие решать любые социальные проблемы. Традиционный тип легитимности основан на вере в порядок, выдержавший испытание временем, в безусловную ценность моральных, правовых, религиозных принципов, которые на протяжении поколений зарекомендовали себя как действенные регуляторы общественной жизни. Фундаментом легального типа легитимности служит закон как формальное правило всеобщей значимости, санкционированное и гарантированное государством. Таким образом, в отличие от традиции XIX в., у Вебера легальность оказывается одним из вариантов легитимности, при котором лояльность власти обусловлена неукоснительным соблюдением требований закона и при определении персонального состава правящей элиты, и при создании или реформировании политических институтов, и при принятии решений и их реализации.

В настоящее время понятие «легитимность» используется более широко. При характеристике вертикали политических отношений, взаимоотношения правящих и управляемых, веберовская трактовка сохраняет приоритет. Легитимность выступает атрибутом «верхов», но наделяют их этим атрибутом «низы» — добровольно исполняя приказы правящей верхушки и признавая ее право на насилие в отношении непокорных.

Помимо вертикального, понятие «легитимность» используется и в горизонтальном измерении. В данном случае речь идет об атрибуте, которым наделяют друг друга участники взаимодействия, находящиеся на

одной ступени социальной иерархии. Такое наделение означает признание за тем или иным субъектом права представлять определенную социальную группу — принимать решения и действовать в ее интересах. Прежде всего, это значимо для сферы международных отношений, в которой правительство каждого государства выступает как легитимный представитель своего народа и от его имени выстраивает систему взаимосвязей. Именно признание акторалегитимным (или отказ ему в таком признании) влечет за собой важнейшие политические и экономические последствия, способные существенным образом изменить судьбы народов. Инстанцией, наделяющей легитимностью, может быть как отдельное государство, так и международное сообщество. На первый план выходит формально-институциональная основа — наличие норм, правил, традиций и законов, в рамках которых признание правомочности обретает именно этот актор. В то же время нельзя недооценивать роль ценностных факторов — важнейшим инструментом легитимации или делегитимации служат представления о благе и справедливости.

В современной науке в качестве источников легитимности называются:

- система ценностей, определяющая убежденность в значимости политического режима (идеологическая легитимность),
- уверенность в оптимальности правовой системы, политических институтов и выполняемых ими функций (структурная легитимность),
- удовлетворенность соблюдением представителями власти демократических принципов (демократическая легитимность),
- доверие к уровню компетентности инстанций, принимающих политические решения (технократическая легитимность),
- вера в соответствие политического курса объективным социальным законам (онтологическая легитимность),
- осознание общности национальной, этнической, религиозной и иной идентичности с субъектами власти (конструктивная легитимность),
- зависимость от мнения большинства (мажоритарная легитимность),
- лояльность в результате стимулирующего воздействия (лоббированная легитимность),
- признание авторитета конкретных политических лидеров (персональная легитимность в ее гендерной, профессиональной и визуальной формах) и др.

Количественной характеристикой легитимности является уровень политической поддержки населением лидеров, институтов, решений и пр. Эмпирическими индикаторами, свидетельствующими об интенсивности легитимности, могут служить степень принуждения при реализации политического курса, наличие и масштабы акций гражданского неповиновения, размеры политического абсентеизма, распространенность девиантного поведения, уровень криминализации общества и т.п. При ослаблении или утрате оснований легитимности происходит делегитимация власти, влекущая за собой невозможность сохранения власти правящей элиты мирным путем.

Основания легитимности, пределы подчинения и причины изменения уровня лояльности — важнейшая тема современных политико-правовых, социологических и социально-психологических исследований. Ценностно-нормативные трактовки кладут в основу легитимности этические категории («блага», «справедливость»), пытаясь дать содержательное решение проблемы доверия к власти. Формально-рефлексивные стремятся выявить формы властных отношений и построить общие модели легитимации власти, отвлекаясь от конкретно-исторического содержания действий политических институтов. И в том и в другом случае исследования лежат в проблемном поле политической и правовой культуры, политического сознания и ценностных оснований политики и имеют ярко выраженную прикладную направленность — разработку эффективных моделей легитимации или делегитимации институтов власти.

О.Ю. Бойцова

ЛИНГВОПОЛИТОЛОГИЯ — научная дисциплина, изучающая язык в контексте политического. В контексте интегративной природы лингвополитологии можно говорить о двух диаметрально противоположных подходах к восприятию роли языка в политике: с одной стороны, язык может использоваться как средство борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием, с другой — производство текста (как продукта языка) может рассматриваться как способ сопротивления власти. Первый подход обусловлен историко-политическими обстоятельствами, в которых начала формироваться лингвополитология. Точкой отсчета для становления Л. стала Первая мировая война. Внимание исследователей языка политики было направлено на изучение способов формирования общественного мнения, эффективности политической агитации и военной пропаганды. Наиболее значимые работы этого периода связаны с деятельностью Уолтера Липпманна, Пола Лазарсфельда, Гарольда Лассвелла. На следующем этапе развития политической лингвистики зарубежные специалисты сосредоточили свое внимание на изучении коммуникативной практики в современных западных демократических государствах. Эти исследования показали, что и в условиях «свободы» постоянно используется языковая манипуляция сознанием, но это более изощренная манипуляция. Подобные факты широко обсуждаются в критической теории Франкфуртской школы, представители которой (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер) начали изучать формы тоталитаризма, антидемократизма, националистического шовинизма после окончания Второй мировой войны. Такую позицию во многом разделяют представители французской постструктуралистской теории (М. Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт). Однако в рамках постструктурализма возникает идея о возможности использования языка с целью сопротивления власти. В частности, об этом говорит Р. Барт в актовой лекции, прочитанной при вступлении в долж-

ность заведующего кафедрой литературной семиологии в Коллеж де Франс. В конце XX — начале XXI вв. активное развитие исследований политической коммуникации идет по данным основным направлениям. Известный российский политический лингвист А.П. Чудинов выделяет ряд признаков, характеризующих современный этап развития Л., и говорит о том, что происходит «глобализация» политической лингвистики, сфера научных интересов Л. расширяется за счет включения в анализ новых аспектов взаимодействия языка, власти и общества (дискурс терроризма, дискурс «нового мирового порядка», политкорректность, социальная толерантность, социальная коммуникация в традиционном обществе, фундаменталистский дискурс и др.). Центральным понятием Л. является политический дискурс, который представляет собой особую разновидность дискурса и имеет своей целью завоевание и удержание политической власти. В лингвистической литературе политический дискурс представлен как многоаспектное и многоплановое явление, как комплекс элементов, образующих единое целое. В лингвистике термин «политический дискурс» употребляется в узком и широком смысле. В широком смысле он включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле политический дискурс — это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти. В Л. к понятию дискурса добавляются процесс и результат порождения и восприятия текстов и экстралингвистические факторы, влияющие на их порождение и восприятие. В целом можно констатировать, что, несмотря на множество толкований политического дискурса, можно рассматривать данное понятие как составляющую вербальной коммуникации, существующую в определенном социальном контексте, в рамках которого отправитель и получатель информации наделяются определенными социальными ролями, согласно их участию в политической жизни, которая и является предметом коммуникации. А.П. Чудинов выделяет следующие характеристики политической коммуникации: 1) ритуальность и информативность; 2) институциональность и личностный характер; 3) эзотеричность и общедоступность; 4) редукционизм и многоаспектность информации в политическом тексте; 5) авторство и анонимность политического текста; 6) интертекстуальность и автономность политического текста; 7) агрессивность и толерантность в политической коммуникации. С учетом указанных характеристик можно выделить ряд основных тем, изучением которых занимается Л. Прежде всего, в рамках возникает проблема манипулирования, рассматриваемая сквозь призму языка власти и власти языка. По наблюдению российского лингвиста В.А. Масловой, под языком власти следует понимать то, как говорит, какими языковыми средствами и приемами пользуется власть. Под властью языка понимается то, как воздействуют на массовое сознание эти языковые средства и приемы — должна исследоваться Л. Инструмента-

ми воздействия власти языка становятся символы, архетипы, закрепленные в массовом сознании, языковые игры и т.п. Лексическое манипулирование активно проявляет себя в политическом дискурсе либо через изменение значений слов, либо через выбор определенных слов для обозначения объектов. Такие характеристики языка, как подвижность семантической структуры слова, трудность отграничения коннотаций от основных значений, вариативность этих значений и значений одних и тех же языковых знаков, свободная замена объективного субъективным целенаправленно используются политиками. Вместе с тем в Л. утверждается, что сегодня на политический язык оказывают большое влияние экстралингвистические факторы, в особенности изменение мировой политической системы. Лингвисты говорят об опасном «лингвополитическом синдроме», связанном с тем, что в мире наблюдается доминирование социально-политической лексики с негативным коннотационным ореолом, что свидетельствует о серьезных деформациях в социальной и нравственной жизни народов.

К.Ю. Аласания

ЛИЧНОСТЬ (лат. *persona* — маска, роль актера) — термин, обозначающий социальный и психологический облик индивида. В этом смысле у человека есть три основных измерения. Индивид выражает общие свойства человека как организма. Индивидуальность выражает психическую специфику отдельного человека, причем специфика эта может носить наследственный или случайный характер. Третье измерение Л. определяется социальными качествами, которые человек приобретает в результате взаимодействия с обществом.

Л. настолько многогранна в своих индивидуально-психологических проявлениях, что соотношение ее разнообразных качеств может сказываться и на проявлениях мировоззрения, и на поведении.

Выделение Л. было изначально осуществлено в процессе сравнения человека с животным. Поведение людей генетически не запрограммировано, как поведение животных, включая высших. А это означает, что в отличие от животных человек не может быть сведен к биологическому организму.

Одним из первых, если не первым, такой вывод достаточно четко сформулировал античный философ Сократ в V в. до н.э. Человек кроме тела имеет душу. Душа не просто существует в человеке наряду с телом, а управляет им. Тем самым Сократ практически ввел в философию понятие Л. Человек есть не только тело, но и Л. Вместе с понятием души, управляющей телом, Сократ ввел и понятие свободы человека. Душа как хозяйка тела подчиняет себе инстинкты. Эта власть души над плотскими потребностями человека и есть свобода.

В дальнейшем идеи Сократа разрабатывались и детализировались многими мыслителями, среди которых, прежде всего, следует назвать Рене Декарта. Сократ и Декарт в вопросах души и тела были идеалиста-

ми. Наличие души и свободы человека они либо принимали как само собой разумеющееся и не требующее объяснения, либо выводили из бытия вечной духовной субстанции.

Мыслители, придерживавшиеся материалистических взглядов, долгое время не могли со своих позиций объяснить ни природу человеческой души, ни свободу Л.

Поэтому многие из них фактически вступали на путь отрицания существования и души и Л., как таковой. В особенно четкой форме эти мысли были выражены в работе выдающегося французского материалиста XVIII в. Жюльена Офре де Ламетри «Человек-машина». Полностью принимая идею Р. Декарта, что животное есть машина, Ж. Ламетри распространял ее и на человека. Человек тоже является машиной, но только более сложной, чем животное. Взгляды Ж. Ламетри разделял и остальные французские материалисты: Д. Дидро и А. Гольбах.

Марксизм отошел от сравнения человека с животным и основой личности считал социальные качества, которые обретаются, прежде всего, в процессе труда. Разделение труда и принадлежность к определенному классу формируют мировоззрение и потребности Л. Свобода Л. в марксизме неотделима от свободы общества. Человек в той мере свободен, в какой свободно общество. Истинная цель Маркса состояла в освобождении человека от давления экономической нужды, с тем чтобы он мог — и это главное — развиться как человек, то есть сформировать себя как гармоничную Л.

С конца 1930-х гг. развитие получила психология Л., где началась активная дифференциация направлений исследований. В результате ко второй половине прошлого века сложилось много различных подходов и теорий личности. Если подходить к подсчету количества современных теорий личности формально, то существует по меньшей мере 48 их вариантов. Наиболее распространенной идеей в данных теориях являются факторы развития Л.: воспитание, самовоспитание и образование.

В психологии Л. — результат процесса воспитания и самовоспитания. «Личностью не рождаются, а становятся», — утверждал А.Н. Леонтьев. Дети не обладают личностью, поскольку ответственность за их поступки вменяется их родителям.

В христианской традиции личность, напротив, рассматривалась сформировавшейся с момента зачатия. Личность изначально заключалась в слове «ипостась» — свидетельство о Боге как Личности. Первичный смысл слова ипостась (которым в богословском языке Церкви и выражается тайна личности) — конкретное существование, отличное от любого другого. Появившаяся по воле Божией, личность человека вечно раскрывается, развивается, обогащается, совершенствуется (или же, напротив, деградирует и саморазрушается) не только в течение всей земной жизни человека, но и после его смерти и Страшного Суда уже будучи в раю или в аду. Все люди (как и все духи) считаются свободными и уникальными (неповторимыми, созданными по образу и подобию Бога)

личностями, в том числе: человеческие эмбрионы, младенцы, дети и другие. Однако церковь также стремилась формировать Л. через образование и распространение христианского мировоззрения.

На современное понимание Л. большой вклад внесли философы — экзистенциалисты и представители персонализма, религиозной философии и космизма. Они поставили вопрос о том, какое место занимает человек в мире, чем он фактически является и чем он может стать, каковы границы его свободы и социальной ответственности. Философы считают личность высшей ступенью эволюции человека как духовно-телесного существа. В философии появилось немало течений, в которых человек поставлен в центр вселенной.

Персонализм сформировался в конце XIX в. в России (Бердяев, Л. Шестов) и США (Боун, Дж. Ройс), затем в 30-х гг. XX в. во Франции и др. странах. В основе учения персонализма о Л. лежит тезис о свободе воли. Решение всегда исходит от Л., предполагает направление воли, выбор, нравственную оценку. Персонализм — теистическое направление философии, признающее Л. первичной творческой реальностью и высшей духовной ценностью, а весь мир проявлением творческой активности верховной Л. (Бога).

Концепцию этического персонализма разрабатывал Макс Шелер, один из основоположников религиозной антропологии. Л., доказывает М. Шелер, это вовсе не субъект разума, но это также и не субъект разумной воли. Л. — это, прежде всего, «любящее бытие». Не разум, а чувства являются важнейшей компонентой структуры личности. Они образуют многослойную, иерархически организованную структуру, где нижний этаж занимает чувственность, а высший — духовность. Чем больше человек приобщается к миру духовных идеалов, традиций и ценностей, тем сильнее проявляется в нем личностное начало.

Экзистенциализм вскрывает острый конфликт Л. и современного общества, показывает порабощение индивида безличными внешними силами. Под существованием сторонники экзистенциализма понимают имманентное самосознание, духовную жизнь, оторванную и противопоставленную объективному материальному миру. Отвергается наличие объективных, независимых от сознания Л. закономерностей природы и общества. Мир существует только в сознании, и лишь субъективный интерес человека к объекту делает этот объект существующим. Быть Л. для большинства людей непосильная задача. Чтобы выйти из мира «обыденности», человеку нужно изменить не сам этот мир, а свое сознание: решиться смотреть в глаза смерти; перед лицом смерти человек всегда становится самим собой, т. е. Л.

В дальнейшем антропоцентризм уступил место антропокосмическому мировоззрению. Л., несмотря на существенные особенности созданной им жизненной среды, продолжает оставаться неотъемлемой частью космоса, полностью подчиненной действующим в нем законам. Человек находится не над природой, а внутри природы.

А.В. Симонова

М

МАЛЬТУЗИАНСТВО — направление научной мысли, основанное на предположении, что рост народонаселения идет опережающими темпами по сравнению с ростом предложения продовольствия, а также развивающее идею конечности ресурсов на планете.

Данное течение получило свое название в честь английского ученого Томаса Роберта Мальтуса (Thomas Robert Malthus, 1766–1834). Он выдвинул гипотезу о том, что число жителей Земли растет в геометрической прогрессии, а объем продовольствия — лишь в арифметической. Этот разрыв и является причиной многих общественных бед. В результате неконтролируемый рост народонаселения должен, по его мнению, привести к голоду на Земле.

В XX веке мальтузианцы обращали внимание, прежде всего, на стремительный рост рождаемости в малоразвитых странах, который стал сочетаться со снижением уровня смертности. В итоге стал наблюдаться стремительный рост населения. В конце XX–XXI века население стало увеличиваться темпами, не имеющими исторического прецедента. В конце 2011 года население Земли уже превысило 7 млрд. человек. Согласно прогнозу ООН, к середине XXI века на Земле будет жить почти 9,5 млрд. человек.

Современные мальтузианцы указывают на ограниченность не только продовольствия, но и в целом ресурсов на планете Земля. Так, человечество сталкивается с растущей нехваткой энергоносителей, что приводит к тому, что значительная часть населения оказывается вне доступа к электроэнергии и моторному топливу, ему недоступны блага цивилизации. В настоящее время 2,5 миллиарда людей испытывают нехватку современных видов топлива для отопления и приготовления пищи, а к 2020 году эта цифра вполне может составить более трети населения нашей планеты. 1,5 млрд человек сегодня не имеют доступа к электроэнергии — а это более 20% всех жителей Земли.

Весьма популярна в обществе концепция «золотого миллиарда», говорящая, что ресурсов на планете хватит для безбедного проживания только миллиарда человек. Остальные же люди обречены на прозябание.

Часто мальтузианство считают мизантропической теорией, призывающей ограничить рост народонаселения. В реальности мальтузианцы указывают на объективные диспропорции в развитии человечества, когда

потребительские блага оказываются недоступными значительному числу жителей Земли.

К.В. Симонов

МЕГАТРЕНДЫ (от англ. mega — грандиозный, всеобъемлющий, trend — тенденция) — общая тенденция развития общественной жизни в определенный период времени, включающая в себя множество более мелких тенденций, по отношению к которым является объединяющим началом. В М. реализуется воздействие экономических, политических, культурных факторов на жизнь общества. Выявление М. происходит с учетом исторических традиций, а также культурных особенностей общества, находящегося на определенном этапе развития. М. указывает направления, определяющие движение и облик нового общества, отсюда проистекает футурологическая и прогностическая природа М. Практика управления социально-политическими процессами подтверждает: чем выше уровень прогнозирования, тем эффективнее, результативнее планирование и управление. Для органов политического руководства иметь научно обоснованные прогнозы — значит предвидеть ход развития политических событий. В самом общем виде прогнозирование — это опережающее отражение действительности. Основная причина, побуждающая человека заниматься прогнозированием, состоит в том, что существуют явления, будущее которых он не знает, но они имеют существенное значение для решений, принимаемых им сегодня. Прогноз — это целенаправленное проектирование желательного будущего и внедрение этого проекта в сознание акторов политики. Стратегический анализ представляет собой долгосрочное прогнозирование, в основе которого лежит комплексный анализ динамики решающих связей между многочисленными факторами стратегической ситуации и учет перспектив ее развития. Составной частью такого анализа являются моделирование долговременных политических процессов, М., значимых для политического и социального развития. Комплексные долговременные прогнозы на конец XX — начало XXI вв. были представлены в знаменитой работе Джона Нейсбитта «Мегатренды» и его же бестселлере, написанном в соавторстве с Патрицией Абурдин, «Мегатренды 2000». Прогнозируя М. развития современной цивилизации в книге «Мегатренды 2000», авторы среди прочих называют тенденции «возрождения искусств» и «триумфа личности». Возникновение таких М. обусловлено тем, что информационная культура позволяет человеку становиться менее зависимым от социально-экономических условий. Следовательно, свободная творческая деятельность человека становится детерминантой в социокультурном пространстве.

Реакцией на унифицированный, универсальный образ жизни в современном мире являются процессы, которые автор «Мегатрендов» характеризует как культурный национализм, противопоставляемый куль-

турному империализму, как стремление утвердить уникальность своей культуры, языка, своих собственных традиций. Необходимость дальнейшего анализа М., интерпретации различных подходов к их изучению продиктована тем, что именно эти процессы в значительной мере определяют характер общественного развития, политических и культурных контактов, социально-политических конфликтов современности.

К.Ю. Аласания

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО — система правовых норм, регулирующих отношения между государствами и другими субъектами международных отношений (региональными союзами, военно-политическими блоками, международными организациями и т.п.).

Международные нормы, регулирующие отношения между государствами, особенно в области войны и мира, торговли, возникли в Древности и долгое время действовали в виде международных обычаев, и только в XIX веке стали оформляться в виде юридически оформленных международных соглашений, как правило, на специальных международных конгрессах и конференциях.

М.П. — это особая наднациональная система правовых норм, не входящая в какую-либо систему национального права и сама, в свою очередь, не включающая в себя нормы национального права. В систему М.П. входят как императивные нормы (обязательные для всех государств), так и диспозитивные нормы (от которых государства могут отступать, внося в них некоторые коррективы). Источником М.П. являются соглашения между государствами, а также уставы, положения и решения международных организаций, международных судебных и арбитражных органов. Важнейшим общемировым регулятором М.П. является, созданная в 1945 г. Организация Объединенных Наций (ООН). В 1970 г. на XXV Генеральной Ассамблее ООН была принята Декларация о принципах международного права, содержащая систему императивных норм М.П.: 1) равноправие и самоопределение народов; 2) суверенное развитие государств; 3) нерушимость границ; 4) невмешательство во внутренние дела; 5) уважение территориальной целостности; 6) обязанность государств сотрудничать друг с другом; 7) уважение прав и свобод человека; 8) мирное разрешение международных споров; 9) отказ от применения силы и угрозы силой; 10) запрещение пропаганды войны; 11) добровольное соблюдение международных обязательств.

На современном этапе проявляется важная тенденция системного увязывания внутригосударственного и М.П., выделение относительно самостоятельных сфер М.П., развитие которых обеспечивается специальными международными организациями и соглашениями: *международное трудовое право* (регулирование отношений между государствами в деле улучшений условий труда и социальных гарантий), *международ-*

ное частное право (регулирование отношений между государствами в области имущественных и семейных отношений), *международное экологическое право* (регулирование отношений между государствами в сфере защиты окружающей среды и рационального природопользования), *международное экономическое право* (регулирование отношений между государствами в сфере международных экономических отношений), *международное гуманитарное право* (регулирование отношений между государствами по защите и покровительству жертв войн, вооруженных конфликтов и природных катастроф), *международное космическое право* (регулирование отношений между государствами по освоению и использованию космического пространства), *международное морское право* (устанавливает правовой статус и режим использования морских пространств и их ресурсов). Специально в современном М.П. регулируются отношения между государствами и в таких сферах, как здравоохранение, атомная энергетика, воздушное пространство, транспортировка энергоресурсов и др.

Е.Н. Моцелков

МЕНТАЛИТЕТ (от лат. *mēns, mentis* — ум, мышление, рассудок, душа) — это образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, которые характерны как для отдельных личностей, так и для общественных групп. Если речь идет о политическом М., то в таком случае мы имеем дело со знаниями и представлениями о политике. Д.В. Ольшанский в политико-психологическом смысле определяет М. как общий для членов социально-политической группы или организации своеобразный политико-психологический тезаурус («словарь», «лексикон», призму восприятия и осмысления мира). Действительно, определенный стиль мышления существует в различных политических культурах и субкультурах, оснащает принадлежащих к ним людей взглядами, настроениями, чувствами, позволяя им идентифицировать себя с определенными политическими ценностями. Понятие М. было впервые использовано и введено в употребление представителями историко-психологического и культурно-антропологического направлений Л. Леви-Брюлем, Л. Февром, М. Блохом. Согласно другим данным, данный феномен встречался в работах ученых и в более ранние времена. По некоторым источникам, этот термин упоминается еще раньше, в конце XVIII века в трудах И.Г. Гердера. Несколько позже проблема М. была сформулирована во французской научной среде и долгое время продуктивно разрабатывалась в основном во Франции. Ш. Блондель, А. Валлон и К. Леви-Стросс были одними из первых исследователей, уделивших должное внимание изучению феномена М. К. Леви-Стросс выделил в мышлении людей на всех этапах развития общества инвариантные структуры, представленные полярными качествами, например: черное — белое, доброе — злое и т.д. Впоследствии глубокий анализ понятия М. был предпринят представителями исто-

рической школы «Анналов» Л. Февром, М. Блоком, Ф. Броделем, Д. Ле Гоффом. М. для них — системообразующий фактор исторического процесса. В России научная традиция изучения М. была заложена М.В. Ломоносовым, М.М. Щербатовым, Н.М. Карамзиным, П.Я. Чаадаевым, И.В. Киреевским, С.М. Соловьевым, В.О. Ключевским, Н.Я. Данилевским и другими учеными. Ученый К.Г. Юнг также не обошел вниманием проблему М. Он рассматривал проблемы «коллективного бессознательного» и «архетипов». По мнению Юнга, они составляют глубокие корни личностной идентичности, носящие экзистенциальный характер и лежащие в основе М. Оценивая вклад ученого в разработку проблемы М., И.Г. Дубов высказывает мнение о том, что современная психология мало продвинулась в этом вопросе со времен К. Юнга. До сих пор выявление неосознаваемой основы существующих национальных стереотипов поведения ведется в рамках психоаналитической традиции. В современных зарубежных исследованиях одним из первых развернутое определение М. дал Г. Бутуль в монографии «Менталитет». По мнению автора, М. — это совокупность идей и интеллектуальных установок, присущих индивиду и соединенных друг с другом логическими связями или же отношениями веры. М. в западных исследованиях в теории принятия решений и в системной теории рассматривается как система представлений, предположений, методов, действующих для одного человека или группы людей, которая создает серьезные предпосылки для дальнейшего усвоения и принятия этим человеком или группой людей прежних моделей поведения и принятия решений. М. может пониматься как шаблонное мышление, отсутствие личного мнения (стереотипы) или как система понятий и воззрений, парадигма. Также политический М. фактически может приравниваться к политической культуре или политической идеологии (например, у Фелдмана). В.В. Колесов выделяет следующие направления исследования феномена М.: логический, который преобладает на Западе; этносоциальный, соединяющий различные теории, например западных позитивистов и русских славянофилов; генотипический, который исходит из утверждения, что в каждом народе существует врожденный генотип; психоаналитический, опирающийся на фрейдистскую оппозицию «мужское-женское»; языковой и психологический подходы. Т.С. Корнеева предлагает другое понимание современных направлений научных работ проблемы М.: историко-антропологический подход, который дает возможность исследовать историю понятия М. через изучение древних памятников культуры как архетипических образов М.; социально-философский подход, где М. исследуется применительно к определенным группам людей; структуралистский подход, который предусматривает разделение духовно-исторических и антропологических явлений при сосредоточении внимания на априорных структурах человеческого бытия; этнологический и этнографический подход Л.Н. Гумилева и В. Захарова; психологический, который пронизывает все аспекты М. В отечественной

научной литературе содержание предметной области понятия М. включает в себя не только когнитивную сферу сознания — знания, убеждения, которыми обладает данная общность людей, но и ценностные факторы. В последнее десятилетие феномен М. исследуется в поле различных дисциплин. В «Экономической энциклопедии» под редакцией академика Л.И. Абалкина М. — это «уровень индивидуального и коллективного сознания в том или ином обществе, включая уровень бессознательного, совокупность установок, определяющих мысли, чувства индивидов или их групп, восприятие ими действительности, а также возможное поведение. В социологических исследованиях М. определяется как инвариантное ценностно-смысловое ядро сознания народа. В психологических исследованиях М. последних лет группа отечественных авторов опирается не только на категории психологии, выражающие те или иные стороны сознания, — мышление, память, восприятие, представление, установки, эмоции, воля, умонастроение, но и на более широкие категории. Таким образом, в настоящее время область научного знания, исследующая проблемы М., представляет собой достаточно противоречивое пространство. Различные зарубежные исследователи подчеркивают, что российский М. является консервативным, традиционным. Роль традиций, передающихся сквозь века из поколения в поколение, очень велика. Фактически они ослабляют способность людей критически мыслить и усваивать все новое, тормозят процесс ресоциализации. Например, поколениям, чья социализация проходила еще при советской власти, было трудно приспособиться к новым реалиям после распада Советского Союза. В этом свою роль сыграл также тот факт, что русскому человеку исторически чужд индивидуализм. Еще со времен крестьянских сельских общин в царской России люди решали проблемы «миром», всей общиной, тем самым снимая с себя личную ответственность. Люди ждут, что государство решит за них их проблемы, обеспечит их различными социальными гарантиями.

Ю.И. Воробьева

МЕТОДОЛОГИЯ. Это понятие стало употребляться для обозначения науки о методах (*Metodenlehre*) в германских университетских курсах в XVIII веке, но позже (со второй половины XIX века) получило более широкое содержание, синонимичное понятию «теория». Именно в этих двух взаимосвязанных значениях оно чаще всего употреблялось в научных исследованиях и в университетских курсах в России в конце XIX — начале XX в. В этот же период появляется еще и третье его значение: метод как практический прием исследования или методика. Итак, исторически было выработано три значения методологии: 1) методология как теория (в том числе и теория методов); 2) методология как совокупность методов и 3) методология как совокупность методических приемов, техника исследования. В этих трех значениях понятие «методология» употребля-

ется и в современной науке, хотя и существует мнение о том, что понятия «теория» и «метод» следует отграничить друг от друга.

Выделяют общенаучные (логические) методы, применяемые во всех науках, и специальные методы, которые используются для отдельных наук или групп наук.

Ключевыми в общенаучных методологических исследованиях следует считать две пары понятий — «дедукция-индукция» и «анализ-синтез». Содержание и соотношение данных понятий можно показать в виде следующей таблицы:

Универсальные <i>приемы мысли</i> , умозрительные операции с различными элементами, объектами	Познавательные (логические) <i>методы</i> , как структурно и содержательно разработанные (построенные) способы, пути открытия истины
АНАЛИЗ (<i>Расчленение единого целого на части, элементы</i>)	ДЕДУКЦИЯ (<i>От «общего» к «частному»</i>)
СИНТЕЗ (<i>Соединение частей, элементов в единое целое, систему</i>)	ИНДУКЦИЯ (<i>От «частного» к «общему»</i>)

В развитии методов в социально-гуманитарных науках выделяются три исторических периода: *первый* (до XIX в.) связан в основном с дедуктивными, логико-философскими и морально-аксиологическими методами; *второй* (XIX — начало XX в.) отмечается разработкой историко-сравнительных и нормативно-институциональных методов, и *третий* (вторая половина XX в.) характеризуется интенсивным привлечением в социально-гуманитарные науки математических, социологических, статистических методов и методов моделирования,

В XIX в. в разработке методологических вопросов применительно к социально-гуманитарной области начинают формироваться два взаимосвязанных направления (или пласта) подходов и трактовок, по сути — два различных понимания методологии.

Первое — это понимание методологии как совокупности приемов научного изучения «*реальных объектов*», общественных институтов и учреждений, общественных процессов и явлений.

Второе — это понимание методологии как совокупности приемов научного изучения «*идеальных объектов*», «*объектов мысли*», различных текстов, произведений, документов и т.п.

В современных социально-гуманитарных исследованиях указанные выше подходы и трактовки методологии органично взаимосвязаны друг с другом.

Моцелков Е.Н.

МИРОСИСТЕМНАЯ ТЕОРИЯ Ф. БРОДЕЛЯ. Исходное понятие теории — это «мир-экономика», который есть не мировая (или всемирная) экономика, а «экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, таким, которому его внутренние связи и обмена придают определенное органическое единство» (Ф. Бродель). Анализ нескольких веков истории международных политических и экономических отношений свидетельствует, по Броделю, о том, что различные «миры-экономики» не просто сосуществовали друг с другом, а в каждую историческую эпоху какой-то один мир-экономика становился господствующим в мире.

Для понимания сущности и динамики миров-экономик необходимо иметь в виду следующие два обстоятельства: во-первых, мир-экономика — это неоднородная социальная система. Она включает в себя, по меньшей мере, три уровня социальной общности — развитое небольшое ядро, не очень большая слабозавитая и примыкающая к ядру полупериферия и громадная неразвитая периферия. Поэтому в каждом мире-экономике существует несколько способов производства — от рабовладельческого до капиталистического. Между этими слоями, зонами мира-экономики существовали всегда сложные и противоречивые отношения, но все они находятся в тесной взаимозависимости друг с другом.

Во-вторых, мир-экономика — это лишь одна из четырех сфер, составных частей (в их число Бродель кроме экономики включает политику, культуру и социальную иерархию), которые взаимодействуют друг с другом и образуют целостную общественную систему («мир-система» в терминологии Броделя). Поэтому исторический процесс — это не только смена миров-экономик — основа процесса, — а это смена миров-систем. По мнению Броделя, данный процесс происходит следующим образом: «...Связный мир-система, который спокойно развивался, приходит в упадок или завершает свой упадок, и со многими отсрочками и промедлениями рождается другая система. Такой разрыв представляется как результат накопления случайностей, нарушений, искажений».

Миросистемный (броделевский) взгляд на историю нельзя отождествлять с положением о взаимосвязанности мировой истории. Миросистемность — это более широкое понятие, и оно вскрывает более фундаментальные основы развития социума, чем взаимосвязанность этого социума. Последняя указывает лишь на существование необходимых отношений между различными частями мирового социума, на то, что «событие» в одной его части с необходимостью отражается, импульсируется во всех других частях. Миросистемность же развивает далее мысль о мировой взаимосвязанности и доводит ее до понимания того, что мир — это система неоднородных связей, сложная, несимметричная сеть отношений, имеющая узлы и зоны господствующих и подчиненных взаимовлияний, и что вся эта система функционирует в единых временных ритмах. В основе этого относительно единого потока временной ритмики мира-экономики (или мира-системы) лежит

фундаментальная и максимально длительная, «вековая тенденция» (trend) движения социума, малозаметная, с точки зрения Броделя, в каждый данный момент. Важная часть теории — это интерпретация миросистемных переходов. Таких периодов в истории последних веков Ф. Бродель выделяет четыре: 1) от Венеции (город-центр) к Антверпену, 2) от Антверпена к Амстердаму, 3) от Амстердама к Лондону, 4) от Лондона к Нью-Йорку. В этих переходах Бродель выделяет две важнейшие характеристики: *первая* — переходные процессы имеют глобальный или интернациональный масштаб, переходные события и мероприятия охватывают целый ряд стран и даже регионов мира, и национальные (страновые перемены) являются элементами, составными частями единого и целостного переходного процесса. И *вторая* — этот интернациональный процесс в различных зонах мира-системы протекает не в одинаковых формах, ибо происходит сложная и комплексная трансформация мировых и национальных структур, которая включает в себя и катастрофические разломы, и революции, и реформы и т.д., происходящие одно- и одновременно в переходном универсуме мира-системы.

В результате этого процесса меняется господствующий мир-система (мир-экономика), а значит, совершается миросистемная глобальная трансформация, в которой синтезируется линейное и циклическое время — поступательное восхождение на новую более высокую ступень промышленного и технологического процесса, с одной стороны, и завершение цикла повторяющихся явлений и тенденций развития и упадка соответствующего мира-экономики (мира-системы), с другой.

Миросистемные идеи Броделя не оставили равнодушными современный научный мир, где они приобрели как своих горячих приверженцев, так и непримиримых критиков. Среди наиболее крупных представителей западной науки, которые в настоящее время развивают теорию Броделя, необходимо назвать И. Валлерстайна, который после смерти Броделя (1985 г.) возглавил в американском университете штата Нью-Йорк специальный Центр по изучению экономических и исторических систем и цивилизаций им. Ф. Броделя. Разумеется, это не единственный научный центр на Западе, где проводятся миросистемные исследования.

Но несмотря на многообразие миросистемных или шире — мироцелостных концепций, которые в последние годы возникают как на базе развития идей Броделя (сейчас такие концепции начинают разрабатывать и российские ученые), так и в результате критики этих идей, очевидно то, что данные исследования находятся на начальной фазе, на этапе формулировки и обоснования базовых принципов и положений, и говорить о новой (третьей) парадигме исторического процесса можно пока еще только гипотетически. Но очевидно также и то, что именно это направление научного поиска, движения к новому синтезу (начало ему положил Бродель) является наиболее перспективным и адекватным в изучении и осмыслении общественных, в том числе и переходных процессов.

Е.Н. Моцелков

МИФОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ — 1) форма ценностного духовно-практического освоения политической реальности, характеризующаяся эмоциональным отношением к социально-значимой информации ее знаково-символическом выражении; 2) совокупность мифов и представленных в аллегорической форме идей, мотиваций и образов, актуальных для конкретной политической культуры и обеспечивающих политическую идентификацию социальных групп; 3) воздействие на общественное сознание с целью легитимации политических институтов и власти политических лидеров, связанное с особым способом языкового описания мира, производством смыслов, конструированием мифологических образов и/или с приспособлением культурных мифов для политических целей.

Впервые анализ мифа как функционального компонента политического сознания провел Ж. Сорель. В XX в. политическая мифология стала предметом многочисленных исследований. Многоаспектность в понимании политической мифологии обусловлена сложностью мифа как культурного феномена и неоднозначностью трактовок природы политического.

Эпистемологический подход, указывающий на иррациональность и фиктивность мифологических представлений в противовес истинному знанию, определяет политическую мифологию как иллюзорное представление о политике, не соответствующее объективной данности. Психологическая трактовка делает акцент на бессознательное и/или измененные состояния сознания как источник мифотворчества и усматривает в политической мифологии воплощение коллективного бессознательного, средство компенсации иррациональных социальных страхов и способ мотивации политического действия посредством актуализации архетипов. Социально-технологический подход, уделяющий основное внимание конструирующей и нормирующей природе мифа, рассматривает политическую мифологию как механизм политической коммуникации и политической социализации, которая через систему социального кодирования придает значимость определенным фактам и действиям и тем самым способствует формированию идентичности (социальной, национальной, политической) и выступает средством легитимации политической власти. Философско-культурологическая позиция, концентрируясь на вопросах упорядочивания мифом картины мира, подчеркивает, что политическая мифология посредством создания повествований, их постоянного обсуждения и переосмысления моделирует политическое пространство и время, соотносит актуальное политическое бытие с традицией, позволяя интерпретировать факты и создавая ценностные ориентиры политики.

Соответственно, в числе функций политической мифологии исследователи называют мировоззренческую, познавательную, компенсаторную, конституирующую, структурирующую, идентифицирующую, нормативную, мобилизующую, интегративно-организационную, легитимирующую, ценностно-ориентирующую, манипулятивную и пр.

Политическая мифология как совокупность мифов наделена общими с архаичной мифологией чертами — такими, как синтез чувственного и

рационального, метафоричность, символическое представление, стереотипность, полиморфность (множественность комбинаций ограниченного набора символов), эмоциональная окраска, ценностный характер, связь со сферой сакрального, традиционность, статичность, целостность, внутренняя противоречивость и многозначность, декларативность и отвлеченность (отсутствие установки на эмпирическое подтверждение), высокая адаптивность. Схожи и структурные, логико-повествовательные, содержательные компоненты (архетипические образцы социального регулирования эмоциональные оценки, представление о «начале времен», топологии пространства и своего места в нем, образ будущего, оппозиция «мы» — «они», система героев и антигероев и проч.).

В то же время политическая мифология обладает определенной спецификой. Прежде всего, выстраиваемая политической мифологией образная картина реальности подчинена определенной задаче — обоснования легитимности властных претензий конкретной политической силы. Политические мифы в значительной мере являются продуктом целенаправленной деятельности, а не стихийного возникновения, поэтому в них более ярко проявляется рациональность и технологический характер. Они тесно связаны с конкретной политической доктриной, которая служит основой мифа или контрмифа. Политический миф — «открытый проект», он не завершен, постоянно достраивается и видоизменяется в соответствии с конъюнктурой, черпая содержательные элементы, персонажей, сюжеты из политической культуры. В нем сочетаются результаты усилий идеологизированных групп, создающих и распространяющих мифы, и спонтанно появляющихся элементов, порождаемых массовым сознанием. В процессе воспроизведения политического мифа происходит деление на «своих» и «чужих» (актуализация «политического» по К. Шмитту), политическая консолидация и дифференциация.

Среди исследователей нет консенсуса в оценке политической мифологии. Негативное отношение обусловлено, как правило, противопоставлением ее научному познанию и аттестацией политической мифологии как знания нерационального, ложного, вредоносного для прогресса познания. Сторонники такого подхода (к примеру, К. Юнг) полагают, что мифы в политике возникают в случае кризиса — при омассовлении, примитивизации политической культуры, — и являются симптомом социального неблагополучия. Еще одним основанием отрицательной оценки выступает отождествление политической мифологией с идеологической манипуляцией, использующей иррациональную сущность масс для подчинения их правящим элитам (Э. Кассирер, Р. Барт). Среди технологических приемов, позволяющих использовать миф как инструмент политической борьбы, — связка желаемого и должного в мифологических категориях и конструирование на этой основе образов и контрмифов; разработка политической обрядности и внедрение ритуалов, призванных подчеркнуть политическую ангажированность и верность определенной политической идее; полити-

ческая реклама и идеологизация языка путем акцентирования заданных смыслов. В зависимости от позиции исследователя определяется и задача борьбы с политической мифологией — от демофилогизации массового сознания до полного вытеснения мифа из политики.

Позитивная оценка политической мифологии основана на признании ее культурной и социальной значимости, неустранимости источников ее возникновения и воспроизведения, важности выполняемых ею функций, в первую очередь, — функции фиксации и трансляции культурного образца, освоения и преобразования политической информации, мотивации к политическому действию (Э. Дюркгейм, К. Флад, П. Берген, Т. Лукман). Нейтральное отношение (К. Леви-Стросс, Дж. Робертсон) маркирует политическую мифологию как неизбежный продукт культурного процесса, который может быть использован как во благо, так и во вред.

О.Ю. Бойцова

МОРАЛЬ (лат. *moralis* — касающийся нравов) — один из основных способов нормативной регуляции действий человека; внутренние ценности и долженствование, через которые человек проявляет себя как разумное, самосознательное и свободное создание.

Впервые слово «М.» — *moralis* употребил в своих работах Цицерон, выводя общее моральное правило: «кто следует природе, тот не ошибается». В дальнейшем понятие «М.» формулируется в философском размышлении с целью обобщения тех сторон человеческой жизни, которые обозначались словами «добро и зло», «добродетель и порок», «справедливость и своенравность», «правильное и неправильное» и т.д.

Основные различия в философско-этических трактовках М. определяются расхождениями в понимании источника М. и содержания морального идеала. По пониманию источника М. типологически различаются: 1) натуралистические концепции, под основаниями морали признают природные и биологические закономерности (Ж.О. Ламетри, Ч. Дарвин, Г. Спенсер, П.А. Кропоткин, школа социобиологии); 2) социологические концепции (Т. Гоббс, Дж.С. Милль, марксизм, М. Вебер, Э. Дюркгейм, этнологические теории), выводят М. из общественной организации, как разновидность социальной дисциплины; 3) «антропологические» концепции (Демокрит, киренаики, Аристотель, К.А. Гельвеций, Ж.-П. Сартр, Э. Фромм) видят истоки М. в природе человека; 4) супранатуралистические концепции (Гераклит, Платон, Августин, Фома Аквинский, русская религиозно-философская традиция, Тейяр де Шарден) выводят М. из некоторого трансцендентного источника; например, в религиозных учениях М. представляется как данная в откровении божественная заповедь. Необходимо отметить, что религии в сложившихся исторически конфессиональных формах оказали значительное и всеобъемлющее влияние на моральные принципы народов, их исповадавших. Религиозная мораль, будучи кодифицирована в священных текстах, распро-

страняется вместе с религиями. Следует заметить, что монотеистические религии четче и жестче определяют границы добра и зла по сравнению с религиями, где практикуется многобожие.

По интерпретации идеала различаются: 1) гедонистические учения (Аристипп, Эпикур, Д. Пирс), согласно которым высшей ценностью и целью человека является удовольствие и все моральные обязательства укладываются в желание получать удовольствия; 2) утилитаристские или прагматистские учения (софисты, Дж. Милль, Б. Франклин, Н.Г. Чернышевский, марксизм), согласно которым морально ценным является то, что служит определенной цели, а человек должен совершать полезные действия и стремиться к успеху; 3) перфекционистские учения (Платон, А. Августин, Б. Спиноза, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев), согласно которым высшей ценностью является совершенство и каждый должен совершенствоваться в стремлении приблизиться к идеалу; 4) гуманистические учения (А. Шопенгауэр, Э. Фромм), согласно которым высшей нравственной ценностью является человек, и обязанностью каждого является содействие благу другого.

Кроме личного уровня М. относится и к общественной деятельности человека. Основные социальные функции морали: регуляторная, ценностно-ориентационная, социализирующая, личностного самоопределения.

Выделяют три компонента М.: 1) моральная деятельность — важнейший компонент М., проявляющийся в поступках; 2) моральные отношения — отношения, в которые вступают люди, совершая поступки; 3) моральное сознание, которое включает в себя познание, знание, волевое побуждение и определяющее воздействие на моральную деятельность и моральные отношения. Сюда также относят: моральное самосознание, моральную самооценку. Моральное сознание всегда аксиологично, ибо в каждом своем элементе оно включает оценку с позиции выработанной системы ценностей и опирается на определенную совокупность моральных норм, образцов, принципов традиций и идеалов.

В случае, когда сталкиваются противоречащие моральные суждения из разных нормативных систем, нет оснований для выбора между ними. Таким образом, некорректно называть какую-то систему моральных ценностей хорошей или плохой без упоминания того, что оценивается она с позиций другой моральной системы. При таком понимании М. общечеловеческие ценности теоретически невозможны из-за разнообразия моральных норм. Практически же в мире идет постоянная борьба различных цивилизаций, одной из причин которой, по мнению наблюдателей, является именно несовпадение моральных ценностей. В этой связи интересны слова Карла Маркса: «У республиканца иная совесть, чем у роялиста, у имущего — иная, чем у неимущего, у мыслящего — иная, чем у того, кто не способен мыслить».

Современный философ Фрэнсис Фукуяма рассматривает М. как социальный капитал, определяющий степень жизнеспособности общества.

Такому пониманию М. и близко ее определение как коллективной интуиции. М. направлена на единообразие регуляции отношений и снижение конфликтности в обществе.

М. и нравственность — близкие понятия. Концептуализация данных понятий носит, как правило, авторский характер, однако часто нравственность подразумевает наличие внешнего оценивающего субъекта (других людей, общество, церковь и т. д.). М. в большей степени ориентирована на внутренний мир человека и его собственные убеждения.

М. и право тесно переплетены. М. вырабатывается обществом и в случае, если она признается государством, моральная норма становится правом и закрепляется в государственных актах. Например, десять заповедей — это одновременно моральный и правовой закон многих культур. Однако практика тоталитарных режимов показала, что иногда М. может вступать в противоречие с правом. За нарушение нормы права предполагаются санкции государства, за нарушение нормы М. — общественное осуждение и самокритика.

В связи с этим раскрывается особенность моральной регуляции в сравнении с другими регулятивами (правовыми, локально-групповыми, административно-корпоративными, конфессиональными и т. п.). В отличие от других инструментов социальной дисциплины, которые обеспечивают противостояние человека как члена сообщества (как социального животного) природным стихиям, — М. призвана обеспечить самостоятельность человека как личности по отношению к его собственным влечениям, спонтанным реакциям и внешнему групповому и общественному давлению.

А.В. Симонова

Н

НОРМАТИВИЗМ — теоретико-методологический подход, ориентированный на анализ социальных регулятивов.

На основании различия в исследовательской ориентации нормативизм противопоставляется эмпиризму. В отличие от эмпирического подхода, нацеленного на сущее (на фиксацию наблюдаемых явлений, формализацию информации о налично данном и выведении закономерностей, объясняющих реально протекающие процессы), нормативный подход акцентирует внимание на должном — на ценностях, законах, правилах и пр., которые формируют социальные ориентиры и цели, предписывают порядок действий по их достижению, налагают ограничения на индивидуальные и общественные способы реализации желаемого и устанавливают санкции за нарушение данных ограничений, устанавливают допустимые модели взаимоотношений и т.п.

По критерию силы регулятивной противоположностью нормативного подхода является релятивизм. В данном случае инвариантность нормативных предписаний, директивное требование подчинения заранее установленным ограничениям противопоставляется принципу ситуативности, позволяющему избежать жесткой регламентации и допускающему плюрализм подходов к решению задачи. Тем самым нормативизм как «игра по правилам» противопоставляется релятивизму как не связанной никакими обязательствами «игре ради выигрыша любой ценой».

В зависимости от типа норм, очерчивающих границы исследовательского интереса, различают ценностный и формальный виды нормативизма. Формальный нормативизм изучает нормы, принятые в соответствии с фиксированной процедурой, придающей им легитимность. Данные нормы анализируются с позиций ценностно-нейтрального подхода — как имеющаяся совокупность требований, предписывающих определенный порядок действий (к примеру, юридические нормы, правила научного познания и проч.). При этом вопрос о соответствии их моральным, политическим, религиозным и иным ценностям выносится за скобки. Ценностный нормативизм, напротив, характеризуется ангажированностью. Он обращен на нормы, которые выступают в качестве социальных ориентиров и тем самым придают смысл социальной деятельности, — такие как ценности, идеалы, представления о благе и справедливости, идеи, позитивно маркированные в общественном сознании (личная свобода или социальная общность, равенство или иерархия, традиция или новация и т.п.).

По методологическим приоритетам выделяют дескриптивный (от лат. «dēscribere» — «описывать») и прескриптивный (от лат. «prescribere» — «предписание») подходы. Дескриптивный нормативизм фиксирует, описывает и анализирует систему регуляторов — как формального («правила игры»), так и ценностного (ценностно-смысловая структура общественного сознания) характера. Прескриптивный стремится к выдвиганию или уточнению формулировки требований, следование которым необходимо для достижения желаемого результата, — будь то лишенные оценки алгоритмы оптимального решения конкретной задачи или ценностно нагруженные директивы по достижению идеального общества.

К XX в. в значительной части социальных дисциплин конституировались течения, обозначаемые как нормативизм. Так, в юридической науке это дескриптивный формальный подход школы Г. Кельзена, в социологии — дескриптивный ценностный анализ Т. Парсонса и Дж. Александера. Ценностно-нормативный подход нашел воплощение в ряде философских школ, разработывавших аксиологическую проблематику (неокантианство, феноменология и пр.).

Спецификой политической науки является отсутствие консенсуса научного сообщества в вопросе о специфике и основных чертах нормативизма. Более того, оказывается, что сам термин «нормативизм» не имеет четкого, жестко фиксированного содержания и используется для обозначения различных интеллектуальных реалий. Наиболее часто представлена точка зрения, согласно с которой «нормативизм» есть подход, ориентированный на анализ политических идеалов и выяснение того, каким способом можно обеспечить наилучшее, «идеальное», правление — т.е. достичь оптимальной организации общества. В структурном отношении в подобной постановке проблемы можно выделить три аспекта: эпистемологический (познание политического), аксиологический (оценка реально существующего с точки зрения идеального, «нормативно заданного» состояния) и директивный (разработка рекомендаций по приближению к данному состоянию).

В эпистемологическом плане термин «нормативизм» чаще всего употребляется как синоним «классического политического философствования». Его существенной чертой признается умозрительное познание природы и наиболее общих закономерностей политического, а к числу нормативных относят теории, рассуждающие о сущности политики, политической власти, государства и т.д. (Л. Штраус, Б. Бэрри). В то же время, в политологии существует и альтернативная позиция, связывающая нормативизм не с философским постижением природы политического, а с формализацией параметров, характеризующих политическую реальность. В данном случае нормативизм трактуется как дескриптивный формальный подход, который соотносится с математикой и логическим анализом. При подобном подходе задачей нормативизма считается моделирование политических процессов (Ф.У. Паппи), а также проверка и испытание нормативных конструкций (У.И. Миллер).

В аксиологическом аспекте нормативной признается политическая теория, рассматривающая вопросы, связанные с ценностными представлениями и их роли в регулировании политической жизни. При этом перечень «нормативных вопросов» не является жестко определенным, к их числу относят, например, проблемы справедливости, свободы, прав человека, распределения материальных благ, защиты окружающей среды и пр. Примером ценностной дескриптивной теории может служить институциональный нормативизм (Дж. Марч, Дж. Ольсен) — направление политологических исследований, изучающее политические институты как совокупность норм в их содержательном и функциональном аспектах. Это направление указывает на важность признаваемых индивидами ценностей для создания и поддержания систем социальных связей и показывает, как данные ориентации влияют на принятие решений в рамках политических институтов и выстраивание стратегий поведения политических акторов. Ценностно-прескриптивные теории (Л. Штраус, Дж. Ролз, К. Пейтмани др.) признают зависимость политических исследований от определенных убеждений и принципов — чаще всего от моральных и/или религиозных идей, за которыми признается статус высших ценностей. В данном случае представления о том, что такое благо или справедливость, — не только рассматриваются как фундаментальная основа политической реальности, но и используются в качестве критерия оценки конкретных институтов и практических действий политических сил.

В директивном аспекте нормативные теории носят ярко выраженный прескриптивный характер. В случае формального подхода (Дж. И. Альт, А. Алезина, К. Оффе) они либо непосредственно предписывают участникам политического процесса определенный образ действий, либо исследуют механизмы, с помощью которых нормативные идеи, принципы и положения оказывают воздействие на реальный политический процесс. Если же речь идет о ценностных теориях, то на первый план выходит проблема «правильного» правления как основанного на идеях блага и справедливости и путей построения «хорошо организованного», «здорового» общества (Дж. Ролз, Э. Фромм, Р. Нозик, Р. Дворкин).

Несмотря на обилие оттенков в трактовке нормативизма как теоретико-методологического подхода в политической науке, представляется возможным разделить все обилие разноплановых мнений на две большие группы, каждая из которых основана на традиции, укорененной в истории политической мысли, и является свидетельством преемственности политических исследований. Точки зрения на нормативизм, представленные в первой группе, с той или иной степенью жесткости связывают нормативность в политике с ориентацией на ценностные принципы, преимущественно морального характера. Вторая группа позиций в данном вопросе рассматривает нормативность как следование определенным стандартам и правилам, выступающим в качестве одного из факторов организации и регулирования политических процессов.

О.Ю. Бойцова

О

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР — понятие философии политики и философии права, связанное с теорией, согласно которой государство и право являются предметом и результатом свободного и добровольного соглашения между людьми. В соответствии с этой теорией, в догосударственном («естественном») состоянии, когда их жизнь и собственность ничем надежно не защищены, люди заключают соглашение и добровольно отдают часть своих прав государству, чтобы обрести, насколько это возможно, безопасность и защищенность других, жизненно важных своих прав. Теория О.Д. посвящена не столько изучению реального процесса образования государств, сколько формулированию логических оснований современного государства, нормативных основ легитимности политической власти в современном государстве, условий, при которых эта власть может быть признаваема правомерной. К проблематике теории О.Д. относятся, в частности, вопросы о причинах заключения О.Д., существовании и пределах взаимных обязательств сторон, результатах заключения О.Д., расторжимости или нерасторжимости этого договора. Исторически идеи договорного происхождения государственной власти и системы права встречаются уже в общественной мысли древности: в Греции — у софистов, Платона, Аристотеля, Эпикура, в Риме — у Лукреция и Цицерона, в Индии — в литературе ведического цикла и раннем буддизме, в Китае — у Мо-цзы. В средние века эти идеи получают определенное развитие как в европейской мысли (например, у Фомы Аквинского), так и в арабской философии (например, у Аль-Фараби и Ибн Хальдуна), которая в этом вопросе выступает наследницей античной мысли. В этот период, в общем и целом, идеи О.Д. не противопоставляются идеям божественного права, поскольку рассматриваются как фундамент лишь светской власти, «земного Града», который решает заведомо ограниченные задачи. Большой импульс эти идеи получают в эпоху Возрождения и раннее Новое время. В это время претерпевают изменения глубинные политико-философские установки, связанные с представлением об иерархическом строении мира. В условиях развития рыночного хозяйства, открывавших значительный простор для отношений договорного типа, естественно возникает потребность в переосмыслении и государственной жизни в договорном ключе, в соответствии с широко понимаемой метафорой свободной рыночной сделки. Сюжеты договорных политических отношений в это время с особой яркостью предстают в трудах Марсилиа Падуанского и затем — французских монархома-

хов, в частности — Ф. Дюпlessи-Морне, писавшего под псевдонимом Junius Brutus. Терминология О.Д. в это время еще не употребляется, однако у Марсилия Падуанского, скажем, король рассматривается лишь как «вооруженная рука народа», выполняющая решения народа-законодателя, а у Дюпlessи-Морне, озабоченного, как и другие тираноборцы, прежде всего недопущением тирании, рассмотрены в работе «Иск к тиранам» «два вида союзов», при которых подчинение подданных королю оказывается жестко обусловленным тем, чтобы он не нарушал как божественных заповедей, так и гражданских законов. Таким образом, власть здесь рассматривается, по существу, как исходящая от народа и делегируемая им лишь в результате свободного договора. Эти идеи закладывают мировоззренческие основы для теорий О.Д. позднейшего времени. Наибольшее же развитие идеи О.Д. получают в европейской мысли XVII–XVIII вв., что связано, в частности, с социальными и политическими потрясениями этого времени и вытекающей из них необходимостью утвердить в общественном сознании новые и «работающие» в изменившихся условиях основания легитимности политической власти, соответствующие установкам просвещенческого рационализма. В этот период в трудах Гуго Гроция появляется и сам термин «О.Д.». Идеи О.Д. оказываются в этот период весьма востребованными и разрабатываются в трудах Ф. Суареса, Т. Гоббса, Б. Спинозы, С. Пуффендорфа, П. Сиднея, Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо, Д. Дидро, Т. Джефферсона и многих других авторов. При этом возникают заметно различные трактовки О.Д., его причин, предмета, смысла и результатов. Так, Т. Гоббс трактовал «естественное состояние» как «войну всех против всех», которую необходимо прекратить, по существу, любой ценой, а потому граждане добровольно передают государству всю полноту своих прав, и тем самым власть государства становится абсолютной. В этой трактовке понятие «договора» является, по существу, условным, поскольку неясно, как граждане смогли бы «спросить» с обладающего абсолютной властью государства отчета в случае ненадлежащего исполнения функций по этому договору. Б. Спиноза, разделяя убежденность Гоббса в необходимости абсолютных полномочий государства, однако, считает жизненно важным сохранение после заключения О.Д. за гражданами свободы мысли и слова, полагая их полезными не только для самих граждан, но и для государства. В трудах Дж. Локка и Ж.Ж. Руссо трактовки О.Д. тесно связаны с их представлениями о суверенитете народа. Для Локка естественное состояние — отнюдь не «война всех против всех», поведение людей и в нем регулируется законами их разумной природы, однако нет гарантий защищенности их жизни и собственности. Для такой защищенности люди и заключают О.Д., однако Локк решительно отвергает гоббсовское понимание его результатов. Если и по Гоббсу, и по Спинозе безопасность людей может обеспечить только абсолютистское государство, то, по Локку, само такое государство представляет собой угрозу для безопасности граждан. Поэтому результатом необходимого О.Д. он видит государство, ограниченное в своих полномочиях только благом граждан, и, кроме того, сохраняющее за гражданами область личной свобо-

ды. Немаловажно и то, что, если для Гоббса власть передается гражданами государству окончательно и бесповоротно, то Локк считает такую передачу в известном смысле обратимой. Если власть начинает действовать против интересов народа или в противоречащих интересам своего народа интересах других народов и государств, народ сохраняет за собой право сместить такую власть и создать новую законодательную власть, новую конфигурацию верховной власти или даже оставить эту власть за собой. В трудах Ж.Ж. Руссо, по существу, говорится о двух разных О.Д. В обществе, основанном на первом из них, люди рабски зависят от собственных растущих потребностей, что порождает и все иные виды рабства. Второй же О.Д. создает такую ассоциацию, в которую люди входят всей своей личностью, и потому такая ассоциация имеет единую неразделимую «генеральную волю», которая к тому же ни в чем не может быть ошибочной. Руссо не признает никаких форм представительной демократии, а также многообразных ассоциаций гражданского общества, для него созданное вторым договором «политическое тело» выглядит неразделимым монолитом. Его воля создается не посредством обсуждения и согласования индивидуальных волей, а является сразу в готовом и совершенном виде. Идея Руссо о неделимой «генеральной воле», не знающей ошибок, выглядит чисто умозрительной конструкцией. Кроме того, в его концепции не получает ответа поставленный Локком вопрос о пределах власти государства, необходимых для безопасности и свободы граждан. Концепции О.Д. оказали значительное влияние как на реальные исторические события, так и на развитие общественной мысли. Так, идеями О.Д. вдохновлялись многие реформаторские и революционные движения, в том числе и в России (например, движение декабристов). От концепций Локка и Руссо берут начало, в частности, теории соответственно либеральной и идентитарной демократии. Логика О.Д. является базой многих современных политико-философских конструкций, например, теорий справедливости и равенства Дж. Ролза и У. Кимлики. Идеи О.Д. сегодня стали, по существу, общепринятой основой представлений об источнике государственной воли, в качестве которого понимается воля народа как организованной совокупности граждан государства, что получает выражение в общенародном (во многих странах) принятии конституций, призванном воплотить ключевые идеи теории О.Д.

А.Г. Сытин

ОБЫЧАЙ (от прасл. *obykti* — привыкать) — это унаследованная стереотипная форма социальной регуляции, выражающая наиболее неуклонное следование воспринятым из прошлого образцам. О. является разновидностью традиции. Различие их состоит в том, что О. функционирует лишь в отдельных областях общественной жизни. Традиции включают все возможные способы и процесс сохранения и передачи явлений прошлого, тогда как сохранение и передача О. возможны преимущественно, если не исключительно, в вербально-символическом виде. В широком

смысле под *О.* понимают повторяющуюся определенной группой лиц сознательно или бессознательно, постоянно или периодически особенность (*О.* племен и народов, религиозные, правовые *О.*). В узком смысле *О.* — исторически сложившаяся особенность, которая переходит от поколения к поколению. *О.*, в этом понимании, налагается силой общественного мнения и продолжает существовать даже при утрате первоначального смысла и значения. *О.* не является как самим правилом поведения, так и психологической установкой исполнять и соблюдать правила, ставшие обыденными, привычными, необходимыми. Правила и установки включены в *О.*, но не исчерпывают его. *О.* есть сопутствующий развитию человечества от его древнего состояния до современности социальный институт, выполняющий регулятивные функции в человеческих сообществах и группах в целях упорядочения отношений между людьми. Можно сказать, что *О.* есть социальная форма, посредством которой устраиваются и действуют общественные нормативно-регулятивные системы, обеспечивающие порядок и контроль общественного поведения в таких сферах, как быт, хозяйство, обмен и торговля, социальные отношения, религиозная жизнь и т.д. Феномен *О.* находит отражение в работах различных исследователей. Так, М. Вебер и А. Бергсон, говоря об *О.*, подразумевают часто повторяющееся поведение, которое, будучи таковым, становится автоматическим, приобретая у индивидов характер стереотипа. По мнению Х. Ортега-и-Гассета, *О.* является угрозой возможного насилия, принуждения или наказания, которое способно осуществить общество по отношению к индивиду. Согласно его рассуждениям, *О.* преобразуется в механическое требование к индивиду со стороны какой-либо группы людей, осуществляется по инерции и имеет непреложную силу воздействия, оказывая давление на людей. Он выделяет два рода *О.*: «мягкие», *О.* языка, мышления, обхождения друг с другом, и «жесткие», *О.* права, государства и политики. *О.* взаимосвязаны, базируются друг на друге и образуют в конечном счете общество. Такие исследователи, как К. Маркс и Ф. Энгельс, Н.А. Костилова, В.Д. Карандашова, Л.Г. Набиуллина, В.Д. Серых, в своих работах также касались содержания понятия *О.* Однако их интерпретация также неоднозначна. Понятие *О.* в теоретических выкладках упомянутых авторов не различается с такими понятиями, как «обряд», «ритуал», «церемония». В научной литературе авторы рассматривают понятие *О.* в соответствии со спецификой его содержания и назначения. Л.Г. Набиуллин рассматривает *О.* «как общепринятый порядок, образ действий, общепринятая норма поведения, то есть это то, что стало уже привычным, усвоенным, прочно вошло в обиход народа».

В принципе можно согласиться с этой точкой зрения, однако, как представляется, наиболее точное определение понятию *О.* дает В.Д. Серых: «*О.* — общепринятые, более или менее устойчивые в той или иной среде, исторически сложившиеся правила и нормы, регулирующие поведение людей в определенной области общественной жизни. Это тради-

ционно принятый порядок, привычный образ действий, соблюдающийся в силу прочно установившихся привычек, передаваемый из поколения в поколение и охраняемый общественным мнением». Понятие *О.* исторически тесно связано с понятием социальной нормы, обычного права.

Интерпретация данного термина в работах современных исследователей имеет место в рамках юриспруденции и, как правило, связана с феноменом обычного права, а именно с нормами регулирования, принятыми в традиционных обществах, которые основывались не на сложившихся отчетливых юридических понятиях права, а на *О.* и традиции. Всякий *О.* — правило поведения, признаваемое в силу многократного повторения и социального признания образцом. Хотя *О.* — одно из наиболее древних явлений, во многом предопределившее и «изнутри» повлиявшее на формирование права и его развитие, наукой он всегда воспринимался и оценивался неоднозначно, часто даже в рамках одного государства эта категория лишена внутреннего единства.

Ю.И. Воробьева

ОБЫЧНОЕ ПРАВО — исторически первая совокупность норм и правил поведения (как правило, неписаных), формирующихся в обществе в силу объективных условий выживания, существующих традиций и ментально-бытовой культуры. Обязательность исполнения обычных правовых норм обеспечивалась неотвратимостью наказания виновных, как государственными средствами, так и способами принуждения, которыми традиционно располагали семейные, клановые или общинные сообщества.

На определенных этапах развития различных общественно-государственных систем обычаи в праве санкционировались государственной властью и получали силу закона (напр., Законы Хаммурапи, Салическая правда, Русская правда). И в современном праве под *О.П.* принято считать только те обычаи, которые в той или иной форме санкционированы государством (ссылки на обычаи в законе или судебном решении).

Роль и степень влияния *О.П.* заметно ослабевает по мере формирования буржуазных рыночных отношений, расширения промышленного производства и товарооборота, которые потребовали создания более упорядоченной и законодательно оформленной системы правовых норм.

Богатейший материал для изучения природы и характеристик *О.П.* дает изучение функционирования русской крестьянской общины, особенно в период после отмены крепостного права в 1861 г., в которой большинство вопросов жизнедеятельности решались не только на основе действующего официального законодательства, но и на основе традиции, обычаев и устных соглашений.

В странах с традиционным укладом жизни (Африка, Азия, Южная Америка), а также в области международных отношений *О.П.* наряду с позитивным правом имеет заметное влияние и по сей день.

Е.Н. Моцелков

П

ПАРАДИГМА (от др.-греч. *παράδειγμα* — пример, модель, образец) — совокупность общепризнанных научных достижений и методологических установок, дающих научному сообществу модель постановки и решения исследовательских задач на протяжении определенного исторического периода. В научный оборот понятие введено американским ученым, специалистом по философии и методологии науки Томасом Куном в работе «Структура научных революций» (1962). С точки зрения Куна рост и накопление научного происходят не линейно, а скачкообразно, благодаря «научным революциям». Любая научная дисциплина проходит в своем развитии следующие необходимые этапы: 1. допарадигмальный (поиск и установление предметного самоопределения); 2. доминирование парадигмы (так называемая «нормальная наука»); 3. кризис нормальной науки (опровержение и крах господствующей парадигмы); 4. научная революция (смена парадигмы). В концепции Томаса Куна заложен большой эвристический потенциал, т.к. она переносит акцент внимания с позитивистской логики научного исследования на психологические и социокультурные аспекты процесса познания. По сути парадигма представляет собой «мнение, обретающее «кредит доверия» и «входящее в моду» в зависимости от типа преобладающей культуры» (П. Сорокин). Парадигмы необходимо отличать от теорий, т.к. первые включают в себя ценностные ориентации и аксиомы человеческого мышления, что не является обязательным условием функционирования теорий. Необходимо отметить, что в ходе дальнейшего становления своих взглядов Т. Кун отказывается от понятия «парадигма», заменяя его термином «дисциплинарная матрица», т.к. данный термин учитывает обычную принадлежность ученых-исследователей к определенной дисциплине. Понятие «парадигма» крайне важно для формирования представления о генезисе научных теорий, понимания структуры научного знания, специфики познавательного процесса и самой логики свершения научных открытий: «хотя мир не изменяется с изменением парадигм, ученый после этого изменения работает в ином мире» (Т. Кун).

К.И. Кийченко

ПАССИОНАРНОСТЬ (от лат. *passio* — страсть) — термин, введенный в научный оборот отечественным ученым Л.Н. Гумилевым (1912–1992)

для характеристики непреодолимого стремления людей к осуществлению своих идеалов. Пассионарность, по Гумилеву, лежит в основе всех человеческих деяний, оставляющих след в истории. Гумилев определял пассионарность как характерологическую доминанту, «необоримое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной)... цель эта представляется пассионарной особи иногда ценнее даже собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников и соплеменников». Идеальные потребности пассионарии ставят выше витальных (жизненных) и считают их достойными того, чтобы пожертвовать своей или чужой жизнью; следовательно, деятельность пассионариев не подчиняется моральным и нравственным регуляторам. На основе этой идеи Гумилев разработал пассионарную теорию этногенеза, в центре которой представление об этносе как о биосферном, несоциальном феномене. Этнос в данной теории — природный коллектив людей с общим стереотипом поведения, на который накладывает отпечаток географическая среда, культурная традиция, историческая память и этническое окружение. Движущей силой, энергией трансформаций и взаимодействия этносов служат пассионарные «толчки», порождающие повышенную социальную активность, способствующую при определенных исторических, географических и климатических условиях формированию новых этносов и этнических систем (суперэтносов). Деятельность и энергия пассионариев обеспечивает становление, существование и функционирование в биосфере Земли всего многообразия этнических систем.

К.И. Кийченко

ПЕРЕХОДНОЕ ОБЩЕСТВО — общественная система локально-национального или регионального масштаба, в которой происходят преобразовательные процессы в политико-государственной, социально-экономической и духовно-идеологической сферах. В научном контексте термин «переходное общество» употребляется, как правило, применительно к социальным преобразовательным процессам, которые имеют конкретные и ограниченные пространственно-временные характеристики, хотя в определенном смысле этот термин можно употреблять и к глобальным процессам, например, к историческим периодам, во время которых происходит смена мировых порядков.

Выделяются три основных направления изучения и интерпретации переходных обществ в мировой гуманитарной науке XIX–XX вв.:

Первое — изучение переходных обществ в контексте смены общественных типов производства и социально-экономической организации общества как базиса для преобразований в политической сфере (А. де Токвиль, К. Маркс, М. Вебер, В. Парето).

Второе — теории модернизации, в которых разрабатывается управляемая государственная политика, способствующая переходу в краткие

исторические сроки относительно отсталых общественных систем на более высокий уровень социально-экономического и культурного прогресса (Ш. Эйзенштадт, С. Хантингтон, Г. Алмонд, Б. Мур).

Третий — теории трансформации «недемократических» систем в общества, отвечающие политическим и социально-экономическим параметрам западной демократии (теории латиноамериканских и посткоммунистических транзитов — Д. Растоу, Х. Линц, А. Степан, Ф. Шмиттер, М. Макфол, В. Банс, Л. Бальцеревич, З. Бжезинский).

В большинстве теорий переходности природа переходного общества истолковывается, в сущности, как тривиальное смешение элементов старого, уходящего и разрушающегося общества и нового, нарождающегося, формирующегося общества. Именно на этой идее построены многие экономические теории переходного кризиса как сложного и болезненного противостояния, конфликта старого и нового экономического порядка.

В современных исследованиях разрабатываются более сложные модели переходных состояний, в частности, на основе изучения так называемых неустойчивых, диссипативных структур (Б. Белоусов, И. Пригожин, Г. Хаген).

В этих исследованиях были обнаружены удивительные свойства промежуточных продуктов химических реакций. В частности, во время этих реакций были зафиксированы особые структуры, которых нет ни в начале реакции, ни после нее; эти структуры рождаются и живут только в условиях переходного хаоса и исчезают, как только система начинает получать стабильные измерения. Считается, что данные наблюдения корректно экстраполировать на социальную динамику. Из этого следует, что переходные состояния общества — это не просто смешение допереходных и постпереходных состояний, а это иная, «третья» социальная реальность, имеющая **иные** социальные структуры и социальную природу.

Дополнительные аргументы в пользу такого вывода мы получаем при анализе природы времени, которое протекает в переходных обществах. Его также нельзя однозначно истолковать или как линейное (или нелинейное), или как циклическое (или нециклическое) — это сгусток, синтез временных ритмов, различных не только по протяженности, но и по своей природе.

Не случайно при объяснении социальной переходности широко применяется математическая теория катастроф, которая активно разрабатывалась в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. (Арнольд В.И., Касти Дж., Постон Г., Стюарт И.) и которая в то время противопоставлялась ньютоновской теории математического анализа. Утверждалось, что если ньютоновская теория позволяла исследовать лишь плавные, непрерывные процессы, то теория катастроф дает универсальный метод исследования всех скачкообразных периодов, разрывов, внезапных качественных изменений.

Понимание специфической природы переходного общества должно быть дополнено раскрытием его основных характеристик или свойств,

которые проявляются при динамических явлениях внутри этого общества. Можно выделить несколько таких закономерностей или свойств.

Первое заключается в неизбежном и резком ухудшении состояния системы в период ее перехода от одного состояния к другому. Параметры этого переходного состояния значительно хуже, чем были до перехода и будут после него. Отечественный исследователь В.Ф. Венда формулирует данную закономерность через понятие «структура» следующим образом: «...При переходе на другую структуру, в том числе и существенно более перспективную, по возможному при ней максимуму эффективности возникает тенденция снижения эффективности на период, необходимый для трансформации старой структуры в новую». Переходное общество — это зародыш, эмбрион предполагаемой, будущей общественной жизни, поэтому оно «хуже старого», по многим параметрам менее развито, чем старое состояние, но оно «хуже» нового, ибо еще только стремится развиваться в это новое.

Второе. Важной характеристикой, выявленной в ходе эмпирических наблюдений за поведением различных систем, является прямо пропорциональная зависимость снижения неустойчивости, нестабильности системы и близости «порогового» рубежа, за которым начинается новое качество. Иными словами — процесс снижения неустойчивости системы в основных параметрах ее функционирования имеет необратимый характер, и поэтому возможность «нового отката» у границ «порогового» рубежа маловероятна. Возникновение нового качества означает разрушение и исчезновение переходных (иного, «третьего») времени и реальностей, и процесс этот имеет необратимый характер.

Эти явления не надо путать с механизмом адаптации системы к постоянно меняющимся внешним условиям, который действует на всех фазах развития системы. В переломные периоды адаптационные процессы, течение которых можно предугадывать, заменяются пороговыми (или бифуркационными) изменениями, развитие которых уже непредсказуемо. Н. Моисеев проиллюстрировал данную ситуацию на примере протекания жидкости по трубе. Пока количества жидкости мало, ее течение имеет ламинарный характер, т.е. все слои жидкости перемещаются параллельно, не перемешиваясь. Когда переходится некий порог количества жидкости, то характер его движения становится турбулентным, т.е. слои жидкости перемешиваются, создаются вихревые потоки.

Примерно тоже самое происходит и с социальными системами, когда они в своем развитии переходят некий порог и вступают в полосу развития, которая характеризуется непредсказуемыми флюктуативными изменениями.

Как происходит «самоспасение» системы в этой ситуации — не до конца ясно. Похоже, что общество (как любой живой организм) в момент перенапряжения сил получает «второе дыхание», позволяющее ей преодолеть преграды. Эти качества экстремальной ситуации являются не-

долгоживущими индикаторами «иногo» времени, «иной» реальности. Они появляются для спасения системы и выведения ее на новый уровень качества, при нормальном ходе развития они не нужны.

Третье. В переходном обществе всегда взаимодействуют постепенные и взрывные процессы. Это две формы развития переходного времени и переходной реальности, они не могут подавить друг друга, хотя и находятся в состоянии постоянного противоборства и не могут обойтись друг без друга. На эту закономерность обратил внимание, в частности, Ю.М. Лотман при анализе процессов развития культурных и семантических систем. В своей итоговой книге «Культура и взрыв» он писал: «Постепенные и взрывные процессы, представляя собой антитезу, существуют только в отношении друг к другу. Уничтожение одного полюса привело бы к исчезновению другого... Нас не должно вводить в заблуждение то, что в исторической реальности они выступают как враги, стремящиеся к полному уничтожению другого полюса. Подобное было бы гибелью для культуры. К счастью, оно не осуществимо». Существование этих двух полюсов переходного развития есть отражение и проявление бинарности мирового бытия как одного из его фундаментальных свойств. Сочетание постепенности и взрывности в динамическом процессе может быть различным: они могут сменять друг друга, а могут происходить и одновременно, но в разных пластах или сферах процесса. Ю.М. Лотман описывает эту закономерность следующим образом: «Взрывы в одних пластах могут сочетаться с постепенным развитием в других. Это, однако, не исключает взаимодействие этих пластов... Еще более существенно одновременное сочетание в разных сферах культуры взрывных и постепенных процессов».

Данный методологический принцип — сочетание постепенности и взрывности, скачкообразности — очень важен для анализа общественных переходных процессов. Эти процессы не могут успешно развиваться либо только в виде взрывов, либо только как постепенное развитие. В реальности происходит их сложное и противоречивое сочетание. Но это уже не только теоретическая, но и практическая проблема.

Е.Н. Моцелков

ПЛАНИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ — специализированная деятельность по определению целей и задач внутренней или внешней политики, оптимизации и регламентации политического процесса. Эти функции выполняют сами политические деятели, а также аналитические структуры и отдельные лица, специализирующиеся в сфере организационного обеспечения и информационного обслуживания политических институтов, организаций или публичных политиков.

В последние годы в политической жизни все большую роль играют центры политического планирования, функционирующие при органах

исполнительной и законодательной власти или при международных организациях. Примером могут служить соответствующие подразделения в Администрации Президента России и Министерстве иностранных дел РФ, а также аналитические центры политического планирования во многих странах мира. Деятельность ряда подобных центров сконцентрирована по преимуществу на проблемах геополитического планирования и прогнозирования с целью установления нового мирового порядка (отдел политического планирования Государственного департамента США и др.). Политическое планирование иногда определяют как *инженерию социальную*, под которой К. Поппер понимал деятельность по проектированию, реконструкции и управлению социальными институтами, противопоставляя инженерии постепенных преобразований утопической и тоталитарной социальной инженерии (марксизму).

Политическое планирование (в отличие от прогнозирования) редко становится предметом беспристрастного изучения со стороны политологов и контроля со стороны общественности. Это объясняется рядом причин: необходимостью сохранять государственные и коммерческие тайны; особенностями подготовки и принятия политических решений, эффективность которых во многом зависит от фактора неожиданности; логикой информационного сопровождения политических событий и кампаний (создание информационных поводов, пошаговое программирование при осуществлении политических акций и т.п.). Политическое планирование также является недостаточно «прозрачным», т.к. в условиях глобализации резко сужается роль национального суверенитета, а стратегические решения все чаще принимаются в закрытых «политических клубах» и влиятельных организациях, неподотчетных национальным парламентам и не связанных международными договорами. Среди таких структур исключительную роль в геополитическом планировании играет «Большая восьмерка», объединяющая глав государств и правительств ряда промышленно развитых стран (Великобритании, Германии, Канады, Италии, России, Соединенных Штатов, Франции и Японии), но не являющаяся юридическим лицом и не имеющая статуса международной организации.

С одной стороны, закрытый характер политического и геополитического планирования обеспечивает оперативность согласования задач стратегического характера в условиях нестабильности и существенно снижает риски, возникающие из-за взаимного недоверия между лидерами стран или просто из-за потери времени. С другой стороны, эффективное политическое планирование должно быть максимально открытым, поскольку предполагает уважение к демократическим нормам и персонализирует ответственность на всех уровнях законодательной и исполнительной власти за ближайšie и отдаленные социальные последствия принимаемых решений. Политическое планирование включает в себя поиск альтернативных вариантов осуществления политики, для чего в недрах государственных структур и оппозиции создаются особые группы

и бюро альтернативного планирования. Целенаправленный поиск альтернатив в процессе планирования и основанное на этом принципе сценарное прогнозирование позволяют устранять или минимизировать социальные, экологические, финансовые и собственно политические риски. Если вслед за И. Пригожиным признать, что время конструируется в каждый данный момент, а «человечество может принять участие в процессе этого конструирования», то политическое планирование в самом широком понимании термина — это участие в конструировании исторического времени политическими средствами, которые доступны политикам и специалистам, обеспечивающим научное, информационное и организационное обеспечение политики.

Под политическим планированием в функционально-технологическом значении этого понятия понимается выполнение функций, обеспечивающих целенаправленную координацию и синхронизацию деятельности политических институтов, органов управления и контроля, разделение функций между органами и «ветвями» власти на всех ее уровнях, а также открытость властных структур для взаимодействия с институтами гражданского общества. Все это можно назвать «настройкой» политических механизмов в интересах сохранения устойчивости режима и политической системы или, напротив, в интересах ее дестабилизации (подобное политическое планирование может входить в число задач политической оппозиции). К политическому планированию относят организацию политических акций, разработку политических кратко-, средне- и долгосрочных стратегий, проектов и программ (например, партийных), подготовку, проведение и организационно-информационное сопровождение выборных кампаний, включая сюда и так называемое «планирование избирателей», то есть изучение и формирование их политических предпочтений. Особого внимания заслуживает политическое планирование, понимаемое как механизм политического воздействия на процесс комплексного развития территорий (городов, регионов, межгосударственных образований и союзов). Так, политическим аспектам регионального (пространственного) планирования уделяется первостепенное внимание в процессе строительства Европейского союза, примером чему могут служить материалы конференций министров пространственного планирования (СЕМАТ).

Политическое планирование в узком значении этого выражения сводится к планированию рабочего времени (составлению временного графика и событийного плана) политиков и высших должностных лиц, правительственных и межправительственных органов, национальных и международных неправительственных организаций, являющихся акторами политики. Самое примитивное, но и самое распространенное толкование политического планирования низводит его к оказанию услуг по позиционированию заказчика информационной кампании — какой-либо политической партии, движения или действующего политика. Чрезмерно узкое понимание задач политического планирования превращает его в разновидность бизнеса, в инструмент политического лоббирования или позиционирования отдельных личностей

и групп влияния, что ведет к подмене политического процесса производством «информационных поводов», отвлекающих внимание общественности от сути реальных событий. Политическое планирование может рассматриваться и как область знания, а также образовательная стратегия при подготовке политологов. Курс теории политического планирования читается на философском факультете МГУ.

В.Н. Рассторгуев

ПОЗИТИВНОЕ (ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ) ПРАВО — реально действующие нормативно-правовые акты, правовая система, действующая в государстве в данный момент, устанавливается и изменяется законодателями каждой страны в соответствии с требованиями времени, противопоставляется естественному праву, которое предопределяется природой человека и является общим и неизменным для всех народов и эпох. П.п. иногда обозначается термином «*de lege lata*» (по действующему закону) в отличие от употребляющегося в юридической науке и практике термина «*de lege ferenda*» (по будущему, предполагаемому закону), которым подразумеваются правовые идеи, проекты законов и т.п. В юриспруденции существует направление — юридический позитивизм, сторонники которого сводят задачи юридической науки к изучению позитивного (положительного) права, т.е. к праву, действующему в данный момент.

Е.Н. Моцелков

ПОЛЕМОЛОГИЯ (от греч. *polemos* — война, ссора, распря и *logos* — наука, учение) — наука, направление в западной социологии, изучающая войны, военные конфликты, политическое насилие. Основатель — французский социолог Г. Бутуль (1896–1980), доктор права и философии. Относя войну к «ускоренным формам потери социального равновесия», считал необходимым научное изучение войны как социального явления.

Полемология возникла после окончания Второй мировой войны как попытка ответа на вопрос о причинах возникновения войн и способах их устранения. Полемологическая теория рассматривала войну как болезнь общества. Основную причину этой «болезни» пионеры полемологии видели в росте народонаселения, периодически звергающего человеческое общество в состояние войны. Интерес к демографической трактовке причинности войн был обусловлен специфической демографической ситуацией, сложившейся во Франции с середины XVIII века, и взглядами ряда мыслителей предшествовавшего периода (Платон, Аристотель, У. Релей, Дж. Стюарт, Дж. Ортез, Ж.-Н. де Кавейрак, И. Пинто и др.), рассматривавших чрезмерный рост народонаселения как дестабилизирующий фактор в развитии обществ. Продолжая европейскую традицию во взглядах на конфликт (Ж. де Местр, Х. Доносо Кортес, П.-Ж. Прудон, Г. Зиммель,

В. Парето, Э. Дюркгейм и др.), Гастон Бутуль вместе единомышленниками решили создать «новую науку о войне», которой было дано необычное название «полемология», чтобы выделить ее среди других теорий о войне.

В 1945 г. Г. Бутуль создал Французский институт полемологии, осуществлявший научные исследования, относящиеся к генезису, этиологии и функциям вооруженных конфликтов и их биологическим, экономическим, демографическим, статистическим, техническим и социологическим факторам, также занимавшийся исследованием явления мира. Полемологи руководствовались сходной с римским изречением максимой, которую сформулировал основатель полемологии, «хочешь мира — познай войну». Для познания войны использовали специфические методы и понятийно-категориальный аппарат.

С 1965 г. институт стал издавать журнал на французском и английском языках под названием «Guerre et paix / Wars and peace», переименованный в 1971 г. в «Etudes polemologiques». Журнал сыграл большую роль в процессе институционализации полемологии, сплочения единомышленников и распространения идей полемологии. Вместе с рядом других факторов это способствовало формированию французской школы полемологии (Г. Бутуль, Р. Каррер, Ж. Фрэнд, Ж.-Л. Аннекен, Э. Мюрез, Д. Эрман, Д. Биго и др.), имеющей значительный авторитет и влияние среди других школ и течений, занимающихся проблемами войны. Не вызывает сомнения влияние полемологов, оказанное на центры Peace Research и др.

Стремясь уйти от умозрительных рассуждений о войне, создать доказательную и общезначимую теорию о войне, полемологи широко использовали математику и математическую статистику. Оригинальная концепция полемологов, попытавшаяся объединить натуралистический и социологический подходы к феномену войны, породила ряд противоречивых моментов в полемологической теории, которые привели в дальнейшем к пересмотру понятия предмета полемологии, уточнения методов осмысления связей между войной и другими социальными явлениями. После кончины Г. Бутуля в 1980 г. новое поколение французских полемологов, пришедшее на смену основателю полемологии и его соратникам, в значительной степени обновило традиционные полемологические подходы к исследованию войны.

Еще при жизни Г. Бутуля появились расширительные трактовки полемологии: как науке о конфликте вообще (Ж. Фрэнд и др.). При Страсбургском университете гуманитарных наук (Франция) был создан еще один институт полемологии, коллектив которого в своем научном поиске исходил из расширительных представлений о предмете полемологии.

Полемология получила распространение в ряде европейских стран, где возникли институты полемологии. Например, в Испании, Италии, Нидерландах, в Бельгии. Полемологические идеи нашли отклик у румынских исследователей (В. Секэреш и др.).

В настоящее время полемология переживает сложный период. Например, французская школа полемологии потеряла свои четкие очертания.

ния, значительно изменились методологические и концептуальные подходы к исследованию войны. Однако сторонники этой науки продолжают изыскания в области военных и иных конфликтов. Некоторые из них пытаются возродить былую известность данного направления, заявляя о необходимости создания «новой полемологии» (Ф.-В. Huyghe).

А.В. Соловьев

ПОЛИАРХИЯ (от греческого *πολιαρχία* — власть многих, многовластие) — понятие, выражающее множественность, многосубъектность и рассредоточенность власти в обществе. В политической науке таким же термином принято обозначать теорию плюралистической демократии, разработанную Робертом Далем. Термин «П.» употреблялся уже в античной Греции, однако преимущественно в значении разброда среди властвующих и расхолаженности правления. В современную политическую науку он был введен в 1953 г. Р. Далем и Ч. Линдбломом в книге «Политика, экономика и благосостояние», где использовался для характеристики политического процесса в рамках действующих политических систем, называемых демократическими. Такое понимание современного политического процесса противопоставлялось авторами теориям господства единой элиты также и в демократических системах, разрабатываемых в те годы, в частности, Ф. Хантером и Ч. Райтом Миллсом. Впоследствии Р. Далем была создана нормативно-эмпирическая теория П. как реально возможной в современных условиях модели демократии (в терминологии Даля — «полиархической демократии»). Даль описывает П. как проявление множественности источников власти, правление соперничающих меньшинств; как совокупность социальных процессов, которые делают возможным контроль за лидерами со стороны нелидеров. В основе П., по Р. Далю, лежит то, что, с одной стороны, гражданские права в современном обществе предоставлены сравнительно широкой доле взрослых, а с другой — что сами эти права позволяют проявлять несогласие и путем голосования смещать и заменять высших должностных лиц. П., согласно теории Р. Даля, отличают ряд основных институтов: близкое к универсальному избирательное право; право граждан участвовать в общественных делах; свободные, честные, регулярные и достаточно часто проводимые выборы, в которых исключено всякое насилие и принуждение; надежная защита свободы выражать свое мнение, включая критику правительства, без угрозы сурового наказания; существование и защищенность законом альтернативных источников информации и убеждений, выведенных из-под правительственного контроля; высокая степень свободы в создании гражданами относительно автономных организаций, включая оппозиционные политические партии; относительно высокая зависимость правительства от избирателей и результатов выборов. Полиархические институты, по Далю, необходимы для осуществления демократического

процесса на большом пространстве, но не достаточны для этого. Помимо политических условий и конституционных норм для реального существования П. необходимы социальные и политико-культурные условия, такие как высокая степень *консенсуса* в обществе по основным демократическим нормам, воспитание в обществе *уважения* к этим нормам, которое интенсифицируется в зависимости от степени согласия относительно выбора политических альтернатив, а также достаточно высокая *политическая активность* граждан. Для осуществления П., по теории Даля, необходимо также *совмещение* таких характеристик общества, как относительно высокая терпимость к оппозиции и относительно широкие возможности для граждан участвовать во влиянии на поведение правительства и даже в смещении мирным путем официальных лиц.

А.Г. Сьтин

ПОЛИТИЗАЦИЯ — усиление роли политики в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Политика проникает в каждый дом с потоками новой информации, с событиями, о которых невозможно не думать, с политическими решениями и новыми законами, которые затрагивают жизненные интересы миллионов людей, с прогнозами и с самим языком, наполненным незнакомыми прежде словами и образами. Язык публичной политики становится общедоступным для всех возрастных и социальных групп.

Политизацию можно рассматривать как доминирующую тенденцию Нового и Новейшего времени, связанную с десакрализацией власти и ослаблением роли религий в жизни общества, разрушением традиционных типов господства и подчинения, становлением демократических институтов и вовлечением в политическую жизнь широких слоев населения, развитием доступных коммуникаций и ростом влияния конкурирующих политических идеологий на массовое сознание. Отношение к политизации во многом зависит от политических убеждений и от социального статуса человека. Если одни воспринимают ее как предпосылку гражданской активности и даже показатель цивилизованности, то другие оценивают совершенно иначе — как свидетельство чрезмерного усиления функций государства, признак тоталитаризма и средство манипуляции массами в интересах узких политических групп.

В большинстве случаев в наше время сами слова «политика» и «политизация» употребляются в негативном плане и даже противопоставляются понятиям, не имеющим негативной коннотации. Еще Карл Шмитт обращал внимание на эту антитезу, которая часто присутствует в рассуждениях, к примеру, о «политике и морали» или о «политике и праве». Одна из существенных причин столь явного неприятия политического в массовом сознании, по его мнению, — часто встречающееся отождествление «политического» с «партийно-политическим». Слишком узки, по мнению Шмитта, горизонты партийной политики, когда речь идет о по-

литической бюрократии и лицемерии, о суетной борьбе политиков за личные и групповые интересы, чтобы вызывать уважение со стороны граждан. Именно в этом видится и причина, побуждающая людей требовать деполитизации социальной жизни. Но деполитизация в этом случае означает не отрицание политики как таковой, а лишь преодоление партийно-политической ограниченности и узости.

Мощным фактором политизации всех сфер жизнедеятельности стала ускоренная глобализация, ведущая к ослаблению и разрушению национальных суверенитетов, что создает видимость «освобождения» от политики — иллюзию деполитизации. Многие считают, что условием деполитизации является сужение функций государства, либерализация экономических отношений, примером чему может служить демонтаж СССР с переходом от плановой экономики и господства государственной собственности к рыночным отношениям, к принципу примата международного права и отказу от государственной идеологии. Эти принципиальные установки нашли отражение в Конституции Российской Федерации, где говорится о том, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (Статья 13), а в случае несоответствия законов Российской Федерации международным договорам «применяются правила международного договора» (Статья 15). В действительности в процессе глобализации мира политизация не устраняется, а приобретает иной характер: при ослаблении государственных институтов резко и существенно повышается статус надправительственных структур, растет политическая активность неправительственных международных организаций, на порядки увеличивается число акторов политики, а сама политика тесно сплетается с деятельностью транснациональных корпораций и банков.

Противодействие глобализации также служит фактором политизации тех групп населения, которые в результате укрепления «наднациональной власти» лишаются многих прав, в том числе возможности полноценно участвовать в принятии политических решений и в выборе политического курса собственной страны. Набирают силу массовые политизированные движения, в том числе и движение антиглобалистов, отражающие интересы этих групп. Но и такая политизация, основанная на вовлечении широких масс в большую политику, далеко не всегда в действительности содействует расширению их гражданских прав. На это обстоятельство обращает внимание, в частности, Н. Холмский. По его мнению, ситуацию не меняет даже тот факт, что с 60-х годов XX века на политическую арену организованно выходят все без исключения социальные и возрастные группы, которые прежде демонстрировали политическую пассивность и апатию, — женщины, меньшинства, молодежь, пожилые люди т.д., то есть почти все население. С одной стороны, очевидно, что их интересы не совпадают с постоянными интересами меньшинства преуспевающих — основных политических игроков. С другой стороны, только очень наивные люди могут назвать это разви-

тие событий шагом к демократии. Более искушенные понимают, по словам Холмского, что это — «эксцесс демократии», кризис, который необходимо преодолеть путем возвращения приведенного в замешательство «стада» на подобающее ему место: зрителей, а не участников действия.

Особый интерес представляет политизация религии. Эта тенденция проявляется в использовании межконфессиональных противоречий в политических целях. За межрелигиозными конфликтами и войнами чаще всего стоит целенаправленная политизация, т.е. превращение религии из самоценности в инструмент передела планетарных ресурсов, который прикрывается теорией якобы неизбежного столкновения мировых религий и, соответственно, локальных цивилизаций. По этой причине бесчисленные обвинения верующих в «религиозном экстремизме» направлены на то, чтобы скрыть подлинные истоки противоречий. Прав был А.С. Панарин, когда утверждал, что подлинная причина фундаменталистской реакции в странах Востока — не «конфликт религий», а навязывание всему миру духовной деградации, характерной для духа антиклерикализма, пронизывающего современную западную цивилизацию. В этом отношении требует пристального изучения уникальный опыт России, не знавшей религиозных войн.

Политизация науки также требует специального анализа, поскольку эта тенденция характерна не только для политических наук. Многие другие науки — и социальные, и естественные, и технические — политизированы не в меньшей, а возможно даже в большей степени. Существует бесчисленное количество фактов, демонстрирующих, до каких пределов может доходить политизация тех областей научного знания, которые, казалось бы, не имеют ни малейшего отношения к политике. Достаточно упомянуть о так называемой «лысенковщине» — организованной травле генетиков в Советском Союзе, в которой активно участвовали известные представители научного сообщества, или о не менее масштабных и жесточайших преследованиях «красных» ученых в США после окончания Второй мировой войны, во времена «охоты на ведьм».

В.Н. Рассторгуев

ПОЛИТИКА — одно из многозначных и трудноопределимых понятий в общественном знании. Этимологический корень данного понятия происходит от древнегреческих слов *polis* (город, государство) или *politike* (искусство управления государством). Термин «политика» получил распространение под влиянием эзотерического (т.е. научно-популярного) сочинения Аристотеля (384–322 гг. до н.э.) «Политика».

О природе политики, ее атрибутах и функциях уже на протяжении многих веков идет непрекращающийся спор. Исторически сложилось множество определений (интерпретаций, или смыслов) политики, подчас альтернативных. Выделим лишь некоторые из них.

Политика — это

- деятельность государственных институтов;
- сфера общественной жизни, связанная с приобретением, удержанием и использованием власти;
- вид социальной активности, основанный на определенной системе правил («игра по правилам») и связанный с отношениями между различными национальными общественными группами и объединениями;
- один из социальных регуляторов;
- деятельность, связанная с отношениями между государствами и национально-региональными структурами на международной арене;
- умение, искусство управления людьми, социальными и государственными структурами;
- совокупность (программа) мер и действий, направленных на достижение какого-то социально значимого результата;
- сфера борьбы различных социальных интересов, ценностей, установок, традиций;
- форма общественного сознания, выражающая корпоративные интересы определенных социальных групп.

Приведенные определения политики по своему содержанию частично пересекаются друг с другом, имея в своей основе три взаимосвязанные социальные субстанции — государство, власть, отношения. Комбинации этих субстанций в определениях политики отражают, во-первых, историческую эволюцию бытия политики, а во-вторых, развитие научных представлений (парадигм) о политике.

В английском языке для описания феномена политики используется три слова — *polity*, *policy*, *politics*, которые в русском языке не имеют точных аналогов. В этих словах отражается многовековая практика развитых (прежде всего, англоязычных) государств. Первым (*polity*) обозначается политическая практика конституционных государств (парламент, суды, правительство и т.д.), второе (*policy*) связано с политическими интересами, ценностями и целями (нормативный аспект) и третье (*politics*) отражает процесс политического волеизъявления и его социально-психологические формы.

В древнеиндийской литературе для обозначения политики используется санскритский термин «артха» (полезное управление, правление с пользой). Отсюда и происходит и название одного из наиболее известных трудов по политологии на индуистском Востоке — «Артхашастра, или Наука о политике» (современ. изд. — М., 1993).

Суммируя многочисленные определения политики, можно сделать вывод, что под понятием «политика» понимается не только деятельность, процесс или отношения, но и структуры, институты. По сути, это то, что некоторые авторы называют «миром политики», который в настоящее время, так или иначе, пронизывает все сферы общества и жизнедеятельности человека. В этом «мире» действуют, прежде всего, профессионалы

(профессиональные политики), но в него втягиваются и массы рядовых граждан, чаще всего помимо их воли.

В числе важнейших следует выделить регулятивную функцию политики. Политика — это важнейший социальный регулятор, от действия которого во многом зависит повседневная жизнь общественных систем и отдельных людей. Данный регулятор может действовать как на повышение интеграции и эффективности общественных связей, так и на их дезинтеграцию и разрушение. В этом смысле политика бывает как позитивной, созидательной (т.е. способствовать консенсусу и компромиссу), так и негативной, разрушительной (т.е. приводить к отчуждению и конфликтам).

Вообще в истории философско-политической мысли можно выделить три основные парадигмы политики, или понимания сущности политики: *первая (классическая)* политика — это и есть истинно человеческого порядок, воплощение сущностных качеств, свойств человека; *вторая (неклассическая, или антиклассическая)* политика — это нагромождение препятствий, аномалий и т.п., которые как раз и мешают в устройстве нормальной человеческой жизни, человек в сфере политики больше теряет, чем находит; и *третья (постмодернистская)* политика — это скорее беспорядок, хаос, броуновское движение, поле возможностей, чаще всего не реализованных.

В целом любая политика есть результат сознательной деятельности людей, хотя в силу научной неопределенности ее природы до настоящего времени в ней сохраняются элементы символизма, мистичности и стихийности. Во всяком случае многие политические процессы и явления как в истории, так и в современности не находят в научном плане своего исчерпывающего и адекватного объяснения, так как остается вопрос: почему это произошло именно так, а не иначе?

Говоря о научных определениях политики, следует иметь в виду, что политика относится к числу понятий, которые активно используются в обыденном (или околонульном) языке. В контексте этого языка содержание понятия «политики» часто размывается, включая в свой состав множество качеств и функций, которые к научным представлениям о политике имеют очень опосредованное отношение.

Е.Н. Моцелков

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА — способ систематизации политического знания на основе научных учений, основной инструмент политического планирования и прогнозирования. Ее отличие от научных теорий и доктрин, которые представляют собой высшую форму синтеза научных знаний, заключается в функциональной цели. Для политической доктрины такая цель — не бесстрастный поиск научной истины, а теоретическое обоснование политических программ и проектов. Политическая доктрина рассчитана как на политиков, в чью компетенцию входит под-

готовка и принятие политических решений, так и на широкие слои населения, избирателей. По этой причине политическая доктрина, призванная воздействовать на неподготовленную в теоретическом отношении аудиторию, отличается типом своего построения и обоснования (не используются свойственные науке методы проверки, подтверждения истинности и новизны), а также механизмами принятия и распространения.

Признание политической доктрины зависит не от ее эвристической или методологической ценности, а от способности убеждать и объединять сторонников той или иной политической группы, от силы воздействия на умы и чувства. Признание в этом случае осуществляется чаще всего волевым решением отдельных лиц и групп, обладающих властью или участвующих в борьбе за обладание властью, и обходится, как правило, без характерных для науки форм обсуждения в кругу узких специалистов. Вместе с тем, политическая доктрина тесно связывает науку (прежде всего, социальные и политические науки) с реальной политикой. Связь между носителями теоретических знаний и реальной политикой никогда не прерывается уже по той причине, что некоторые «удачливые» научные теории становятся *учениями*. Это происходит в силу многих обстоятельств, среди которых — эвристические преимущества перед другими теориями (принципиально важно в науке) или актуальность и востребованность, созвучность духу времени, или поддержка со стороны влиятельных групп в научном мире, умело проведенная реклама в престижных изданиях или простая случайность. Учениями именуют обычно теории, которые *изучают*. Если речь идет об учениях в науке, то это теории, которые, как правило, вполне заслуживают того, чтобы их штудировали в университетах и школах, рассматривали как образцы научности (парадигмы) в тот или иной период времени. Теории и концепции распространяются и популяризируются благодаря возможностям образования, книгоиздания и профильных средств массовой информации. Это открывает концепциям и теориям путь к умам образованных слоев общества, к сознанию представителей культурных и политических элит. В результате некоторые учения, вызывающие особый интерес, превращаются в *доктрины*, в том числе и политические доктрины.

К политическим доктринам обычно относят теории, не просто широко известные и господствующие в определенной области науки (это важный, но не основной и даже не обязательный признак), а учения, адаптированные к политике, то есть приспособленные для применения в политической деятельности, призванные консолидировать людей на основе общей идейной платформы (идеологии). Политическая доктрина — это развернутые идеи, теоретические построения, уже принятые теми или иными политическими силами в качестве руководства к действию. Они задают алгоритмы при решении политических задач, играют роль установок и даже норм политического поведения, закладывают критерии оценки политических событий и самооценки. К тому же политические

доктрины становятся инструментом идентификации и самоидентификации отдельных людей и социальных групп, этнических общностей, наций и народов. «Возвышение» теорий — их переход в статус политических доктрин — не означает, что тем самым они становятся ближе к истине и приобретают больший вес в науке. Иногда все обстоит совершенно иначе. Умами политиков и сердцами тех, кто доверяет этим политикам, в течение долгого времени могут владеть как вполне достойные внимания научные учения, составляющие ядро политической науки, так и откровенно антинаучные идеи.

Для того чтобы сложилось представление о доктринальном уровне политики, можно предложить классификацию политических доктрин. Особое место занимают в этой классификации общеполитические и мировоззренческие доктрины, претендующие на доминирование не только в рамках внутренней политики, но и на глобальном уровне. Речь идет, к примеру, о либеральной, коммунистической или консервативной доктринах. Этот класс политических доктрин с полным основанием можно назвать также учениями или идеологиями, поскольку они полностью опираются на систематизированное политическое знание, что невозможно без достаточного научно-теоретического основания. Внутренние противоречия, которые нетрудно заметить при изучении программных политических документов, с которыми выступают представители соответствующих партий или движений (партийные платформы, руководящие директивы), обусловлены многими причинами: требованиями тактики, позицией политических конкурентов и, наконец, «злостью дня» — событиями, способными кардинально изменить не только тактику борьбы, но и ее стратегию, идеологию.

В жизни общества и государства особое значение имеют политические доктрины, которые можно условно назвать рабочими. Они, как правило, не претендуют на господство в умах миллионов, а зачастую и не удостоиваются общественного внимания, но без них не было бы ни государственного строительства, ни экономического развития, ни координации всех звеньев внутри- и внешнеполитической деятельности государств и правительств. Речь идет о так называемых отраслевых доктринах — экономических, социальных, демографических, военных, транспортных, экологических и так по всему списку стратегически важных векторов современной политики. Эти политические доктрины и в плане международных отношений, и в сфере геополитики играют не меньшую, а возможно и большую роль, чем доктрины-идеологии, поскольку последние не столько объединяют мир, сколько разъединяют его. Отраслевые доктрины могут быть и *межотраслевыми*, и *надотраслевыми*, и *трансотраслевыми* (регламентирующими деятельность всех секторов политики). Они могут распространяться на политику отдельных государств или действовать на субнациональном (региональном, например, областном или республиканском) уровне. Без них не обойтись, когда

формируются межгосударственные союзы — военные или экономические. Именно от них во многом зависит успешное строительство таких политических образований, как Европейский союз или Союз России и Белоруссии. Именно на них держится мировая торговля и совместное освоение космического пространства. Такие доктрины закрепляются в документах, имеющих самые различные названия (доктрины, концепции, стратегии), но тесно связанных между собой, поскольку без единой системы, на основе несовместимых принципов невозможно осуществлять эффективную политику.

В.Н. Распоргуев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ — целостная, систематизированная совокупность идей мировоззренческого характера, которая служит основанием осмысления политического бытия с точки зрения интересов, целей и идеалов определенных социальных групп.

Термин «идеология» ввел А.Л.К. Дестют де Траси (1754–1836), трактовавший идеологию как науку о законах происхождения человеческих идей из чувственного опыта. Уничжительное значение термин приобрел благодаря Наполеону, который назвал идеологами своих противников, проповедовавших, по его мнению, взгляды, оторванные от реальной политики. В политической науке противостоят оценочный подход к идеологии как ложному, извращенному сознанию, концентрированному выражению интересов господствующего класса, преодолеваемому наукой (Ш. Фурье, К. Маркс, К. Маннгейм, Э. Дюркгейм, Л. Альтюссер), с одной стороны, и объективистская трактовка идеологии как информационно-смысловой программы управления совокупностью ресурсов, основанной на агрегации и артикуляции интересов с целью формирования политической ориентации, а также социализации объектов путем приписывания им определенных значений, с другой (М.М. Бахтин, Р. Барт, Ю. Кристева). Первый подход привел к выдвиганию в середине XX в. концепции деидеологизации и «смерти идеологий» (Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, Р. Арон, Ф. Фукуяма), утверждавшей, что идеологии лишились не только корней и источника возникновения в виде классовой структуры общества, но и смысла — в связи с формированием общества нового социально-экономического типа, где ложное сознание вытесняется научным знанием. В логике второго подхода была выдвинута программа «реидеологизации» (Т. Роззак, К. Менерт, Л. Фойер) и разрабатывается концепция единой интегративной идеологии, способной сплотить нацию и призванной обозначить стратегические приоритеты политики государства.

Политическая идеология относится к числу теоретических форм политической мысли и носит ярко выраженный ориентационный характер. Задача политической идеологии — объяснять, оправдывать или критиковать феномены политической реальности в имеющихся социально-

исторических условиях с целью аккумуляции политической поддержки конкретной стратегии политических действий, обоснования притязаний определенной группы на власть или ее использование. Специфика идеологии проявляется в сочетании таких черт, как целенаправленность формирования, аксиоматичность исходных принципов, ярко выраженная эмоционально-волевая окрашенность, ценностный подход, неэмпиричность (больше внимание уделяется интерпретации, а не самим фактам), высокая степень адаптивности — соединение фундаментальности и ситуативности, сочетание принципов обыденного и теоретического мышления, стереотипизация в формулировке постулатов. Идеология обладает высокой кумулятивной емкостью и носит синкретический характер, используя для решения своей задачи «нужные» компоненты — данные науки, положения философии, религиозные и этические постулаты, мифы, символы и проч. Она оказывает наиболее очевидное влияние на политический процесс, активно предлагая или даже навязывая иерархию ценностей, целей и задач деятельности, задавая критерии оценки событий, определяя рамки желаемого, допустимого и отвергаемого в политике.

В широком смысле структуру идеологии образуют системы идей, идеологические отношения, идеологическая деятельность, идеологические учреждения, идеологические процессы. В узком смысле в идеологии выделяют содержательные и инструментальные элементы. К содержательным относятся заимствованные из различных сфер духовной жизни (модели, теории и проч.), к инструментальным — средства выражения содержания (понятия, образы, стереотипы, мифы, символы, лозунги и проч.).

В качестве субъекта идеологии могут выступать социальные объединения различной степени общности — группы, слои, национальные образования, массовые движения. Политическая идеология помимо легитимации притязаний на власть выполняет ряд функций, связанных с управлением общественным сознанием, таких как нормативно-ориентирующая, объяснительная, интеграционная, функция контролируемой социализации, мобилизационная и проч.

Типология политических идеологий — дискуссионная тема. По статусу, сфере распространения и политическому влиянию выделяют общественные и государственные идеологии. Общественные формируются и действуют в сфере гражданского общества, выступая идейной платформой различных политических партий и общественно-политических движений. Государственные претендуют на надклассовый, надгрупповой характер, на выражение общенациональных интересов и консолидация общества. С точки зрения предлагаемой стратегии достижения политических целей идеологии делятся на умеренные, ориентированные на реформизм и диалог с политическими противниками, и радикальные, призывающие своих сторонников к активным формам борьбы за политические идеалы, вплоть до вооруженного противостояния. В соответствии с хронологическим критерием идеологии принято членить на

классические, сформировавшиеся в XIX в. (либерализм, консерватизм, социализм), и новые, или альтернативные, появившиеся или активно заявившие о себе в XX в. — коммунитаризм, феминизм, альтерглобализм и проч.

О.Ю. Бойцова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ — обмен информацией 1) между элементами политической системы, 2) между политической системой и другими социальными системами по средствам общего семиотического кода. В самом общем виде коммуникация предполагает наличие не менее трех составляющих: коммуникатор (передающий сообщение), сообщение (передаваемый объект), реципиент (получающий сообщение). Применяя общую схему коммуникации в рамках системного подхода политической науки, можно сделать вывод, что основной функцией П.К. является формирование коммуникатором политических установок с учетом фактора «обратной связи», ответа реципиента на сообщения, передаваемые коммуникатором. Процесс передачи политического сообщения и реакции на него происходит в определенном политико-культурном поле, поскольку смысл политического сообщения неразрывно связан с ценностными ориентациями, принятыми в конкретном обществе. Семантически значимой для политического реципиента может стать лишь та информация, которая отвечает культурным особенностям социума, в котором она распространяется. В качестве основных типов политических сообщений выделяют три: побудительные (приказ, убеждение), информативные (реальные или вымышленные сведения) и фактические (сведения, связанные с установлением и поддержанием контакта между субъектами политики). Подобная классификация предполагает, что к сфере П.К. могут быть отнесены самые разнообразные семиотические акты (вербальные и невербальные), осуществляемые по поводу власти, — начиная от пропагандистских плакатов и призывов голосовать за политических кандидатов, заканчивая указами, издаваемыми главой того или иного государства. Таким образом, политика может рассматриваться как собственно система коммуникаций. В современной политологии коммуникативные концепции политики имеют довольно большое влияние. Среди авторов, разрабатывающих коммуникационный подход к политике, можно назвать Ханну Арендт, Карла Дойча, Никласа Лумана, Юргена Хабермаса. Так, например, Ю. Хабермас утверждает, что политика выражает себя через систему коммуникативных действий, которые выступают в качестве цепочки опосредований (например, во взаимоотношениях между капитализмом и демократией частная сфера общества общается с публичной через такие механизмы этих каналов опосредования, как деньги и власть).

К.Ю. Аласания

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА — понятие, используемое в качестве интегральной качественной характеристики политической реальности.

Термин введен И.Г. Гердером (1744–1803). Активная разработка теории политической культуры началась в середине XX в. в трудах таких ученых, как Г. Файнер (1898–1969), Г. Алмонд (1911–2002), С. Верба (р. 1932), Дж.Б. Пауэлл (р. 1938?), К. фон Байме (р. 1934), Д. Каванах (р. 1941), М. Дюверже (р. 1917), Р. Инглхарт (р. 1934), Р.Ч. Такер (1918–2010) и др. Концептуальный контекст осмысления политической культуры составляют: восходящая к идеям Дж. Локка (1632–1704) теория гражданства, выдвигающая на первый план проблемы политического участия, политических прав и свобод личности; ценностно-нормативный подход культур-философии (в первую очередь немецкой), ориентированный на принцип холизма; идущая от Ш. Монтескье (1689–1755) французская институциональная традиция, которая ставит задачу сравнительного анализа политико-правовых институтов разных стран; американский бихевиорализм, акцентирующий внимание на психологических основах политического поведения. Данная проблематика относится к числу наиболее дискуссионных — в политической науке до сих пор нет единого подхода к решению основных теоретических вопросов, касающихся определения содержания понятия, структуры, типологии и функций политической культуры.

Основные подходы к трактовке политической культуры различаются по нескольким основаниям. Прежде всего, в зависимости от фундаментальных понятий социальной науки, с которыми соотносится политическая культура. При широком подходе принята корреляция с понятием «культура» — политическая культура определяется как та ее часть, которая непосредственно связана с политикой и влияет на политическое поведение (Р. Такер, Д. Пол, Е. Вятр). Соответственно, в содержание понятия включаются и духовные феномены, и опредмеченные формы практической деятельности: исторически сложившиеся представления, ценности и нормы, а также модели и навыки политического поведения, в том числе и политические институты. В связи с этим в политической культуре выделяются структурные элементы на уровне политического сознания, политического поведения и функционирования политических институтов.

При узком подходе политическая культура соотносится с понятием «политическая система» и рассматривается как субъективный контекст политических отношений, как фактор, придающий качественную определенность деятельности политических институтов. В данном случае содержанием понятия являются исключительно духовные явления, определяющие специфику ценностно-смысловых ориентаций политических акторов, — идеи, представления и побуждения, придающие значение политическим действиям. В качестве структурных элементов при таком подходе выступают различные типы ориентаций: к примеру, когнитивные (познавательные), аффективные и оценочные (Г. Алмонд и С. Верба) или ориентации относительно институтов государственного управления,

«других» в политической системе и собственной политической деятельности (У. Розенбаум) и т.п.

В трактовке политической культуры могут также быть противопоставлены ценностная и объективистская позиции. Согласно ценностной, в политическую культуру включаются только позитивно оцениваемые явления, в то время как негативно маркированные ориентации и модели к ней не относятся. В логике данного подхода речь идет о политической культуре как идеальном типе, выстраивается вектор прогресса — в зависимости от доли негативного в общем объеме культурных феноменов — и ставится задача повышения политической культуры конкретных политических общностей. В противоположность этому объективизм настаивает на полноте охвата всех относимых к культуре феноменов, независимо от их оценки, и ведет речь о множественности политических культур, специфика которых обусловлена сочетанием и качественной характеристикой элементов.

В соответствии с позицией исследователей выстраиваются типологии политических культур. В основу типологии могут быть положены разнообразные факторы: цивилизационный тип, модели политических ориентаций, уровень открытости по отношению к другим культурам, степень внутренней целостности и наличие идеологических различий и др. Так, Г. Алмонд и С. Верба выделяют в зависимости от отношения к политике три модели, сочетание которых прослеживается во всех современных политических культурах, — парохильную, подданическую и партисипаторную. Парохильная (традиционная) культура отличается отсутствием интереса граждан к политической жизни, в подданической интерес значительно выше, однако ограничивается лишь практическими следствиями деятельности правительства. Партисипаторная культура, или культура участия — активистский тип, она характеризуется высоким уровнем вовлеченности граждан в политику.

При всем различии позиций исследователи выделяют следующие основные функции политической культуры: нормативная (определение важнейших политических ориентаций, смысла и целей политической деятельности); идентификационная (определение групповой принадлежности, связанной с защитой политических интересов); адаптивно-репродуктивная (снижение политических рисков, политическая социализация через усвоение моделей политического поведения и форм политического участия, сохранение и развитие политических традиций); интегративная (консолидация людей через систему политических ценностей и политических интересов); коммуникативно-мобилизационная (реализация взаимодействий в сфере политических отношений, побуждение к политическим действиям). Иногда выделяются также экспертная, воспитательная, прогностическая и др. функции.

При анализе сложных политических образований наряду с доминирующей политической культурой исследователи выделяют также относительно автономные образования — политические субкультуры, которые встроены в

общую политическую культуру и при этом сохраняют определенную специфику как на уровне базовых социально-политических ориентаций, так и в сфере институционального оформления публичной жизни.

Теория политической культуры наиболее востребована в сравнительной политологии. Она активно используется для обоснования политики поддержки демократического развития — в том числе путем формирования политической культуры с теми параметрами, которые определяются как соответствующие демократии.

О.Ю. Бойцова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА (ПОЛИТОЛОГИЯ) — в современном употреблении данные понятия считаются идентичными, хотя этимологическая разница существует. Заключается она в том, что «наука» — это объективное логически обоснованное знание о сущем, тогда как «логос» (от др.-греч. — слово, *учение*) предполагает еще и знание о должном. В разных национальных научных школах в соответствии с определенными традициями иногда при словоупотреблении отдается предпочтение первому или второму понятию.

Объект-предметное поле политической науки (политологии) однозначно не определено и имеет ряд концептуальных моделей, среди которых можно выделить три главные: 1) государство; 2) власть; 3) (политические) отношения. Иными словами, политология — это наука о государстве, либо политология — это наука о власти, либо политология — это наука о политических отношениях. Существуют и смешанные объект-предметные конструкции политической науки.

Вместе с тем, необходимо отметить, что уже давно идет спор о том, может ли изучение политических феноменов вообще быть научным. По сути, это непрекращающийся спор с Юмом, который еще 1741 г. выступил с утверждением, что «политика может быть сведена к науке».

Формирование теоретических представлений о государстве, власти и политических отношениях, а также концептуальных разработок о влиянии, управлении этими феноменами общественной жизни относятся к самым ранним этапам истории человеческой цивилизации. Первые научные труды по данной проблематике появляются в период Античности (Платон, Аристотель, Цицерон и др.). В XVI в. крупный вклад в развитие политической науки сделали Н. Макиавелли, М. Лютер и Ж. Боден. В 1603 г. И. Альгузиус опубликовал сочинение «Упорядоченная методическая политика», которое можно считать первым опытом учебника по политической науке. Позже в XVII–XVIII вв. политическая наука получила свое развитие в трудах Г. Гроция, Т. Гоббса, Д. Локка, Ш.Л. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо, Э. Бёрка, Д. Милля, А. де Токвиля и др. На рубеже XIX–XX вв. огромное влияние на развитие политической науки оказали работы М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Моска, В. Парето, Б. Кроче и др.

В России с 1804 г. на протяжении определенного времени в университетах существовало отделение (факультет) нравственных и политических наук, присуждалась научная степень доктора политических наук. Позже на основе прогрессивного Университетского устава 1863 г. была даже предпринята попытка отделить в преподавании политические науки от юриспруденции. Данная попытка на деле оказалась робкой и непоследовательной, но и она, тем не менее, привела к появлению целого ряда трудов и учебных курсов, в которых проводился научный анализ политических проблем. Авторами таких работ были Б.Н. Чичерин, Н.М. Коркунов, М.М. Ковалевский, М.Я. Острогорский и др.

В США и Западной Европе развитие политической науки происходило более успешно и интенсивно, чем в России. Во второй половине XIX в. политическая наука начинает выделяться в самостоятельную учебную (университетскую) дисциплину. В 1857 г. в Колумбийском университете (США) создается кафедра истории и политической науки. В 1872 г. во Франции начинается функционировать специальная Свободная школа политической науки. В 1880 г. аналогичная школа создается в Колумбийском университете. В 1895 г. Школа экономики и политической науки создается при Лондонском университете. Позднее в этих и других странах создается целая сеть отдельных подразделений (факультетов), деятельность которых была направлена на преподавание политической науки, а также на реализацию издательских и научных проектов в этой области. В конце XIX — начале XX в. получает признание и распространение и сам термин «политическая наука». Не в малой степени этому способствовал вышедший в свет в 1896 г. капитальный и ставший позже классическим труд Г. Моска «Элементы политической науки».

Произошедшие в конце XIX — первой половине XX века институциональные и структурные изменения в области политической науки некоторыми учеными были истолкованы как исходный рубеж для развития собственно политической науки, тогда как до этого следует говорить лишь о развитии политической мысли или политических идей. На самом деле это было не «рождение» политической науки, а конституирование ее места в новой дифференцированной системе гуманитарных наук, которая как раз и формируется на рубеже XIX и XX вв. В этой новой системе большое значение начинает придаваться разграничительным объект-предметным линиям, что для политологии означало разрыв интеграционных связей с философией и юриспруденцией, идейными и методологическими средствами которых политология продуктивно пользовалась на протяжении предшествующих веков.

В 1948 г. в Париже под эгидой ЮНЕСКО состоялся международный симпозиум по проблемам политической науки, на котором были приняты общие рекомендации по определению предметных рамок данной науки, а также по принципам и направления ее преподавания. Немного позднее экспертами, обобщившими материалы конгресса, было предложено четыре основных направлений политологических исследований: 1) *поли-*

тическая теория (в том числе и история политических идей); 2) *политические институты* (конституция, центральное управление, региональное и местное управление, публичная администрация, экономические и социальные функции управления, сравнительное изучение политических институтов); 3) *партии, группы и общественное мнение* (политические партии, группы и ассоциации, участие граждан в управлении и администрации, общественное мнение); 4) *международные отношения* (международная политика, политика и международные организации, международное право). Тем самым в мировом политологическом сообществе было принято консолидированное для того времени решение о неких рамках исследовательского поля политической науки. Впоследствии, эти рамки постоянно уточнялись и расширялись.

На конгрессе 1948 г. было принято решение употреблять термин «политическая наука» в единственном числе, включив тем самым в единое объект-предметное поле различные энергично развивавшиеся в то время субдисциплины — политическую социологию, политическую философию, политическую географию и др. В 1949 г. под эгидой ЮНЕСКО была создана Международная ассоциация политической науки, а политология как самостоятельная научная и учебная дисциплина была введена в программы ведущих университетов США и Западной Европы.

Во второй половине XX века политическая наука существенно расширяет свой исследовательский диапазон, создаются новые направления и формы политологического анализа, к которому привлекается широкий набор методологических и методических подходов (включая, математические). Достаточно энергично в этот период начинают развиваться такие направления политической науки, как политическая география, геополитика, хронополитика, политическая глобалистика и экополитология, политическая социология, политическая психология, этнополитология, сравнительная политология, политическая конфликтология, прикладная политология. В 70–90-е гг. выходят многотомные обобщающие труды по политологии: восьмитомное «Руководство по политической науке» под редакцией Ф. Гринстейна и Н. Полби (1975), четырехтомный «Трактат по политической науке» под редакцией М. Гравитц и Ж. Лека (1985) и др. В 1996 г. под редакцией Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна выходит в свет оксфордское издание «Новое справочное издание по политической науке», которое признается наиболее удачным энциклопедическим обзором современной мировой политологии (русский перевод 1999 г. под названием «Политическая наука: новые направления», научный редактор Е.Б. Шестопал). Среди ведущих имен современной политической науки следует также назвать А. Алезина, Ч.Р. Алкера, Г.А. Алмонда, Д.И. Альта, Д.И. Аптера, А.Б. Аткисона, Б. Бэрри, Д. Берг-Шлоссера, Э.Г. Карминаса, Д.Л. Сингранелли, Р. Дж. Далтона, М. Догана, Г. Друри, П. Данливи, К. Гоулдмана, Р.И. Гудина, Б. Грофмана, Р. Хоффербергера, Р. Хакфельда, Д.И. Джексона, Р.О. Кеохейна, Г.-Д. Клингеманна, С. Липсета, П. Мэра, Д. Маджоне, К. Макгроу,

Ж. де Мёра, У.И. Миллера, Б. Нельсон, К. Оффе, Ф.У. Паппи, Б. Пареха, Б.Г. Питерса, Ч. Рейджина, Б. Ротстайна, К. фон Байме, Б.Р. Вейнгаста, Л. Уфйтхеда, В. Райта, А.М. Янга и др.

В современной России возрождение политологии как научной и образовательной дисциплины началось в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого века, когда в университетах открываются специализированные кафедры и отделения, учреждаются ученые степени кандидата и доктора политических наук, выходят в свет учебники и монографии по политологии (Т.А. Алексеева, М.А. Василик, К.С. Гаджиев, М.В. Ильин, М.А. Мельвиль, А.С. Панарин, В.П. Пугачев, А.И. Соловьев и др.). Позже в российских университетах открываются отдельные факультеты политологии (МГИМО, Высшая школа экономики, МГУ имени М.В. Ломоносова, СПбГУ и др.).

Е.Н. Моцелков

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА. Понятие «политическая система», широко употребляемое сегодня, получило обоснование лишь к середине XX века. Это связано с тем, что в середине XIX в. начала активно формироваться сама теория систем: «общая теория систем» Л. фон Берталанфи в биологии и в кибернетике (Н. Винер), в социологии (Ч. Кули), в теории управления (Ф. Тейлор, А. Фойоль), в экономике (В. Леонтьев).

Система — это множество закономерно связанных друг с другом элементов, представляющее собой определенное целостное образование, единство. К универсальным признакам системы можно отнести: взаимосвязанность группы элементов, образование ими самостоятельной целостности, внутреннее взаимосоответствие, способность сохраняться и вступать в отношения со средой и другими системами.

Одним из первых общую теорию систем к социально-политическим процессам пытался применить Т. Парсонс. Прежде для анализа политической деятельности использовались такие термины, как «государство», «закон», «правительство», но все они носили узкий правовой и институциональный смыслы. Введение понятия «политическая система» позволило более последовательно и детально рассмотреть социально-политическую основу общества, принципы организации политической власти, социально-политические институты и т.д.

Политическая система общества распределяет ресурсы и ценности в обществе и убеждает граждан принять это распределение как обязательное. П.С. является универсальной, обладает легитимированной принудительностью в обществе. Ее решения обязательны для всех граждан.

В научной литературе представлены многообразные концепции и определения политической системы. Так, Т. Парсонс отмечает, что это подсистема общества, назначение которой в определении коллективных целей, обеспечении интеграции, мобилизации ресурсов, принятии решений, реализации общих целей.

Американский политолог Д. Истон подчеркивает, что политическая система — это совокупность взаимодействий по поводу волевого распределения ценностей. Она преобразует поступающие требования и поддержку («вход») в соответствующие решения и действия («выход»). Представляя собой цепь без начала и конца, она находится в постоянном саморазвитии и саморегулировании, что предохраняет ее от саморазрушения. Политическая система — это открытая система, изменяющаяся под влиянием факторов внешней среды.

Представители функционального подхода (Г. Алмонд) определяют политическую систему как совокупность ролей и их взаимодействий между собой. При анализе сущности системы акцент делается на выявлении и исследовании ее функций.

Анализ политической системы невозможен без рассмотрения ее структуры, т.е. внутренней организации, выступающей как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами.

В последние годы преобладающим является подход, определяющий структуру политической системы как совокупность институциональной, нормативной, функциональной и коммуникативной подсистем.

Институциональная подсистема — это совокупность различных политических институтов, социально-политических общностей, субъектов, форм взаимодействий между ними, в которых реализуется политическая власть. Она включает в себя: государство, политические партии, общественные организации, лоббистские объединения и т.д.

Нормативная подсистема — политические и правовые нормы, политические традиции, политическая этика — регулирует деятельность и взаимодействие организаций, входящих в политическую систему, все общественные отношения.

Функциональная подсистема включает способы и методы осуществления политической власти (политический режим), направления политической деятельности.

Важную роль в функционировании политической системы играет *коммуникативная* подсистема, элементами которой, например, являются политическое сознание и политическая культура. Политическое сознание определяет восприятие и осознание индивидом мира политики, политических интересов, его отношение к политической действительности. Политическая культура характеризуется уровнем участия граждан в политической жизни, в выборах представительных органов власти, в обсуждении законопроектов и т.д.

Существует мнение, что политическая система включает и такие элементы, как историческое наследие общества и стиль принятия политических решений, политические традиции и идеологию.

Политическую систему общества следует представлять не как сумму составляющих ее элементов, а как их взаимодействие, как систему со сложной структурой, находящуюся в постоянном движении, функционировании и

развитии. Элементы политической системы также имеют свою структуру. Взаимодействие элементов приобретает характер многообразных отношений между индивидами, партиями, организациями и т.д. Политические отношения придают качественную определенность политической системе, т.к. в них концентрируются и сталкиваются потребности и коренные интересы, воля различных социальных групп. От специфики субъектов политических отношений зависят конкретно-исторические условия, способ существования и функционирования политической системы.

Любая политическая система призвана решить ряд задач. Среди них: определение целей и перспектив развития общества, сохранение системы и адаптация ее к новым условиям политической реальности, мобилизация ресурсов для достижения поставленных целей и т.д. Для этого система должна быть многофункциональна.

Функции политической системы разделяют на внутренние и внешние. К *внутренним* функциям относятся:

- политическая социализация, т.е. привлечение к политической деятельности граждан;
- артикуляция интересов, т.е. формирование требований к политикам, принимающим решения;
- агрегация интересов, т.е. приведение интересов к единообразию, распределение их по степени важности, классификация или «политизация», т.е. придание им вида политической программы или политического заявления;
- политическая коммуникация — распространение информации между элементами политической системы и социальной средой;
- выработка правил или нормотворчество, т.е. разработка законов, конкретных правил, необходимых для реализации целей;
- применение правил или приведение законов в действие;
- контроль над соблюдением законов;
- защита существующей экономической и социальной системы от дестабилизации и т.д.

Внешними функциями политической системы являются:

- защита суверенитета;
- отстаивание государственных интересов;
- развитие взаимовыгодного сотрудничества с другими государствами и др.

Стабильность политической системы. Все политические системы подвержены изменениям. Их можно рассматривать как динамичные неравновесные системы, в которых постоянно происходит нарушение и восстановление равновесия. В любой политической системе всегда действуют тенденции, порождающие кризисы, дестабилизирующие политическую жизнь, и тенденции, способствующие сохранению равновесия. Устойчивость системы зависит от соотношения этих процессов. Задачей любой политической системы является поиск факторов и состояний, обеспечивающих ее стабильность.

Понятие «стабильность» применительно к политической системе означает: в обществе не происходит революций и гражданских войн; отсутствуют условия для применения насилия; не наблюдается протеста против существующего строя; не происходит постоянного пересмотра Конституции и т.д. Для стабильного государства характерны: преемственность и неизменность формы правления; всеобщее осознание статуса самостоятельного независимого государства; постепенная, в соответствии с нормами права, циркуляция элит; доверие к политической власти и к политическим лидерам; консенсус между различными социальными и политическими силами и т.д.

Практика также показывает, что стабильность политической системы возможна лишь при условии, что она основана не только на воле элиты, но и на согласии граждан, составляющих большинство в государстве. В стабильной политической системе воля элиты совпадает с волей граждан и реализуется без каких-либо значительных трудностей, без использования методов насилия, физического принуждения. Управление и подчинение являются взаимодополняющими аспектами стабильной политической системы.

Политическую нестабильность, в первую очередь, следует отнести за счет слабости государства или его неспособности выполнять свою роль. Нестабильность усугубляется также низкой политической культурой граждан и глубоким расслоением в обществе — экономическим, этническим, идеологическим и др.

Состояние дестабилизации может обусловить кризис политической системы, проявляющийся в столкновении элиты с растущим сопротивлением со стороны масс, в обострении конфликтных ситуаций в развязывании гражданской войны в государстве и т.д.

Одной из основных задач политической системы является урегулирование конфликтов. Выделяют три стратегии реагирования. Это:

□ Стратегия отрицания или подмены, т.е. стратегия увиливания от реальных конфликтов, когда их не замечают, отрицают, дают им «тлеть», перемещают их в другую, менее опасную для политической системы плоскость. Это в конечном счете приводит к их усугублению, к кризису.

□ Стратегия переговоров — целесообразна когда, между сторонами имеется хотя бы минимальная сфера совпадающих интересов. Она позволяет избежать применения насилия, предполагает достижение консенсуса между конфликтующими сторонами и в обществе в целом.

□ Стратегия конфронтации — демонстрирует нарушение консенсуса, связана с применением силы, принуждением. Чем шире конфликт, тем меньше шансов на мирное урегулирование, тем меньше возможностей сохранить стабильность политической системы.

Границы политической системы определяются пределами действия обязательных решений данной системы. Обычно они совпадают с географическими границами государства, и все люди, находящиеся внутри данных границ, рассматриваются как члены одной политической систе-

мы. Границы могут расширяться или сужаться в зависимости от легитимности и стабильности политической системы.

Типология политических систем. Попытки типологизировать политические системы имеют давнюю историю и отнюдь не отличаются единообразием. Это связано с наличием многообразия подходов к выбору оснований классификации.

Одна из наиболее популярных классификаций принадлежит американскому политологу Г. Алмонду. Анализируя типы политической культуры общества, он выделяет четыре вида политической системы общества.

Англо-американский тип характеризуется гомогенностью культуры, т.е. основные цели и идеалы разделяют большинство граждан общества. Это стабильные системы с развитой законодательной основой, разделением властей, многопартийностью и т.д. Их основными ценностями являются права и свободы личности, безопасность, массовое благосостояние. Среди государств данного типа политической системы можно назвать Австралию, Англию, Канаду, США и др.

Континентально-европейский тип отличается сосуществованием старых и новых культур, взаимодействием в политике традиционного и современного. Для них характерна эклектичность политической культуры. Партии и общественно-политические объединения свободно функционируют в границах существующих конституционных норм. Представительная и исполнительная ветви власти осуществляют свою деятельность на основе определенных законом регламентов и процедур. К странам континентально-европейского типа систем относятся Франция, Италия, Германия.

Доиндустриальный и частично индустриальный тип характеризует наличие смешанной политической культуры, соединяющей в себе западные ценности и религиозные, этнические традиции. Его отличительными чертами являются насилие, диктаторство власти, сильная армия и бюрократический аппарат, вмешивающиеся в деятельность законодательных органов власти. К данному типу можно отнести политические системы многих государств Африки, Азии и Латинской Америки.

Тоталитарные системы характеризуются искусственной гомогенностью, что обусловлено отсутствием политического плюрализма, оппозиции, разделения властей. Как правило, это однопартийные системы, использующие жесткие методы подавления и принуждения. В таких государствах царит чрезмерная централизация. Примерами являются системы фашистской Италии, нацистской Германии.

Более полную классификацию политических систем различных государств можно дать, лишь используя комплексный критерий, включающий форму государственного устройства, форму правления и политический режим. Так, по форме государственного устройства можно выделить унитарное государство, федерацию и конфедерацию; по форме правления — республику, монархию; по политическому режиму можно выделить демократические, авторитарные и тоталитарные государства.

Существование политической системы во времени характеризуется как процесс изменения, развития или деградации политических отношений и институтов. Например, смена власти и становление государства какого-либо нового типа означает изменение типа политической системы.

Политическая система каждой страны своеобразна, как и ее общество. Ее также можно классифицировать как открытую и закрытую; традиционную и модернизированную; стабильную и неустойчивую; централизованную и децентрализованную. Она должна быть легитимной и поддерживающей порядок в обществе. Развитая политическая система, заботясь о своем выживании, будет способствовать распространению позиций, ценностей, идеалов, обеспечивающих ее сохранность и дальнейшее совершенствование через структуры политической социализации (семью, органы образования, политические партии и др.).

И.В. Верезгова

ПОЛИТИЧЕСКОЕ — как самостоятельное понятие введено в научный оборот немецким политическим философом Карлом Шмиттом, который в 1927 г. опубликовал первый вариант ставшей впоследствии знаменитой научную работу под названием «Понятие политического». Именно К. Шмитт впервые статус политического обозначил как проблему, которую нельзя свести только к деятельности государства. Политическое, по Шмитту, охватывает гораздо более широкие сферы и «обозначает степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей».

Во второй половине XX века «политическое» становится одним из ключевых понятий и проблем политической философии (философии политики), которая, правда, в научной литературе получает множество различных толкований и интерпретаций. Вместе с тем, во всем этом многообразии выкристаллизовывается некое общее понимание политического не как простого прилагательного от слова «политика», а как самостоятельной проблемы, имеющей философское содержание.

Правомерно провести следующую разграничительную линию между «политикой» и «политическим»: первая (институты, структурные элементы, учреждения и процедуры) входит в сферу изучения политической науки (политологии), а вторая (природа власти и государственной жизни, политических связей и отношений) принадлежит философии (политической философии/философии политики). Такое различие можно представить и в виде существования двух исследовательских подходов (собственно политологического и политико-научного или политико-философского), которые тесно взаимосвязаны, но не совпадают друг с другом. Первый из этих подходов занимается анализом «фактов» политических процессов и явлений и отвечает на вопросы «что», иногда «как», тогда как второй исследует их «сущность», их «идеалы» и поэтому отвечает на вопросы «почему» и «что будет» или «что должно быть».

Следует отметить, что концептуальные различия в исследовании политических феноменов (несводимость политического к политике) появляется уже в период Античности и проходит через всю историю философско-политической мысли.

Е.Н. Моцелков

ПОСТМОДЕРН (от лат. *post* — после, *modernus* — современный) — состояние мира, существование которого основано на принципах, отличных от постулатов эпохи Современности (*Modernité/Modernity*); эпоха, пришедшая на смену эпохе Современности. В значении, близком к современному, П. впервые употребляется в 1917 г. в книге Р. Панвитца «Кризис европейской культуры», где сочетание «постмодерный человек» служит определением для категории людей, призванных преодолеть упадок европейской культуры. С 60-х годов XX в. термин «П.» осмысливается более широко и анализируется как явление, обладающее определенным набором характеристик, применимых к каждой сфере человеческой жизни — социальной, политической, экономической, культурной (Л. Фидлер и И. Хассан). Окончательно термин «П.» входит в научный лексикон после появления работ Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» (1979) и «Заметка о смыслах «пост» (1985). Особенности П. выражаются в различных формах движения мысли — в искусстве, литературе, философии, политике. Сознание П. отличается способностью к анализу, осмыслению и соединению разрозненного в едином пространстве. Специфической характеристикой П., по Лиотару, является «недоверие к метарассказам». Под «метарассказами» понимаются сформулированные в эпоху модерна (Нового Времени) принципы, на которых были построены «великие» объяснительные системы — гегелевская диалектика Духа, законы механики Ньютона, идеи эмансипации личности, представления о прогрессе и т. п. Помимо названных черт П., данное состояние характеризуется наличием следующих признаков: игра, которая противопоставляется модернистской концепции цели, анархия — иерархии, рассеивание — центрированию, комбинация — селекции, неопределенность — определенности. Отказ от системности и подчинения категориям рационального в П. связан со стремлением к преодолению принципов, по которым существовала теория Нового времени, эпохи модерна. Сама система критериев, выработанных модерном (рационализм, критицизм, индивидуализм, научный и технический прогресс, противоречит восприятию постмодернистской действительности в целом и политического в частности. С неприятием данных критериев связана невозможность создания некоторой единой политической теории в рамках П. Теоретизация политики в эпоху П. сводится к «микropolitике», то есть к специфичным для отдельных регионов или уровней политической деятельности. Теория политики П. представляет собой совокупность некоторых принципов, часть которых имеет

принципиальное отличие от положений классической политической теории. Альтернативу модернистским политическим доктринам и партийным организациям теоретики П. видят в антивоенном, правозащитном и экологическом движениях, движениях «народной дипломатии», движениях, отстаивающих интересы этнических, культурных, сексуальных меньшинств, локальных общин и т.д. Политика эпохи П. — это также «миноритизированная» политика. Электорат как однородная масса, распределяющаяся на большинство и меньшинство вдоль единственной оси «правые — левые», замещается конгломератом меньшинств, для которых главной ставкой в политической борьбе является право на альтернативный образ жизни. В такой ситуации стратегия сбора голосов не может базироваться на однозначной, унифицированной доктрине-идеологии. Мультикультурализм становится не столько идейной, сколько прагматической основой политической деятельности. Для эпохи П. признание системности, структурности политического устройства мира является невозможным, поскольку эти понятия противоречат базовым характеристикам данного явления. Если в постиндустриальном обществе мультикультурализм — повод подчеркнуть необходимость выработки единых принципов совместного существования при сохранении культурных особенностей той или иной нации, то в эпоху П. это — базис, на котором в идеале должна строиться политика. Главная политическая ценность в П. — возможность жить по правилам, отличным от общепринятых. Таким образом, изменяется понимание политического и главной его составляющей — власти. Одна из основных установок П. связана с тем, что власть не являет собой иерархичную систему, но представляется децентрализованной и дисперсивной.

Возможность существования и эффективность политической власти в эпоху П. непосредственно связана с властью знака, символа, текста, информации.

К.Ю. Аласания

ПОТРЕБНОСТЬ (от древнерус. трѣбъ — потребный) — это состояние субъекта, обусловленное испытываемой им необходимостью в чем-либо для своего существования и развития. П. представляют собой необходимые материальные и духовные ценности, которые обеспечивают развитие личности и общества в целом. П. выступают побудителем активности субъекта, направленной на устранение несоответствия между необходимостью и реальностью. Феномен П., их природа, роль в деятельности, классификация находится в центре внимания различных научных дисциплин на протяжении уже достаточно долгого времени. По некоторым источникам первые исследования, посвященные феномену П., приходится на время Древней Греции и Древнего Рима. Античные философы считали П. основными побудительными силами человеческой

деятельности. Демокрит полагал, что П. являются основной движущей силой, которая способствовала развитию человека, позволив приобрести язык, речь и привычку к труду. «Действительно, сама нужда служила людям учительницей во всем, наставляя их соответствующим образом в познании каждой вещи...» Эпикур считал, что жизнедеятельность человека связана с удовлетворением П. Он различал естественные и необходимые П. — те, которые избавляют человека от страданий; естественные, но не необходимые П. — те, которые разнообразят наслаждения; не естественные и не необходимые П. — те, которые порождаются праздными мнениями. Суть учения Эпикура о П. состоит в обязательном удовлетворении необходимых потребностей: «Путь к счастью возможен тогда, когда человек, руководствуясь разумом и волей, удовлетворяет эти естественные и необходимые потребности». Гераклит признавал за П. источник развития и совершенствования интеллектуальных способностей человека. При этом, по его мнению, удовлетворение П. должно быть умеренным. Платон в своих работах уделял феномену П. пристальное внимание. Он выделял первичные П., образующие «низшую душу», и вторичные П., образующие «разумную, благородную» душу, цель которой руководить первой. Дальнейшее развитие данный вопрос получил в эпоху Нового времени, в русле материалистического направления европейской философии. Основоположником активного изучения этого феномена стал Ф. Бэкон, который рассматривал понятие П. как связующее звено в формировании общества. При этом он полагал, что существует три типа блага, которые люди ждут для себя от гражданского общества: избавление от одиночества, помощь в делах и защита от обидчиков. Ф. Бэкон указал на то, что П. надо воспринимать как данность, поскольку ее нельзя отменить. Французские материалисты конца XVII в. полагали, что П. играют в жизни индивида огромную роль и являются главными источниками активности. По мнению П. Гольбаха, П. — это движущий фактор наших страстей, воли, умственной активности. П. человека непрерывны, и это обстоятельство служит источником его постоянной активности. Н.Г. Чернышевский связывал с П. и развитие познавательных способностей человека. В качестве самостоятельной научной проблемы вопрос о П. стал рассматриваться в поле различных дисциплин в первой четверти XX века. В это время появилось множество классификаций П. Одной из самых широкоизвестных является классификация П.А. Маслоу. Ученый описал человека как «желающее существо», которое редко достигает состояния полного, завершенного удовлетворения. Маслоу предположил, что все П. человека врожденные, или инстинктоидные, и что они организованы в иерархическую систему приоритета или доминирования. П. выстроены в пирамиду в порядке их очередности: физиологические П. (голод, жажда); экзистенциальные П. (безопасность, постоянство условий жизни); П. в принадлежности и любви; П. в уважении; познавательные П.; эстетические П.; П. в самоактуализации.

А. Маслоу полагал, что П., расположенные внизу пирамиды, должны быть более или менее удовлетворены до того, как человек может осознать наличие и быть мотивированным П., расположенными вверху. Однако он допускал, что могут быть исключения из этого иерархического расположения мотивов. Теория А. Маслоу подвергалась активной критике по многим параметрам, однако основным ее недостатком считалось то, что исследователь не учел индивидуальные П. Эдвард Лоулер, напротив, ввел иерархическую структуру индивидуальных П. — предпочтений, которую человек формирует на основании своего прошлого опыта. Исследователь К. Альдерфера классифицирует П. на три группы: П. существования, связи и роста П. существования соответствуют первым двум группам П. Маслоу, П. связи — третьей и четвертой группам; П. роста — остальным. Данная схема, как и схема А. Маслоу, имеет иерархическую структуру. Д. МакКлелланд выделяет П. достижения, соучастия и власти. Эти П. не имеют иерархической структуры, они взаимодействуют в зависимости от индивидуальной психологии человека. Еще одна достаточно дробная классификация П. была предложена Г. Мюрреем. Исследователь выделял П. покорности, достижения, близости, агрессии, независимости, противодействия, защиты, статуса, контроля, самосохранения, порядка, игры, отвержения, суждения и другие. Большую известность получила двухфакторная теория П.Ф. Герцберга, которая широко используется в современных теориях менеджмента. Согласно этой теории все факторы, определяющие поведение человека на предприятии, можно разделить на две группы: гигиенические и мотивирующие. К первым Герцберг предлагал относить санитарно-гигиенические условия труда, обеспечение физиологических П., а также П. в безопасности и уверенности в будущем. Мотивирующие факторы соотнесены с П. самовыражения и развития. Значительное внимание уделено анализу потребностей в отечественной литературе по психологии и социологии. В частности, В.И. Тарасенко рассматривал две группы П.: существования и развития; В.Г. Подмарков — три группы: обеспечения, призвания и престижа. В настоящее время вопрос о природе человеческих П. и их роли в деятельности человека привлекает значительное внимание исследователей. Это связано с тем, что развитие современного общества характеризуется нарастанием темпов технического прогресса, создающего все новые и новые способы удовлетворения потребностей, что, в свою очередь, существенно изменяет многие параметры жизнедеятельности человека.

Ю.И. Воробьева

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА — принципы, нормы взаимоотношений между людьми, между людьми и государством, обеспечивающие индивиду возможность действовать по своему усмотрению (свободы) или получать определенные блага (собственно права). Право — это общеобязательная система норм, соответствующих принципу формального равенства.

Проблема прав человека сопутствует всей истории человечества. Права человека представляют собой один из способов трактовки и практического решения вопроса взаимоотношений человека и той общности, в которой он проживает и официальным представителем которой выступает власть. Они утверждают в этих взаимоотношениях свободу и достоинство личности, ее высший ценностный статус.

Предыстория прав человека связана с самоопределением человека через принадлежность к роду. Источником прав человека становятся традиции и обычаи, складывающееся на их основе, так называемое обычное право (военная демократия, общинное самоуправление) как зачаточная форма права естественного. Неотъемлемые права гражданина античного полиса являются первой юридической формой прав человека, развитой римским правом.

Права человека имеют всеобщее значение и представляют собой универсальную ценность. Во Всеобщей декларации прав человека подчеркивается, что признание прав за всеми членами человеческой семьи является «основой свободы, справедливости и всеобщего мира».

Термин «права человека» употребляется в широком и в узком смысле. В широком значении в понятие «права человека» включают весь обширнейший комплекс прав и свобод личности, их различные виды.

В узком значении это только те права, которые не предоставляются, а лишь охраняются и гарантируются правовым государством. Они действуют независимо от их конституционного закрепления и государственных границ. Это права, которые даются каждому человеку при рождении. К ним относятся: право на жизнь и телесную неприкосновенность; уважение человеческого достоинства; свобода веры и совести; равенство всех людей перед законом; право родителей на воспитание детей, свобода от произвольного, незаконного ареста или задержания; право на сопротивление угнетателям и др. Современная типология прав человека разнообразна. Одна из типологий основана на разграничении в правах негативного и позитивного аспекта свободы. В негативном значении свобода понимается как отсутствие ограничений по отношению к личности, принуждения, это возможность действовать по своему усмотрению. В позитивном — это свобода выбора, это способность человека к достижению поставленных целей, проявлению способностей и т.д. В соответствии с этим права делятся на негативные (свободы) и позитивные. Негативные права считаются абсолютными. Их осуществление не зависит от возможностей и ресурсов государства. Они определяют обязанности государства и других людей воздерживаться от тех или иных действий, ограничивающих свободу индивида. Действие этих прав направлено на ограждение личности от различного рода несправедливых и нежелательных посягательств со стороны правительства. (Пример: Билль о правах Конституции США.)

Позитивные права фиксируют обязанности государства, организаций и лиц предоставлять гражданину те или иные блага, осуществлять опре-

деленные действия. Это социальные права: право на образование, на охрану здоровья, на достойный уровень жизни и др. Осуществление подобных прав зависит от уровня социально-экономического развития государства.

Выделяют также личные и политические, экономические, социальные и культурные права. Личные (гражданские) права — это естественные, неотъемлемые права человека. Они в основном имеют характер негативного права. Личные права производны от естественного права на жизнь и свободу. Ими от рождения обладает каждый человек. Они призваны гарантировать индивидуальную автономию и свободу личности. Это: право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность; право на защиту чести и доброго имени; на справедливый независимый и публичный суд, предполагающий защиту обвиняемого; на тайну переписки, телефонных, телеграфных и иных сообщений; свободу передвижения и выбора места жительства, в том числе право покидать любое государство, включая собственное, и возвращаться в свою страну и т.д.

Политические права определяют возможности участия в политической и общественной жизни государства. Предоставление этих прав должно носить преимущественно регистрационный характер. Для реализации этих прав необходимо лишь уведомление гражданами соответствующих органов и учет их предписаний с целью соблюдения законности. Это: право человека на гражданство; избирательные права; свобода совести; право на информацию и др.

Экономические права обеспечивают свободное распоряжение индивидом предметами потребления и основными факторами хозяйственной деятельности. Это: право частной собственности; предпринимательства; право свободного распоряжения рабочей силы и др.

Социальные права включают право на справедливые и благоприятные условия труда; право каждого человека на социальное обеспечение; право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья; право на образование и др.

Права каждого человека на участие в культурной жизни; на пользование результатами научного прогресса и их практического применения; на пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является, определяют содержание культурной составляющей прав человека.

Ранее идея природных прав прослеживается в английской «Великой хартии вольностей» (1215). По сути это документ не о правах человека, а о политико-юридических основаниях урегулирования конкретного исторического вопроса. Впервые в Европе документально содержательно права человека были отражены в «Двенадцати статьях» 1525 года — манифесте Реформации и Крестьянской войны в Германии. Авторы этого манифеста заявили о праве на свободу совести, что являлось предметом дис-

куссий XVI века. Позднее американский философ и политик Т. Джефферсон и его соратники в «Декларации независимости» 1776 года дали классическую формулировку прав человека «...все люди созданы и наделены своим Создателем определенными неотчуждаемыми правами, среди которых право на свободу, жизнь и стремление к счастью».

Понятие «права человека» впервые употребляется во французской «Декларации прав человека и гражданина», принятой в 1789 году. Позднее эта Декларация полностью была включена в текст первой постабсолютистской Конституции Франции (1791).

В этих документах были провозглашены неотъемлемыми правами человека свобода личности, свобода совести, свободное выражение мыслей и мнений, равенство граждан перед законом, право на сопротивление угнетению.

Права человека отражают весь комплекс отношений, характеризующих положение личности в обществе. Соблюдение прав человека в рамках государства служит показателем политического, экономического, духовного здоровья общества. Еще в 1789 г. в преамбуле французской Декларации прав человека и гражданина было отмечено, что «незнание, забвение и неуважение прав человека являются единственной причиной общественных несчастий и коррумпированности правительств».

В XIX веке особую актуальность получает проблема рабства, имеющая непосредственное отношение к правам человека. В Британской империи в 1807 году появился Акт о работорговле, запрещающий торговлю людьми. В 1833 году был принят Акт об отмене рабства.

В США XIX век был веком борьбы за отмену рабства. Был принят ряд поправок к Конституции США, которые запрещали рабство, гарантировали полноценное гражданство и полный набор соответствующих прав всем, кто родился на территории государства, а также предоставляли чернокожим американцам право голоса.

В XX веке в связи с сильным влиянием социалистических и социал-демократических движений, а также под давлением развивающегося профсоюзного движения спектр политических и гражданских прав был существенно расширен социально-экономической проблематикой. Были зафиксированы права на труд, отдых, социальную помощь, на объединение в профессиональные союзы и др.

В настоящее время обсуждается идея совокупных прав человечества, которые объемлют все названные выше права.

Права человека определены и гарантированы в основных правовых документах Организации Объединенных Наций: во «Всеобщей декларации прав человека» (1948), в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966), в «Международном пакте о гражданских и политических правах» (1966) и в Факультативном протоколе к последнему, а также в Европейской конвенции по правам человека. Эти соглашения утвердили международный стандарт прав человека и

гражданина и гарантии обеспечения этих прав в конституциях государств-участников международных договоров.

В современной России права человека закреплены в действующей Конституции 1993 г. Наряду с правами, перечисленными в международном стандарте прав человека, в России список дополняется такими правами, как право на благоприятную окружающую среду, право на информацию и др.

Наиболее полно и развернуто конституционные права человека представлены в ежегодном докладе Уполномоченного по правам человека. В таком докладе за 2012 год отмечается, что «взгляды и убеждения любого человека, его партийная принадлежность, любые факты биографии, образование, род занятий, сексуальная ориентация — ничто не может быть основанием для ограничения его прав и свобод иначе как в соответствии с законом».

В современных демократических государствах права человека — это не просто юридические нормы или законы, а принципы, составляющие ценностные основы политики. Они представляют собой принципы, нормы взаимоотношений между людьми и государством, обеспечивающие индивиду возможность действовать по своему усмотрению (эту часть прав обычно называют свободами) или получать определенные блага (т. е. собственно права).

И.В. Веззгова

ПРАВО — общественный феномен, сущность которого, а также его происхождение в истории общественной мысли не имеет общезначимых и общепризнанных трактовок. Определения права содержат описания характеристик его содержания и его функций. Основными из этих определений являются следующие.

Право — это:

- совокупность правил (норм), определяющих поведение и взаимодействия людей и общественных институтов;
- социальный регулятор общественных отношений;
- императив, стоящий над государством и законом и обеспечивающий, защищающий государство как наиболее адекватную форму самоорганизации общественной жизни;
- единство равной для всех нормы и меры свободы и справедливости.

Эти и другие определения права обусловлены типом правопонимания, в основе которого, в свою очередь, лежат различные философские представления об обществе и человеке.

Е.Н. Моцелков

В праве есть, по крайней мере, два существенных определения. Право — это справедливость, ограниченная законом. И право: — это свобода, ограниченная законом. На деле, как показывает опыт истории, при всей

притягательности и первого и второго определений (и справедливость хорошо, и свобода вроде тоже...), справедливость-равенство всегда обобщалось сначала апологетикой преимуществ-привилегий, затем сословно-классовым делением, противостоянием-оппозицией и даже апологетикой противостояний-конфликтов в обществе, как условием благополучия в виде инакомыслия. Действительно, вроде бы справедливо дать своему туземному гражданину или классу больше, чем «чужаку», «пришломu», «мигранту-переселенцу» или «лишнему». Последний пусть еще заслужит и докажет свою лояльность... Для этого делят людей на «наших» и «не наших», «верных» и «неверных». «Свободных-полноправных» (аквилумы — в Вавилоне), «полусвободных-полуправных» (мушкенумы — в том же Вавилоне, метеки в Греции). И «несвободных», «людей-вещей», которые не распоряжаются ни другими, ни даже собою... Такое право всегда заканчивалось институтом рабства и крахом государств. Те, кто сейчас ратует за многочисленные миграционные визы и предписания, должны отдавать себе отчет в юридических последствиях подобных начинаний. Право как свобода говорит другое. Да, человек, его социальное поведение обусловлено многими факторами: и природной средой, и воспитанием, и социально-экономическими условиями, и многим, многим другим. По при всем при этом именно он, человек, несет личную ответственность за выбор или отрицательной, или положительной свободы. И именно в этом случае — он фигурант, т.е. вменяемое и вмененное юридическое лицо, ответственный и законопослушный гражданин своего государства. Как видим, общая «теория права» имеет чрезвычайно практический характер. Не только для «бытия» человека, но и для его «быта».

Таким образом, право является сводом определяющих социальные отношения и управляющих ими уполномочивающих норм, дающих в их совокупности законы, которые, в свою очередь, в своей совокупности дают институциональное оформление социальным отношениям с помощью учреждений. Последние, в свою очередь, осуществляют те или иные нормы и законы, с той или иной степенью интенсивности и успешности. Сам процесс такого рода осуществлений и является политикой.

В.И. Шамиурин

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА — понятие, фиксирующее качественную характеристику правового состояния общества, определяемую сочетанием материальных и духовных компонентов культуры, соотнесенных с функционированием права.

Среди исследователей все еще нет единого подхода к трактовке как самой правовой культуры, так и ее структуры, компонентов, содержания, функций и т.д. В теории правовой культуры доминирует ценностный подход, при котором в содержание понятия включаются только позитивно маркированные феномены: правовая культура характеризует уровень

развития общества с точки зрения полноты осуществления принципа верховенства права, степени эффективности правового регулирования, распространенности правомерного поведения. Негативные феномены — такие, к примеру, как пренебрежение к требованиям права, нарушение законодательства, несоблюдение прав граждан и пр. — в понятие правовой культуры не включаются и фиксируются понятиями «правовой нигилизм», «правовой фетишизм», «правовой инфантилизм» и т.п.

История правовой культуры предстает как прогрессирующее развитие права и государства от первоначальных примитивных форм до современных форм правовой государственности. Таким образом, идеальной моделью наивысшей степени развитости признается правовая культура, при которой определяющую роль в правовой организации общественной и государственной жизни играют права и свободы гражданина; эффективно действует разветвленная система легализованных форм, средств и процедур воздействия гражданского общества на государство и контроля за его деятельностью; практически реализуются принципы конституционализма и верховенства правового закона, согласованно и эффективно функционируют все ветви государственной власти; в массовом правосознании утверждены чувства уважения к закону и правопорядку, граждане проявляют активность в осуществлении своих прав и неукоснительно исполняют свои обязанности. Соответственно, признается, что конкретные общества находятся в одно и то же время на разных ступенях развития правовой культуры. Правовая культура в конкретном обществе оценивается с позиций развитости и согласованности основных ее элементов, к которым относятся: состояние правосознания в обществе; механизмы формирования правосознания; стройность законодательства; прочность правопорядка; механизмы поддержания законности, состояние практической работы в области права. Критерии качественной оценки данных элементов заданы ценностями, которые правовая наука признает в качестве правообразующих признаков. Это — равенство (право применяет единую социальную меру по отношению к гражданам), свобода (право трактуется как форма, норма и мера свободы), справедливость (эквивалентность и сбалансированность прав и обязанностей).

Сложность феномена правовой культуры проявляется в структурной неоднородности. Выделяются индивидуальный, социально-групповой, общесоциальный и общечеловеческий уровни правовой культуры. На уровне индивида правовая культура фиксирует знание, понимание и сознательное выполнение требований права в деятельности человека как члена социума; на самом общем уровне — систему ценностей, накопленных правовой историей человечества, и традиционные механизмы правовой регуляции.

Данные структурные уровни могут различаться не только степенью общности, но степенью развитости. Зрелость правовой культуры конкретного индивида зависит, в частности, от эффективности процессов

социализации (от того, в какой мере он усваивает действующее право и руководствуется им) и может не совпадать с уровнем развития правовой культуры группы, конкретного общества или человечества в целом. Достижение высокого уровня правовой культуры связывается с правовым воспитанием — систематическим целенаправленным воздействием на сознание граждан с целью выработки у них уважения к праву, а также правовых навыков и привычек как устойчивой потребности в соблюдении требований права.

Структурное деление проводится и по основанию развитости правосознания — по уровню осознания необходимости права, глубине проникновения в сущность права и правовых явлений в обществе, а также по признаку правовой образованности субъектов. В этом случае выделяют обыденный, профессиональный и доктринальный виды правовой культуры. Обыденная правовая культура свойственна основной массе членов общества, профессиональная — специалистам, имеющим юридическое образование и работающим в сфере права, доктринальная — теоретикам права, ученым, исследующим правовую практику.

Правовая культура тесно связана с политической культурой, с моральной и религиозной системами социальной регуляции. Своеобразие правовым навыкам, чувствам и привычкам придают социокультурные традиции и национально-психологические особенности того или иного народа.

О.Ю. Бойцова

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО — идея правового государства основана на двух предпосылках: суверенитете народа и признании личности приоритетной в праве, норме, служащей нравственным основанием в обществе и абсолютной санкцией в законодательстве. Как отмечал П.И. Новгородцев, стоит отринуть принцип личности, «и мы придем к необходимости узаконить произвол субъективной и изменчивой человеческой воли; и все равно, будет ли это воля индивидуальная или коллективная, воля личная или народная, она не может быть источником твердых норм, если она сама не признает над собой какой-либо высшей и твердой нормы».

Суть правового государства — в ограничении воли государства, его связанности правом и подчинении справедливому и общезначимому праву; в соблюдении норм, которыми государство связывает подвластных. Признанием подзаконности и ограниченности своей власти государство свидетельствует о существовании недостижимой для его притязаний и неотчуждаемой ни при каких условиях области. Такой областью является внутренний мир человека, его неотъемлемые мотивы, устремления, идеи, понимаемые в качестве изначальных социально-политических, экономических, гражданских, религиозных и других прав, закрепленных в конституции или «запечатленных в сердцах» граждан и гарантируемых монархом Божьей милостью.

О проявлении принципов правового государства на практике можно судить по тому, насколько государство склоняется перед властью права и признает его руководящим началом своей жизни и насколько оно отказывается от своей исключительности и замкнутости, подчиняется высшему принципу международного общения, допускает и признает права других государств и народов. Наличие и признание государством постоянных элементов существующего правопорядка находит воплощение в конституциях и конституционных гарантиях. В противном случае — государство правовым не является.

В числе провозвестников, обосновавших учение о правовом государстве, были Платон и Аристотель, Фома Аквинский и Марсилиус Падуанский, Дж. Локк и Т. Гоббс, Дж. Мильтон и С. Пуффендорф, И. Кант и Гегель и др. В России — А.Н. Радищев, М.М. Сперанский, Н.И. Новиков, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский и др.

Основные положения концепции правового государства таковы:

1) верховная власть едина и неделима в том смысле, что она не должна и не может допускать другой власти, стоящей над нею или рядом с нею. Однако она имеет свою границу;

2) неотчуждаемые права личности, охраняющие жизнь человека и его свободу «мысли и совести» от возможных бюрократических злоупотреблений. Это и есть идея суверенитета народа и личности (верховная власть всегда имеет свою границу, очерченную правами граждан);

3) между народом, личностью и государством существует договор о правах на жизнь, свободу и независимость, подкрепленный «народовластием и парламентаризмом» в конституции;

4) гарантией выполнения договора и реализации прав является разделение властей (законодательной, исполнительной и судебной). Власти должны быть строго разграничены, чтобы не пострадал суверенитет народа и личности. Законодатели не должны быть одновременно и исполнителями закона, а законодательное собрание — временный орган народной власти;

5) децентрализация в социально-экономической и культурных сферах. При этом защиту прав граждан берут на себя демократические организации (гражданские и политические), которые становятся посредниками между центральной властью и различными слоями общества, представляя интересы последних. При этом государство не отказывается от власти;

6) свобода печати;

7) отделение суда от администрации. Законодательной власти нельзя предоставлять исполнение изданных ею законов; это было бы для нее большим соблазном. Именно здесь коренится опасность того, что Токвиль называл «демократическим деспотизмом», а Новгородцев — «деспотизмом парламента».

Единое право, одинаково обязательное для всех, господствующее над сильными и слабыми, в правовом государстве требует единой власти. Единство власти предполагает способность граждан свободно принимать собственные решения, наличие в обществе инакомыслия, сопряженного с принятой в стране конституцией. Без этого политические и иные решения государства непродуктивны, а власть и страна перестают быть единой, распадаются.

Черты развитого правового государства наполняются реальным содержанием при условии полного участия масс в политической жизни, что затрудняется концентрацией экономической власти в руках элиты, создающей олигархическую модель власти и политики.

В.И. Шамиурин

ПРОВИДЕНЦИАЛИЗМ (от лат. *providentia* — провидение). Западно-христианское католико-протестантское истолкование истории и политики как осуществление божественного плана, промысла Бога, спасительно направляющего человечество к царству Божию на земле. В этом смысле показателен труд Августина «О граде Божием». Лютер посвящает П. сочинение «О рабстве воли». В кальвинизме П. неотделим от предопределения. При этом постоянно предпринимается Попытка (в том числе и в современной протестантской теологии) примирения фатализма со свободой человеческой воли в политике и социально-исторической сфере. В православно-христианской традиции — это не построение «земного рая». Промысел Божий — это сохранение мира и сохранение абсолютной самоценности «образа и подобия Бога» в спасении души и направление человечества «к стяжанию даров Духа Святого». Свою конкретизацию эти взгляды найдут в «концепции «Симфонии»-Консонанции» (созвучия) Церкви и государства в известной 6-й новелле «Номоканона» императора Юстиниана (VI в.) и в «Эпанагоге» (XI в.). Церковь и государство не должны быть враждебны друг другу. Отделены, но не разделены и, тем более, не отлучены друг от друга, поскольку у них разные зоны ответственности. Кесарево и Божие не должны быть в конфликте, но в полной гармонии и согласии, друг другу помогая, но не упраздняя свободы и самостоятельности каждого. Церковь в этом смысле всегда «теократична», властвуя только над сердцами людей. Государство — над телами. В этом иерархическом моменте «Симфонии» особо показательна халкидонская доктрина (V в.) восточного христианства. В православии утверждается моральное (но не юридическое, социально-политическое или экономико-финансовое, торгово-промышленное господство) первенство-харизма в органическом единстве Церкви и государства по иерархии ценностей не просто за Церковью, а за ее Невидимым Главой, Единым Истинным Царем — Иисусом Христом. Только с такой энтелехией (целеустремленным активным началом) государство внутренне и инициативно становится

орудием Промысла Божия, Евангелия, Царства Божия на земле. При этом следует иметь в виду, что Бог есть истинная Свобода. Не как «свобода от» (отрицательная свобода), а как «свобода для» спасения (положительная свобода). В дальнейшем этот взгляд на Провиденциализм и Промысел Божий будет продолжен в русской религиозно-метафизической, а также социально-политической и правовой традициях XIX — начала XX вв. Особо пристально метафизика и право будут рассмотрены П.И. Новгородцевым в работе «Об общественном идеале». По мнению С.Н. Булгакова, через папизм иудейский хилиазм-мечта о земном граде как рае возродилась в «социально-экономически активном» западном христианстве, а затем и в среде «светско-гуманистического мировоззрения» в виде теорий «совершенных обществ». Впрочем, эта же тенденция, свойственная католицизму и протестантизму, проникает и в православие в учении о мистическом самодержавии, будто бы призванном осуществить земной град (отчасти речь идет о концепции «Москва — III-й Рим»). Впрочем, в православии это мнение никогда не получало характер догмата, оставаясь лишь частным мнением или плодом злоупотребления. В отличие от К. Леонтьева, К. Победоносцева и др. Булгаков совершенно отвергал мистическую связь между православием и самодержавием. В дальнейшем А.В. Карташов тоже подчеркнет: эта связь была создана историей и ею же на наших глазах медленно, но верно разрешается. Кроме того, самостоятельный подход к подобного рода проблемам в русской религиозно-философской мысли был намечен у И.В. Киреевского и А.С. Хомякова, продолжен В.С. Соловьевым и тем же Булгаковым, затем В.В. Зеньковским, В.Н. Лосским и др. Русские мыслители отмечали догматическую неясность установки, благословенной в XIII в. Фомой Аквинским на автономную силу «естественного света разума, независимого от откровения веры, дел, молитвы и покаяния в связи с провиденциально-промыслительными вопросами. В этом случае происходит движение от «избранного первосвященника»-политика к «избранной общине» политико-экономически удачливых верующих, а затем и к избранному обществу, государству, классу прослеживается довольно ясно. Социализм, социализация как обобществление, «обмирщение святынь», «провиденциальное» стремление к тоталитарному мещанству обличается русскими мыслителями совершенно определенно. Вслед за Ф.М. Достоевским Булгаков указывает на то, что это явления одного порядка, порождение одной и той же сущности, «которая классически выразилась в иудейском хилиазме» (1, с. 11). Подобного рода критика, предъявленная католицизму и протестантизму в связи с вопросами Провиденциализма — Промысла Божия в русской православной традиции оставалась и до пор остается без ответа. Если, конечно же, не считать ответом упреки православным «схизматикам» в упорном и неоправданном аскетизме.

В.И. Шамиурин

ПРОПАГАНДА (от лат. *propagare* — распространять) — распространение и разъяснение идей, мнений, взглядов, теорий с целью их внедрения в общественное сознание и формирования определенной социально-политической ориентации масс. Традиционно считается, что термин «П.» появился в XVIII в. и использовался для обозначения просветительской деятельности, осуществляемой Католической церковью. В конце XIX — начале XX в. смысл понятия сужается, П. воспринимается как явление сугубо политическое. Данный факт объясняется тем, что в данный исторический период формируются социалистические и коммунистические партии, в идеологии которых П. придается исключительное значение. П. предполагает использование простых и ярких лозунгов, образов, клише, не подвергающихся непосредственному анализу и критической оценке масс, что позволяет за минимальный срок получить поддержку большого числа людей. В основе П. лежит идеологически окрашенная информация, содержащая оценку тех или иных социальных явлений. Форма выражения оценки может быть различной (вербальной и невербальной): от внешне нейтральной констатации фактов до эмоционального призыва. Для П. необходимо наличие идеи, целевой аудитории и средств, чтобы донести идею до целевой аудитории. Эффективность пропаганды определяется количеством привлеченных сторонников. Если их количество существенно меньше того, которое планировалось привлечь, можно говорить о неэффективности пропаганды. Среди наиболее значимых критериев эффективности П. можно выделить доступность идеи для понимания целевой аудиторией, устойчивость к критике тезисов, представленных в пропагандистском сообщении, максимальный охват аудитории, достигающийся в результате выбора оптимального канала передачи пропагандистского сообщения. П. или ее элементы являются неотъемлемой частью любого политического режима, однако особое место П. является отличительной чертой режимов тоталитарных. Так, при тоталитаризме П. становится государственной задачей, программой, на подготовку которой выделяются специальные средства. Специфической чертой тоталитарной П. является то, что она не просто манипулирует общественным мнением — она его создает, превращаясь в инструмент социального контроля. На любой из вопросов, волнующих того или иного человека, у нее должен иметься готовый ответ. Примером может служить организация Министерства пропаганды и народного просвещения под началом Й. Гебельса в Германии эпохи Третьего рейха. В соответствии с правительственным декретом от 30 июня 1933 г., в ведение министерства передавались общая политическая П., высшая политическая школа, государственные празднества, пресса, радио, книгоиздательство, искусство, музыка, театр, кино, моральное состояние общества. Внутренняя структура министерства постоянно менялась, росло число отделов. Первоначально были выделены отделы П., радио, прессы, кино, театра, но уже в 1935 г. число отделов увеличилось до 9, в 1942-м — до 14.

Кроме того, при министерстве имелся совет по издательскому делу, под контролем которого находилось 2800 издательств и 27 000 книготорговых учреждений. Парадокс сегодняшнего дня заключается в том, что при отсутствии тоталитарных пропагандистских систем для распространения информации пропагандистского характера практически не существует границ. П. может осуществляться в ходе личной коммуникации (собрания, митинги, встречи с избирателями и т.п.), посредством СМИ, что обеспечивает максимальный охват аудитории, а следовательно, максимальное число потенциальных сторонников той или иной идеи.

К.Ю. Аласания

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА (англ. public policy) — политика, осуществляемая в условиях открытости, публичности, доступности общественному контролю и участию. Существуют совершенно различные определения П.П., однако примечательно, что англоязычная традиция связывает это понятие не с термином politics (процесс достижения согласия прежде всего по направлениям, приоритетам и целям политического действия, который в современной политической жизни должен быть публичным по определению), а с термином policy, обозначающим скорее осуществление, реализацию определенной политической линии в какой-либо области. Термином П.П., также преимущественно в англоязычной традиции, обозначается и область политической науки, изучающая механизмы и процессы принятия политических решений и реализации политического курса. В России же наибольшую актуальность обрело понимание П.П., связанное с открытостью, публичным характером политического процесса. В контексте такого понимания необходимым условием П.П. выступает существование *публичной сферы* общественной жизни, где свободно группируются по различным объединяющим признакам члены общества, происходит обсуждение важнейших проблем общественной жизни, возможных вариантов их политического решения, образуются на основе общности интересов, понимания общественно значимых проблем и способов их решения политические партии, общественные движения и ассоциации гражданского общества. При таком понимании П.П. в нее входят также выявление проблем, волнующих граждан, доступные наблюдению и контролю процедуры подготовки, выработки и принятия решений, гласность дискуссии по выявленным проблемам и проектам их решения, привлечение граждан и их организаций к процессу выявления проблем и разработке возможных вариантов их решения, доступность для населения информации о властных решениях и результатах их исполнения. Понятно, что осуществление П.П. при таком ее понимании невозможно без существования широкого процесса коммуникаций общественных групп по вопросам общегосударственной, региональной и местной политики, высокой интенсивности ассоциативной жизни членов общества, развитости гражданского образования во всех его возможных формах, а также значительной активности граждан в вопросах

политического контроля и участия. В истории мысли теории П.П. уходят корнями, в частности, в теорию Джона Дьюи, который в книге «Публичное и его проблемы» (1927) впервые различил приватную и публичную сферы жизни общества и обосновал необходимость взаимодействия граждан в публичной сфере для сохранения демократии. В современной философии политики и права разработки в области теории П.П. тесно соприкасаются с теориями делиберативной демократии и демократии участия. Наибольшее развитие идеи публичной сферы и П.П. получили в философии политики и права Ю. Хабермаса. Хабермас выдвинул, в частности, идею о том, что наряду с инструментальным действием существует коммуникативное действие, направленное на достижение лучшего взаимопонимания между людьми. Коммуникативное действие, по Хабермасу, разворачивается именно в публичной сфере жизни общества. Условием его успеха выступает, в частности, существование политически неравнодушной *публички*. В отличие от идей сторонников теории рационального выбора, согласно которым люди выходят на арену публичной политики со своими частными интересами, и суть происходящего на этой арене — лишь столкновение уже сложившихся частных интересов, Хабермас обосновал мысль о том, что именно в публичной сфере, в условиях интенсивного общения с представителями иных интересов и точек зрения, люди приходят к пониманию и уточнению своих политических интересов и позиций, в чем общение и стремление понять позиции других и учесть их в предлагаемых решениях играет жизненно важную роль. В современных условиях ряд авторов отмечают своего рода «кризис публичной сферы». В странах Запада ученые и мыслители связывают это с ростом индивидуализма, уменьшением «социального капитала», снижением интереса граждан к происходящему в общественной жизни или, говоря словами Р. Сеннета, с «падением публичного человека». В России трудности становления П.П. связаны, в частности, с отсутствием прочных традиций гражданского участия и контроля. Кроме того, чтобы не опасаться открытости, прозрачности и общественного контроля, власть должна быть не коррумпированной, достаточно эффективной и направлять свои усилия на достижение целей, которые понятны и близки гражданам.

А.Г. Сытин.

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО — совокупность отраслей права, обеспечивающие общий, совокупный (публичный) интерес. Отраслями публичного права являются: международное право, конституционное право, административное право, финансовое право, уголовное и уголовно-процессуальное право. Нормы П.П., как правило, носят императивный характер; частные лица не могут своей волей или по соглашению с другими лицами изменить установленные вердикты и предписания. Основная функция П.П. заключается в обеспечении правовой централизации регулирования отношений в обществе.

Е.Н. Моцелков

Р

РЕАЛИЗМА (СИЛОВОЙ ПОЛИТИКИ) КОНЦЕПЦИЯ — распространенный в современной англо-американской политологии подход к политике как к реальности, обладающей своими законами, определяемыми не отвлеченными «идеалами» альтруизма и гуманизма, а некоторым набором «реальностей»: военно-экономической силой, национальными интересами той или иной страны и т. д. Традиция реализма идет от Платона («концепция Фрасимаха»; в «Государстве»), а в Новое время — от *Макиавелли* и *Гоббса*, согласно которым сила — основа права, а сущность внутренней или внешней политики заключается в плюрализме разнообразных ценностей и интересов различных индивидов, общностей, государств, их «балансе». Войны между ними считаются «судьей в последней инстанции», утверждающим «высшую» справедливость. Каждый индивид или государство: (1) имеет право на все, что может взять или захватить; (2) обладает своим пониманием справедливости. Высшей же справедливости, абсолютного права и божественного творения, по Гоббсу, в вопросах политики не существует. Международные отношения основываются на грубой силе, низменных интересах и непостоянных союзах — таково «реальное» положение дел в политике. Исследователи концепции реализма выводят этимологию этого понятия из термина «Realpolitik», восходящего ко временам Бисмарка. Впервые он, очевидно, был использован немецким автором А. Л. фон Рохау в 1850-е гг. и первоначально ассоциировался именно с политическими идеями Бисмарка. Реанимация реализма в современных западных политических и социологических концепциях начинается с конца 30-х гг. и обычно связывается с выходом в свет в 1939 г. книги Э. Х. Карра «Двадцатилетний кризис». В этой книге подвергнута уничтожающей критике «идеалистическая» концепция политики, поскольку эта политика оказалась неспособной предотвратить Вторую мировую войну. Карр призвал к созданию подлинной науки международной политики, которая должна строиться на исследовании «действительного» положения вещей (т.е. «реальности»), а не на рассмотрении того, что «должно быть». К числу наиболее известных сторонников реализма в теории международных отношений и мировой политики принадлежат: Ф. Шуман, Г. Никольсон, Р. Нибур, Дж. Шварценбергер, Н. Спайкмен, М. Уайт, Х. Дж. Моргентхау, Дж. Ф. Кеннан, Х. Баттерфилд, Дж. Розенау, Р. Раммель, М. Каплан, С. Брамс и дру-

гие. Наиболее законченное и системное изложение концепции реализма в международной политике содержится в книге Х. Моргантау «Политика среди наций», оказавшей сильное влияние на многих представителей политического руководства США. Основные положения концепции реализма, по Моргантау, состоят в следующем: (1) чтобы правильно понять международные отношения, необходимо выделить в них главное — это прежде всего национальные государства или их правители; (2) существует громадное различие между внутренней и внешней политикой той или иной страны; (3) международные отношения — это борьба за власть и обладание миром. Целью теории международных отношений является понимание того, как и почему происходит эта борьба, а также выработка средств, способных регулировать этот процесс. «Реалисты» (в отличие от «идеалистов») пытаются переместить исследования из чисто нормативной области анализа в область эмпирического анализа. Концентрированное выражение эти установки находят в концепции «силовой политики», в которой во главу угла ставится приоритет национальных интересов государства, его влияние на мировую политику, способность оказывать военно-экономическое давление на международные отношения и применять силу. Разрабатывавшаяся в рамках троцкизма теория «экспорта революции» сейчас в рамках концепций «реализма» и «силовой политики» возобновляется в рамках теории и практики так называемой теории «экспорта демократии».

В.И. Шамиурин

РУССКАЯ ИДЕЯ. В определениях русской религиозно-философской культурной традиции очень рано, точнее, — с самого начала формирования осознается и достаточно определенно формулируется идеал единства Истины, Добра и Красоты. Одним из примеров подобного настроения, считает В.В. Сербиненко, является «Моление Даниила Заточника». Сразу отметим единосущие этих трех понятий в древнерусском языке — «неслиянных, неразлучных, нерожденных, неизменных» — если возможно применить терминологию новоникейцев... При этом «красота» — это и совершенный миропорядок. Не только онтологический, но и нравственный космос, цветущее, как именно зрелое время жизни. Для природы, для общества, для человека, наконец. То самое «акме», когда наступает гармония внешнего и внутреннего миров, когда человек, в отличие от старости, многое еще может, но в отличие от юности многое уже понимает. В этом, собственно, и состоит Красота, достигающая именно в человеке своего пика. Истина — как именно алетей, вечное об этом свидетельство, которое в своем красноречивом варианте и будет Добром как доброглагоанием, а в экзистенциально-эсхатологическом варианте, т.е. в стремлении жить в соответствии с исповеданием — Мужеством, т.е. Доблестью и Благородством. Собственно говоря, одно из значений Добра, по-древнерусски, и есть Благородство. Отсюда и имя дяди Владимира

святого — Добрыня — того самого былинного богатыря-аристократа, который (как и богатырь-крестьянин Илья Муромец и богатырь-священник Александр (сокращенно — Алексей) имел своего прототипа. Правда, не в XII в. (Илья Муромец) и не в XIII в (Алеша Попович), а в X в. Вместе они никогда, естественно, не встречались, но народная память-традиция, ставшая, опять-таки, Правду характера и усматривающая в этом особую Красоту, Добро и Истину выше событийных свидетельств истории и юридической мелочности, распорядилась иначе.

Отметим особую связь аксиоматических и аксиологических начал в их фабулаторном, даже можно сказать драматическом сочетании на примерах самых разных типов русских философских дискурсов, проявляющих русскую идею в разных ее осуществлениях в культуре — от самых возвышенных, до самых бытовых. Иногда даже — самых парадоксальных, художественно-поэтических и романтических. Даже фантастических. Хотя бы на примере философско-фантастического творчества председателя «Общества любомудрия» князя В.Ф. Одоевского. Далее следует вычленить проблематику символического, точнее, философско-символического характера. Русская философия — очень культуросцентрична, художественна, поэтична: возьмем ли Г. Сквороду, В.С. Соловьева или А.С. Хомякова (стихи которого очень ценил А.С. Пушкин) и многих, многих других. Русская художественная литература — философична, даже религиозна, и любому русскому писателю и поэту чин философа за острый интерес к роковым, конечным вопросам подходит вполне. В этом смысле известно: «Поэт в России — больше чем поэт», если договаривать, и означает: философ или священник — и исповедник, и духовник одновременно. Здесь особую роль играет патристика — и греческая, и русская — православная, ярко и с самого начала сочетавшая и сочетающая в себе и художественно-поэтические, и философско-метафизические начала. Именно как максимально парадоксальная, фабулаторная, драматическая, художественная и в плане философского осмысления, и в плане «житийного» обеспечения (в агно-биографическом плане) Восточно-христианская традиция, в которой истина не только по «силе разума» или «по силе веры». А именно по «силе всей жизни», как это великолепно было сказано в свое время преп. Исааком Сириным. И действительно, что может быть драматичнее, трагичнее, парадоксальнее, что более фантастично, чем христианство, которое «эллинам безумие, а иудеям — соблазн»? Видимо, только жизнь, спасению которой и посвящено христианство, с ее трагическими драмами существования и смерти, зла и добра, истины и лжи, уродства и красоты. И арена борьбы здесь, как говорил Ф.М. Достоевский, — сердце человеческое. Повышенный интерес русской духовной (и религиозной, и так называемой светской, философско-художественной) культуры к этим сюжетам общеизвестен во всем мире.

Органическое духовное родство восточно-христианской православной патристики и русского подвижничества — в необходимости утвер-

ждения экзистенциально-личностных параметров культуры, в перихрезисе-взаимопроникновении Божественного и человеческого. И не только в виде категорий и «концептуального аппарата», но и в виде актуальной и современной практики самых разных (и святых, и девиантных) аспектов действующей культуры. Вплоть до ее социологического исследования именно во всесторонне «целостно-человеческом» виде. Как в высотах Духа, так и в формах отклоняющегося поведения людей.

Иначе такие свойства восточно-христианского православия, как экзистенциальность; сотериология; Богочеловечность-перихрезис в чеканных формах учения о Троице, о неслитности, нераздельности, неразлучности, неизменности; а также всеединство-соборность или сретение; поэтичность-фабулаторность, т.е. акцент на нравственно-художественном, душевно-эмоциональном, «кардиогностическом» или «кардиологическом» начале или в виде «мировоззрения в красках», или в виде «символической экзегезы» — неясны. Особо отметим при этом такие, свойственные именно православно-христианскому мировосприятию черты-традиции, как особое видение Благодати, свободы воли, телесности и греховности. А главное учение о познании — о бдении-бдительности, трезвении-трезвенности, как страховке от прелести, мнимости, обманчивой искусительности («виртуальности»-мнимости) ложного могущества зла ввиду безнадежности, но истинной власти добра.

Известно, что проблема свободы воли, человеческой активности-апокатастазиса, в единстве сотворчества-синергии с Божественным милосердием очень глубоко и всесторонне исследовалась в восточно-христианской патристике. Особенно — каппадокийцами, особенно — св. Григорием Нисским и св. Василием Великим. Г.В. Флоровский писал в этой связи в своей известной, ставшей «канонической» работе «Восточные отцы IV в.»: «В учении о Богопознании всего ярче сказывается основная идея антропологии св. Василия, — представление о человеке, как существе динамическом, становящемся, всегда находящемся в пути. Эта общая мысль всех трех каппадокийцев, — и у обоих Григориев (св. Григорий Нисский и св. Григорий Назианзин, он же Богослов. — *В.Ш.*) она выражена еще резче и настойчивее, чем у Св. Василия». И именно эти идеи находят особое преемство и сохранение в русской культуре. Примеров — множество. От фольклора («свита черна — да воля своя», «каждый человек сам себе убийца», «был бы сам хорош, так бы люди не испортили», «что живо, то и хитро») — до лучших произведений русской богословской мысли. Здесь бесспорны заслуги митрополита Антония (Храповицкого) (1864–1934). Речь идет о его магистерской диссертации «Единство человеческого существа». В русской культуре в ее высших проявлениях мы, как и в патристике, видим неприятие манихейской «теории двойственной истины», эстетизацию и легитимацию зла (например, в «динамической гносеологии» П.В. Киреевского) и, особенно, — арианской ереси, по сути, отрицающей Спасителя. Этим же отли-

чается и несторианство. Как говорится, «Бог един, да молельщики не одинаковы».

Выдающийся русский философ, историк и культуролог Лев Платонович Карсавин писал по этому поводу: «Утверждающее тварность Сына, тело которого создается на земле, арианство отрицает единство в Граде Божьем, в церкви и в государстве, Божеского и человеческого. Оно отрицает претворение государства в церковь и обосновывает самостоятельность государства, являясь ересью империи, не желающей раствориться в Граде Божьем на земле. С другой стороны, как видимо более чистое и понятное учение о едином, безначальном и истинном Боге, арианство являет большой соблазн для примитивного сознания». По мнению Карсавина, германцам, стремившимся к земному государству и переоценивавшим человеческое, недоступна была та идея, до которой в тяжелых исканиях доходила уже античность, и принятие готами еще до 381 г. арианства было выражением их движения к обособлению от Божества. Вообще Карсавин считает христологию западной патристики (на примере Августина и Григория Великого), внешней и формальной, теургия которой часто заслоняет Преображение.

Особо отметим еще и вот какие черты патристики и русской религиозной мысли православия. Симон Азарьин, составитель сборника чудес преподобного Сергия Радонежского, полагал, что «Бог не хочет ложными чудесами прославляем быти». Здесь мы видим особое, как нигде проявившееся чрезвычайное внимание к «страховке» от мнимых чудес, от прелести, кажимости. Более того, мы видим предостережение от губительного наслаждения псевдосущностями, иллюзиями, «виртуальностью». Это существеннейшая черта истинного православного христианства. Она выражается в учении о бдительности, трезвении, трезвенности (нэпсис – νήψις). В этом смысле истинное православие, истинная Россия — мало известны и чаще всего и истолковываются и претворяются превратно. Даже теми, кто считает себя сторонниками, но не отдает отчета и не осознает глубин догматики и практики праведной жизни великих светочей и отцов православия. Восточно-христианская патристика и русское православие в его высотах — это единственная религиозная культура, отвергающая любую экстастику и экзальтацию. Это единственно трезвая религия. Отсюда, кстати, частые упреки в суровости, ригоризме, схизматизме. И даже — «мракобесии», отвергающем светлый гуманизм-либерализм. Взамен предлагается и противниками, и мнимыми сторонниками (в качестве предложений, или упреков, или «истинного истолкования» — не важно) заменить христоцентризм цезарепапизмом (или папоцезаризмом) и лаицизмом; богоматеринство — матерщиной, а радость в духе — радостью в пьянстве, как будто бы коренными чертами.

Но вспомним, как сокрушается о пьянстве и матерщине русского народа Богородица в том же русском богословском фольклоре духовных

стихов «Голубиной книги»! Такова же позиция о. Иоанна Кронштадтского и В.Н. Лосского.

Да, «абсолютное» сознание активно в человеческом сознании (Чаадаев, даже Пирогов в его концепции «мирового разума»; отчасти епископ Никанор об «абсолютном разуме»). Но именно за человеком — бдительность в постоянном поиске черты, разделяющей Божественное от внебожественного, порядок «естественный» от «абсолютного». Постоянный контроль над выбором между благодатной и темной духовностью, свободой добра и свободой зла, положительным и отрицательным творчеством.

Возьмем и наиболее показательное в этом смысле произведение. Имеется в виду «Сокровище духовное, от мира собираемое» св. Тихона Задонского.

Трезвенность, бдительность — не только страховка от порока, прелести ложных чудес, но и от самонадеянности, гордыни как основы кумиротворчества. Это известная эрзац-идеология псевдорелигиозности просвещенного интеллектуала-скептика — как во времена космополитического эллинизма, так и в нынешние времена либерального постмодерна и неоглобализма. Называется она — «концепция моего Бога», будто бы сочетающая достоинства многих конфессий и отметающая всякие их несуразности. Но что на деле означает этот синкретизм? Я способен создавать и почитать по своему усмотрению основы вселенной (или богов). Поэтому на самом деле я поклоняюсь себе, своим прихотям, капризам. Кстати, самый худший и примитивный вид язычества в истории религии, поскольку исключает любые возможности общезначимости и межчеловеческого общения. Можно говорить о язычестве как о религии племен, народов, знаковых систем-символов, т.е. — политеизме (многобожии). Но это и религия великого «я» рядом с которым все «ничто». Религия «зычного я» или «я зычного». Может быть, поэтому в Евангелии и у отцов восточного христианства мы так часто встречаем предостережения против «многоглаголения язычников». Русский термин очень точен. «Зычный» — это и «громкий», «крикливый». Так, русский церковный автор отмечает в Толковой Псалтири XVII в.: «Зычныма (на поле глосса: кричными) лаяния церковь Божию защищаху». «Бысть сеча зла и пружасна от пушечного бою, и от пищального зыку звонкого, и от гласов, воплей, кричания... яко земли колебатися», — читаем мы в Воскресенской (1453) и Новгородской (1611) летописях. Итак, в духе Святого Писания и патристики древнерусские авторы уже самим термином определяют и критически обрисовывают суть этого культурного явления: «громогласное (зычное) многоглаголение о собственном я».

Такого рода «сверхчеловечество», «аристократизм» (об отсутствии которого в русской культуре часто сетуют многие авторы), «титанизм», «героический энтузиазм» и, я бы сказал, «нарциссическая предприимчивость-призвание» никогда не были свойственны и не находили устойчивого сохранения в традиционной русской культуре. Более того, они по-

стоянно отторгаются и в прошлом, и сейчас и религиозными, и светскими авторами, утверждающими, что именно служение, обязанность выше права на льготу, а не наоборот. И с точки зрения благодати, и с точки зрения житейской выгоды. И в сотериологическом, и в экзистенциальном, и в социально-политическом, и в семейно-бытовом планах. Автор «Поучений» Владимир Мономах, опираясь на авторитет отцов Церкви и, в частности, цитируя Василия Великого (одного из любимейших и чаще всего упоминаемых в России в религиозных и светских сочинениях), в этом отношении очень показателен.

Сейчас много говорят об интегральной идее, способной объединить народ в России. Выдвигается, соответственно, много проектов. Однако следовало бы обратиться к опыту истории. Если политическая элита в духе Владимира Мономаха, или Минина и Пожарского, или Иоанна III проявляет ярко выраженную волю к самоотверженному служению и борется с внешним врагом, эпидемиями, стихийными бедствиями, воровством в своей среде, экономическими и социально-политическими кризисами, и т.д., и т.п. (что, собственно говоря, ей и надлежит делать, так сказать, в соответствии с профессиональными требованиями) не на словах, не лицемерно, а именно «всей силой жизни», то народ незамедлительно и с воодушевлением отзывался и отзывался на всякий нравственный поступок власти. В этом и ни в чем другом — суть «русской», «американской» (операция «Шейх»), «итальянской» (операция «чистые руки») и любой другой национальной идеи. В России — у нее особый, скажем так — религиозно-«художественный» колорит и специфика, а не только экономоцентрический, или светско-юридический, или монархический, или аристократический, или либерально-демократический колорит (вариаций множество), как где-нибудь еще. В этом смысле особенность русской идеи, по мнению того А.С. Хомякова, или В.С. Соловьева, или С.С. Аверинцева, в православно-христианской культуре — и богословской, и письменной. В соответствии с ней, как это определено св. Василием Великим: «Духовность — это проявление Божественного в человеческом. В этом — самовыражение человека. Все остальное — самоиспращнение». Отсюда русская идея — это определенный тип праведности или святости, общественная значимость, осуществимость и осуществленность, а также социологическая распространенность которого зависит от степени индивидуальной осуществленности в отдельной жизни того или иного современника, от его воли к подобному осуществлению.

Непреодолимая, абсолютная ценность русской идеи, несмотря ни на что постоянно восстанавливаемая в самые трудные времена лучшими предшественниками русской культуры на примере личности Иисуса Христа, как нравственного водительства, определяется некоторыми догматическими особенностями. Одной из них (и наиболее существенной) является, по справедливому высказыванию В.Н. Лосского, вопрос о природе благодати.

Согласно западно-христианскому истолкованию, благодать или харизма — это своего рода воля, призвание или «печать» (божественная) к власти и политике (католицизм) или экономике (протестантизм). Причем точечного, я бы даже сказал «талионно-бартерного» типа. В православии харизма («радость») — это и есть радость от непосредственного общения с Богом, достигнутая, заработанная, заслуженная совокупно и поступком, и плотью и кровью (Запад, как справедливо писал Бердяев, подавлен идеей изначальной греховности плоти), и рациональной мыслью и интуитивным прозрением. В этом смысле — это воля к бесконечному энергийному потоку, к соработничеству (синергии) с Богом в тяжком деле спасения, к самосовершенствованию (апокатастасису) в добре, красоте и радости, как следствиям этого соработничества. Собственно, «харизма» — «дар», а «харис» («грация» полат.) — и есть «красота», «радость». Это свойство русской культуры представлялось, представляется и, вероятно (к сожалению!), еще долго будет представляться то «загадочной», то «парадоксальной», то «непонятной», а то и просто «абсурдно-опасной» и, как следствие, — «агрессивной», «оккупантской», «экспансионистской» и «империалистской» (т.к. непонятной). Все это следствия отвлеченно-рационалистического и чисто светско-просветительского подходов к анализу русской идеи. Без внимания к традиции «духовной гигиены» эмоционального, интуитивного человеческого общения, идущей от отцов восточного православного христианства; традиции, «кардиогнозиса» (сердцеведение) и «кардионостэс» (сердцеведы). А также их русских последователей — миротворцев, великих молитвенников, сторонников «внутреннего делания» (св. Феодосий Печерский, преп. Сергей Радонежский, св. Тихон Задонский, св. Серафим Саровский, преп. Савва Сторожевский и др.) Эта традиция в большинстве случаев не учитывается разного рода исследователями русской культуры, политиками (Р. Пайпс, А. Валицкий, З. Бжезинский, Г. Киссинджер, А. Янов и др.) В результате — не только неадекватные пристрастные и предвзятые экспертные оценки русской культуры, но и неадекватные политические реакции и рекомендации.

В идеале русская идея выдвигает принцип гармонии всего достойного в человеческом естестве: и плоти, и чувства, и разума, и духа. И в этом тоже «соборность» и «симфония». Общие принципы «задушевности», «поэтичности» русской идеи как культуры «мыслящего сердца» позволяют по-новому взглянуть на творчество мыслителей, казалось бы, противоположных по своим убеждениям. Особенно политическим. В этом смысле в русской идее — огромные резервы примирения, согласия, братолюбия и многих, и многих, и отдельных.

Наиболее последовательно принципы «соборности», «сретения» разрабатывали (кроме А.С. Хомякова и уже названных) такие мыслители, как В.И. Несмелов, П.А. Флоренский, В.Н. Лосский, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев и др.

Существует и конкретное воплощение этих принципов в жизни, хозяйственной практике, быту, искусстве, военном деле, литературе, науке и т.д. Об этом свидетельствуют такие неистребимые начала товарищеской самоорганизации — элементы гражданского общества (часто не замечаемые и недостаточно оцененные сторонниками теории «отсутствия гражданского общества в России» — а зря; как возможно отсутствие гражданского общества в условиях нынешнего периода ослабления государственной вертикальной власти в России?). Это казачий круг, земства, добровольные народные дружины, поселковые советы, артели, общества с ограниченной ответственностью, кооперативы, ополчения, «шабашники», кассы взаимопомощи, общества обманутых вкладчиков (переросших в банки и общества акционеров-вкладчиков), садоводческие товарищества (совершенно самостоятельные, автаркические организации, существующие несмотря ни на что и до сих пор в максимально неблагоприятных условиях). Здесь и очереди за чем угодно и на что угодно (даже при полном удовлетворении спроса, но ради общения), хороводы-тусовки, чрезвычайное, чрезмерное обилие презентаций, застолий по поводу и без всякого повода (в том числе спонтанных — «на троих»).

А обращения, да еще с ласкательными флексиями, может, формальные, чужих людей друг к другу: «отец», «мать», «сынок», «дочка», «земляк», «браток» (и это в уголовной среде!) — явление весьма показательное, почти уникальное, при всех, повторяю, соответствующих оговорках. Возникновение именно таких и никаких других наименований — уже показательно.

Показательна и конкретная практика, парадоксально сочетаемая с постоянным поиском интегральной («вселенской») красоты теории русских ученых и естествоиспытателей (школа В.И. Вернадского), и гуманитариев. Прежде всего, это касается буддолога Ф.И. Щербатского, вообще русской школы востоковедения (начиная с Иакинфа Бичурина и Конрада Ленца и до Ю. Щуцкого, В. Лысенко, А. Лукьянова, В. Бурова, А. Кобзева и многих др.); историка-византолога Ф.И. Успенского, вообще русского византиеведения; всего «государственного направления» в изучении русской истории (В.О. Ключевский, С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, В.И. Сергеевич, М.Ф. Владимирский-Буданов и др.), фольклора и словесности (А.А. Шахматов, И.И. Срезневский, В.И. Даль и др.).

В русской культурной традиции — огромные резервы примирения, братолюбия, согласия и согласования поступков, позиций, идей больших и малых социальных и других общностей, политических объединений, отдельных людей. При всем кажущемся «идеализме» — это единственно возможное взаимоотношение людей, идей, государств. Любое революционное, «силовое», а не традиционное, эволюционное отношение к жизни — это утопия так называемого «здорового смысла», «суетная мудрость стада бесчислена», к жизни никакого отношения не имеющая и отвлеченная от нее в пользу смерти. Рано или поздно утопии оборачиваются тяжкими на-

казаниями за человеческую самонадеянность и веру в единственно верные и все разрешающие учения, слова, рецепты, поступки и т.д. В этой связи особое развитие русской идеи — в творчестве А.С. Панарина.

Шамиурин В.И.

Современные толкования «русской идеи» грешат серьезными упрощениями, связанными, главным образом, с разрушением ее смысловой целостности, органической взаимосвязи ее основных ценностей и атрибутов. Для того чтобы как можно быстрее адаптировать «русскую идею» к современным условиям и тем самым найти связующие звенья между прошлым интеллектуальным опытом и современными поисками обновления России, из «русской идеи» сознательно выбирается подчас лишь то, что близко и понятно современному россиянину. Поэтому закономерно, что даже научные споры вокруг «русской идеи» сводятся по преимуществу к ее онтологизированным («русская идея») и реальный исторический процесс становления российского общества) или в лучшем случае к гносеологизированным («русская идея») и формирование национального менталитета, умонастроений и философствований эпохи) аспектам.

На самом деле, «русская идея» в своих истоках — это разновидность или определенный аспект христианской идеи, христианского мировоззрения. «Русская идея» — это идея Бога о России, это не то, что люди думают о России в повседневности, а то, что Бог думает о ней в вечности (Н. Бердяев).

Поэтому и общественный идеал, конечная цель «русской идеи» с самого начала были связаны не столько с развитием собственно русского общества, созданием на русской земле идеального государства, сколько с предназначением и ролью России в переустройстве всего человечества. «Русская идея» — это идея о вселенской перспективе, которая должна увенчаться установлением социальной гармонии во всем христианском мире, достижением органического единства церкви, государства и общества, Богочеловечества (В.С. Соловьев). В этой вселенской устремленности русской идеи органически сливаются национальное и всемирное, национальный интерес русского народа, русского общества и интерес всего христианского мира, всего человечества.

Ф.М. Достоевский в своей знаменитой «Пушкинской речи», обосновывая историческую миссию русских, подчеркивал: «Стать настоящим русским, стать вполне русским значит стать братом всех людей, всечеловеком...» — в этом суть идеи русского народа. В стране всегда было много таких политических деятелей, которые стремились к рациональному истолкованию самой идеи о высшем предназначении России, особом ее пути в мировой истории и предпринимали попытки практического воплощения этой идеи в реальной государственной политике. По мнению Н.А. Бердяева, именно такая трансформация и приводила к искажению истинного смысла «русской идеи». Поэтому не случайно он пи-

сал, что между истинным предназначением России в мире и ее реальной историей, господствующей линией национальной политики не было соответствия, гармонии; наоборот, между ними был «глубокий конфликт», который и обусловил «трагизм русской исторической судьбы».

Корни этого конфликта, конечно, — не просто в искаженном толковании «русской идеи». Само это искажение было во многом детерминировано особенностями и предпосылками формирования Российского государства, которое в своей политике на протяжении многих десятилетий пыталось найти оптимальное сочетание двух начал — имперского характера русской государственности, с одной стороны, и мессианской роли России в христианском мире — с другой.

Оба эти начала имеют объективную историческую обусловленность. Существует множество точек зрения на причины и факторы становления единого русского государства, но вряд ли кто-то будет оспаривать то, что исходный толчок к государственной централизации и экстенсивному развитию за счет постоянного наращивания географического пространства был вызван реальной необходимостью выживания русского государства в условиях постоянного противоборства на юге и юго-востоке с Золотой Ордой, на севере и северо-западе с Ливонским орденом. Собираение земель вокруг московского центра не было самоцелью, не происходило просто ради присоединения новых территорий. Это всегда было вызвано необходимостью реализации какой-то жизненно важной для дальнейшего развития русского государства задачи. Умножение сил под единым и сильным государственным началом для окончательного свержения татаро-монгольского ига, выход к незамерзающим морям, без чего стало невозможным развитие экономики огромного государства, колонизация Сибири как естественная политика освоения богатейших природными ресурсами районов на востоке, не попавших еще в сферу влияния других сильных держав,— вот основные этапы и факторы развития Российского государства в XV–XVII вв.

Начиная с XVIII в. на захват южных районов (прежде всего Северного Кавказа и Средней Азии) Россию стали толкать другие факторы, среди которых не последнюю роль играла необходимость обеспечения безопасности южных границ империи в условиях обостряющегося противоборства с европейскими державами, все более открыто заявлявшими о своих интересах в регионах, непосредственно примыкающих к России.

Имперский путь развития Российского государства, на первый взгляд, как бы создавал материальную основу для мессианства и покровительства. В самом деле, именно Россия как великая империя, держава с мощным военно-экономическим потенциалом и могла обеспечить превращение Москвы в центр православной веры, реализовать преемственное право России от Византии быть покровителем и гарантом православных, славянских народов. На этой базе и формировались военно-стратегические цели России, в частности, на юго-западе, где ставилась задача борьбы за Константинополь и проливы, взятия под свой патронат славянских народов на Балканах.

Итак, казалось бы, в реальной внешней политике России исторически сложилась определенная форма сочетания имперских и мессианских начал. Но являлась ли эта форма действительно оптимальной и жизнеспособной?

Сомнение не случайно. Было бы совершенно неправильным сводить политику Российской империи только к ее мессианской устремленности, покровительству и патронату. Со временем в ней неизбежно усиливались и стали превалировать элементы насилия, экспансии, подавления.

Именно здесь мы и подступаем к раскрытию истоков и причин конфликта «русской идеи» и русской истории. В российском мессианстве, как оно трактовалось русскими мыслителями, отражается сущность истинной «русской идеи», в империализме — наоборот: то, что противоречит ее сущности. «Империализм всегда был искажением «русской идеи» и русского призвания» (Н.А. Бердяев). Но нужно видеть, что в реальных условиях прошлого российские империализм и мессианство взаимообусловливали и стимулировали друг друга.

В этом заключается глубина трагизма, тупиковости национального развития российской духовности и российской государственности.

В советский период отечественной истории «русская идея» претерпела метаморфозу, трансформировавшись в «советскую идею», во многом воспринявшую переиначенные принципы имперства и мессианства предшествующего периода.

Фактически за фасадом федерализма на практике достаточно быстро обнаружилась унитарная сущность нового социалистического государства. Концепция и политика «Москва — третий Рим» трансформировалась в идеологию и практику «Москвы — Третьего Интернационала», «Москвы — центра мирового коммунизма».

Отказавшись от политики прямых территориальных приращений (хотя и здесь были исключения), Советский Союз стал претендовать на мессианскую роль не только в православно-славянском, но и во всем мире. Образовались зоны непосредственного советского влияния в Восточной Европе, в целом ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Советской России опять было что сказать миру и куда позвать его. Он снова смог претендовать на роль духовного лидера человечества, ибо выступил с претензией на монопольное знание путей, по которым должно развиваться человеческое общество. Просто теперь проповедовалась не христианская идея о Царстве Божьем, а идея о царстве коммунизма как предельно разумном и справедливом обществе. (Обе они, кстати, сводятся к стремлению к царству правды и высшей справедливости, хотя по-разному понимаемому и обосновываемому.)

Но главное, конечно, в этих идеях не сходство, а различие, причем принципиальное, кардинальное.

«Русская идея», не апеллировавшая к массовому сознанию и являвшаяся достоянием интеллектуальной и политической элиты, никогда не понималась как идея об определенном общественном устройстве. Ско-

рее, она рассматривалась как сверхзадача, к достижению которой можно и нужно максимально приближаться, но достичь которую полностью никогда невозможно. «Идея» России всегда обосновывалась пророчеством о будущем, а не тем, что есть...» (Н.А. Бердяев). В этом смысле конфликт «русской идеи» и реальной истории хотя и имел в силу своей неразрешимости трагический характер, в определенном смысле стимулировал развитие мысли и практики, конституировал некоторые стержневые основания духовной жизни.

Для «советской идеи» же имманентна попытка любой ценой преодолеть этот конфликт. Вот почему ее во что бы то ни стало нужно было сделать идеей массы, массового сознания и массового действия. Поэтому, по известной ремарке К. Маркса, она действительно превратилась в материальную силу, способную мобилизовать ресурсы нации не только в экстремальных ситуациях войны и разрухи, но и — до определенного момента — в условиях относительно стабильного развития.

Но в этой «силе» советской идеи коренилась, в конечном итоге, и ее слабость. Доступность и элементарность новой идеологии проложили ей достаточно легкий путь в умы и души миллионов людей. Но это означало, что в них вселилась надежда на скорое торжество правды и справедливости, надежда, становившаяся все более иллюзорной по мере очевидного загнивания установившейся модели общественного устройства. Поэтому крах «советской идеи» привел к катастрофическому подрыву духовных, нравственных и социальных основ, ориентиров нации. Разочарованной и обманутой оказалась не только элита, но и сохранявшие длительное время в той или иной степени веру в эту идею широкие слои населения. Отсюда и естественная реакция обманутого массового сознания: захлестнувшие общество всеобщий нигилизм, социальный цинизм, эмоциональное отрицание исторических корней, духовных идеалов и ценностей. Печально то, что и многие лидеры, поднявшиеся на волне демократического популизма, своей борьбой против тоталитарной государственности фактически стимулировали процесс эрозии начал государственности как таковой.

Приведенные выше характеристики и «русской идеи», и «советской идеи» необходимо учитывать в современных поисках «национальной (русской) идеи».

Е.Н. Моцелков

РУССКОЕ ПРАВО. Уже первые древнерусские памятники письменности теснейшим образом связаны с правом. Так, в «Повести временных лет» представлена юридическая обрисовка формирования Русского государства, показаны основные юридические понятия того времени, с помощью которых становилась возможной практика внутри- и внешнегосударственных отношений. В «Повести», кроме событий, связанных с

призванием на княжение Рюрика, Синеуса, Трувора (чрезвычайно типичных для ранних этапов истории практически всех государств Европы), содержатся интереснейшие сведения о договорах первых киевских князей — Олега, Игоря, Святослава — с Византией (907, 909, 911 гг.). Уже к началу X в. нашими предками был выработан необходимый юридический, терминологический аппарат для адекватного выражения сложнейшей ситуации международного права. По свидетельству немецкого ученого И.Ф.Г. Эверса, мнение которого трудно признать пристрастным, т.к. он во многом разделял «норманнскую» концепцию Миллера, Байера, Шлецера и Карамзина, «Русская Правда» Ярослава Мудрого, сохраненная и переданная нам «Повестью», «есть самый древнейший законодательный памятник, каким только могут хвалиться новейшие народы. Сохранившийся в сей Летописи отечественный Закон, который носит на себе следы глубочайшей древности, вероятно, есть первый писанный Закон по основанию Государства, — памятник, коему подобного не может представить никакое другое государство».

Вообще же, если сравнивать правовые отношения Западной Европы и России, то следует прежде всего отметить, что речь идет не об «отсталых», а преимущественно о несходных государственных и юридических формах. Мы не хуже и не лучше Запада — мы просто другие.

Всякое право состоит из права государственного, рассматривающего государство как некое целостное, единое образование в отношении его законов, властных институтов, территории и населения с его языком и культурой; права гражданского или частного, которое рассматривает взаимоотношения людей в их частной сфере. Сюда входят: право семейное, имущественное, сословное, наследственное. Наконец, третий вид — это право публичное, имеющее дело с отношениями индивида и государства. Это судопроизводство.

«Русская Правда» Ярослава Мудрого (XI в.), «Поучение Владимира Мономаха» (XII в.), разного рода указы, пожалования, договорные и духовные грамоты русских князей говорят о том, что при наличии всех трех элементов права особое развитие получило право частное, гражданское, в рамках которого и решались самые разные юридические проблемы, как связанные с собственностью, так и договорные отношения.

Уже начиная с XII в. все большее развитие получает публичное или судебно-процессуальное право. Особенно это заметно на примере памятников права Смоленского княжества, Великого Новгорода, Пскова. В разного рода договорах мы находим проработку вопросов, связанных с береговым правом, посольским правом, международным правом.

Судебник Ивана III (1497 г.) — это первый, по сути, законодательный документ объединенного после раздробленности Русского государства. Здесь уже налицо устойчивая юридическая традиция. В Судебнике 1550 г. продолжена кодификаторская работа, связанная с терминологическими и содержательными уточнениями, — налицо стремление к аподиктично-

сти, т.е. устранению частных исключений из юридической практики. Очень интересны так называемые «Губные грамоты», в которых отражена детальная проработка проблем, связанных с местным самоуправлением, гражданским обществом. Соборное Уложение 1649 г. Алексея Михайловича — это первая русская кодификация, получившая санкцию всего русского народа и основанная не только на законах прежних русских государей, но и освященная христианской традицией Евангелия, учением Апостолов и Святых Отцов (как об этом и говорится в преамбуле).

Надо сказать, что созданием Судебников русская правовая мысль опередила западноевропейскую. Западная Европа еще в конце XV века не знала свода уголовных законов. Существовавшие в Англии многочисленные статуты, принятые в различное время, не были кодифицированы. Во Франции только в 1533 г. была осуществлена попытка создания единого законодательного акта, да и то он носил исключительно процессуальный характер («Ordonnance criminelle»). Первый общегерманский свод законов («Каролина») появился лишь в 1532 г., то есть спустя 35 лет после принятия на Руси Судебника 1497 г. Не исключена возможность, что опыт кодификации русского права был учтен в процессе кодификации германского права, поскольку первым лицом, сообщившим Западу о существовании Судебника 1497 г., был посол германского императора Сигизмунд Герберштейн, автор известных «Записок о московских делах», содержащих, мягко говоря, довольно тенденциозные и поверхностные сведения об «ужасных нравах московитов».

Новый этап развития уголовно-процессуального и государственного права начинается с «Военного устава Петра I». В 1721 г. Петр I принял титул Всероссийского императора и неограниченного монарха, а в 1722-м был издан указ о престолонаследии. Это — третья кардинальная перемена такого рода в России. Первая, основанная на частном праве, шла от Рюрика и носила название «бокового первородства». Это была «дедина» — наследование по степени близости к основателю рода. Московские князья вводят «отчину», отвоевывая верховную власть у князей тверских, — наследование по нисходящей линии от отца к сыну, внуку и т.д. Петр назначает себе преемника по собственному усмотрению, не ограничиваясь кровно-родственными связями. К сожалению, неясности в механизмах такого «усмотрения» привели к череде «гвардейских переворотов», бироновщине и т.п.

После Петра I наблюдается смягчение такой функции права, как «устрашение», что проявляется сначала в устранении демонстрационной части наказаний и казней (публичные экзекуции на высоких эшафотах заимствованы, кстати, Петром из Европы). Елизавета Петровна в 1753 г. приостанавливает смертную казнь (за очень редким исключением). При Екатерине II продолжается кодификаторская работа, связанная с устранением многословия, прояснением сути законов. Своего апогея эта деятельность достигла при Александре I. Так, усилиями М.М. Сперанского

в кратчайшие сроки была совершена гигантская работа по составлению Полного Собрания, содержащего в себе исторический законодательный материал — 45 томов.

Глубокое осмысление политического государственного опыта России, мирового опыта, сложнейших проблем политики, государства и права (отношения государства и личности в гражданском обществе, проблема правового государства и права человека, политика и правосознание и т.д.) было предпринято представителями русского либерально-консервативного направления в естественном праве («государственная» школа: Б.Н. Чичерин, В.С. Соловьев, Л.И. Петражицкий, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, С.И. Гессен, кн. Е.Н. Трубецкой, Е.В. Спекторский и др.). В их работах — традиционное, свойственное истории русской мысли внимание к человеку, его внутреннему миру, решениям, убеждениям, надеждам, чаяниям, верованиям. Это направление, в котором особое внимание уделялось изучению традиционно-консервативных ценностей социально-политической жизни, неотъемлемым, неотчуждаемым правам человека и роли закона в его жизни; государству, как единому, но и ограниченному в своей власти законом, органу. Эти вопросы далеко не праздные: как показал социально-исторический опыт XX в., они носят даже не теоретико-философский, а скорее социально-прикладной характер. Это особенно ясно показал современный преемник русской политико-правовой традиции А.С. Панарин.

Установка на согласие, а не насилие, конфликт, поиск путей оптимальных решений, примирений определили отношение «государственной» школы к русскому историческому процессу и роли в нем государства. Историки и теоретики государственной школы права — С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, В.О. Ключевский, В.И. Сергеевич, А.Д. Градовский, М.Ф. Владимирский-Буданов, а также историки государственного права — Н.М. Коркунов, А.Н. Филиппов, В.Н. Латкин и др. — рассматривали государство как силу, стоящую над обществом, над классами и выражающую интересы всего общества. Понимание подобного рода специфики и определило особенности прикладных юридических и исторических исследований консервативно-либеральной направленности. Изучаются в первую очередь не «элитные», «классовые», «частные», «прогрессивно-демократические» или «аристократические» интересы, отношения. Стержнем русской истории вообще становится «государственное начало», утверждение которого потребовало, по мнению Б.Н. Чичерина, создания специального военно-служилого сословия, а его материальное обеспечение сделало необходимым закрепление других сословий с помощью крепостного права. Этот же тезис защищал К.Д. Кавелин, а С.М. Соловьев сделал упор на объективной исторической обусловленности и, если хотите, осознанном трагизме этой меры: «Прикрепление крестьян — это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении».

Демократические реформы 1860-х гг. заново привлекли внимание исследователей к развитию теоретического и социально-исторического анализа права, правовых отношений и институтов. Здесь следует упомянуть таких ученых, как А.Д. Градовский, С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, В.И. Сергеевич, В.Н. Латкин, А.Н. Филиппов, М.Ф. Владимирский-Буданов, Б.Э. Нольде и др. Особый интерес в этом плане представляют взгляды русского историка-правоведа В.И. Сергеевича на общество и государство при решении им вопроса об источниках права в Древней Руси. Сергеевич интерпретирует отношения общества и государства как процесс закрепощения и раскрепощения сословий государством в интересах, главным образом, фиска — функционирования системы налогообложения и связанного с этим содержания армии и аппарата управления. М.М. Ковалевский решающее значение придавал исследованию возникновения и развития общественной солидарности людей, того, как в различные времена, в различных странах она получает новую основу — распределение функций, создающее все большую зависимость между членами общества. У историка Н.И. Кареева наиболее важным представляется неприятие им вообще всех однофакторных теорий исторического, социально-политического процесса. Резко критикуя исторический материализм, он видел его слабость в упрощенном понимании исторического процесса, сведении его лишь к экономической основе деятельности общества и связанным с ней классовым отношениям. Совершенно особое значение имеют взгляды М.Я. Острогорского — этого «классика» современной мировой обществоведческой науки, показавшего процесс превращения традиционной политической партии в консолидированную организацию, не имеющую никакой другой цели, кроме собственного роста. Основные положения позитивной программы Острогорского пользуются сейчас огромным успехом в мировой науке и политике. На место традиционных партий с жесткой бюрократической организацией должны быть, по мнению Острогорского, представлены свободные общественные ассоциации, движения, лиги и т.п., ставящие перед собой более конкретные и исполнимые задачи разного рода, причем участие в одной из них не должно исключать участие в других. Особого интереса заслуживает сегодня русская либерально-консервативная философия естественного права. Утверждается главенство закона (а не правителя или партии), его абсолютная и непреходящая самоценность, подотчетность ему всех и вся — подзаконность. При этом закон рассматривается не только с социально-политической, но и с нравственной, духовно-культурной точки зрения. Рассмотрение жизни человека как абсолютной ценности свойственно уже зачинателю русской либерально-консервативной философии. Речь идет о Б.Н. Чичерине (1826–1904). По мнению Н.И. Бердяева, Чичерин был «блестящим защитником теории естественного права, и новейшие идеалистические течения в философии права должны почитать его как самого главного своего предшественника». В.С. Соловьев назы-

вал Чичерина «самым многосторонне образованным и многознающим из всех русских, а может быть, и европейских ученых настоящего времени». В.С. Соловьев (1853–1900), несмотря на существенные отличия во взглядах от позиции Чичерина, тоже весьма видная фигура в политико-правовой мысли России. П.И. Новгородцев, например, считал его основателем русской традиции в философии права и без малейшего колебания причислял «к наиболее видным защитникам правовой идеи среди философов истекшего века». Подобно Чичерину, Соловьев полагал, что истинная функция закона заключается в том, чтобы определять пределы «негативной свободы» человека, а не принуждать людей помогать друг другу; что закон не должен быть связан с какими бы то ни было целями или же «общим благом». Особо следует отметить взгляды Л.И. Петражицкого (1867–1931)— главы так называемой Петербургской школы русского права. Он ищет существенные признаки права не в постановлениях законодателей, а в душе, психологии человека. Вместе с тем, эмпирический психологизм Петражицкого вызывал критические замечания со стороны русских мыслителей — как правоведов, так и философов. Особенно показательны в этом плане взгляды Павла Ивановича Новгородцева (1866–1924), одного из виднейших представителей русской философии и права, а также работы князей С.Н. Трубецкого и Е.Н. Трубецкого, Е.В. Спекторского, Б.Н. Чичерина. Б.А. Кистяковский (1868–1920), продолжатель естественно-правовой идеи, выходец из Украины, также оказал значительное влияние на русскую интеллектуальную историю социально-философских и правовых идей. Он не только тесно сотрудничал с партией П.И. Новгородцева — партией кадетов («Народной свободы»), но и был консультантом М. Вебера, когда тот писал свою капитальную работу «К состоянию буржуазной демократии в России». Идеи «правового социализма» после революции 1917 г. развивал Сергей Иосифович Гессен, который, как известно, принимал участие в подготовке и составлении «Декларации прав человека ООН» 1948 г. вместе с такими мыслителями, как М. Ганди, Т. де Шарден и Б. Кроче. Уместно напомнить слова М. Вебера, высказанные им в 1906 г. и посвященные политической жизни России. Говоря о земствах, М. Вебер пишет: «Их деятельность в крайне трудных условиях должна бы положить конец постоянно возобновляемым разговорам о «неспособности» русских к управлению в условиях свободы». Пора прислушаться к мнению классика социологии, правоведения и политологии.

Шамиурин В.И.

С

СИМВОЛ — особое сочетание смысла и знака, видимого образа и заключенного в нем значения. В многоинтерпретативном аспекте делает акцент на семантике и характеризует науки гуманитарного, в том числе и политического, цикла с точки зрения диахронии, как одновременного рассмотрения нескольких и даже многих смысловых сюжетов. Согласно С.С. Аверинцеву, понятие С. — предельно широкое в гуманитарных науках. Греческое слово $\sigma\upsilon\mu\text{-}\beta\omicron\lambda\omicron\nu$ (от $\sigma\upsilon\mu\text{-}\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ — «складываю воедино») имеет смысл «сопряжение», «соединение», «содействие», «вспоможение», «вспомоществование» и даже «соображение», «заклучение договора». В истолкованиях однозначных, по преимуществу семиотических, чаще всего свойственных наукам естественным, в квантификационном аспекте — подразумевания проводятся в аспекте малоинтерпретативном; по крайней мере, синхроническом. С. обладает особым статусом с точки зрения рассмотрения проблемы соотношения веры и знания. Символическое видение мира предполагает приоритетность принципа веры, вероучительности, что особо проявляется в религиозной и политической областях. Символ веры Никейского собора в христианстве, энигмо-символизм Корана в мусульманстве и «четырех благородных истин» и «десяти заветов» в буддизме и т.п. предполагают предварительное, заведомое, принятие (или неприятие — что тоже имеет религиозные последствия в качестве определенных контрмировоззренческих привязок, имеющих значение только в режиме «парного» противопоставления, как в случае еретических и атеистических построений) смысловых значений как целеполаганий-данностей, на которых затем строятся развернутые теоретические построения-обоснования. В политике, как и в религии, независимо от партийной принадлежности и прокламируемого отношения к трансцендентным проблемам также имеется обязательное принятие некоего набора «аксиом», в дальнейшем формирующих идеологические и мировоззренческие платформы. Как, например, такие установки, как «светлое будущее», «новый человек», «коллективизм», «ленинизм — наше знамя» — в коммунизме; или «общество всеобщего благоденствия», «прогресс», «права и свободы человека», «общечеловеческие гуманитарные ценности» — в либерализме, имеют именно сакрально-символический, а не индуктивный, эмпирико-выводной статус, на основе которого и строятся дальнейшие типы обоснований. В любом случае в процессе выработки

теоретических и идеологических построений те или иные эксперты, комментаторы, как адепты, так и контрадепты, предлагают и предполагают именно вероятности-вариативности самых разных смысловых сюжетов и именно проистекающих из принятых кардинальных смысловых устоев, имеющих высокую степень парадоксально-художественной, зримо-знаковой, т.е. семиотической нагрузки. Такие провозглашенные и принимаемые постулаты — прежде всего аксиологичны, а уж затем — подлежат расшифровке, толкованию, снабжению доказательствами, эмпирической оснастке и дальнейшей популяризации и, в этом смысле, — становятся аксиоматическими. Но не наоборот. В любом случае сама специфика гуманитарной области, наиболее ярко, повторяю, проявляющаяся в религиозной и политической областях, зиждется на бесконечной многоинтерпретативности бесконечных «человеческих глубин», о чем наиболее ярко говорится в патристике и в классической русской литературе, — особенно в творчестве А.П. Чехова и Ф.М. Достоевского. Вера, в данном, интересующем нас, т.е. символическом аспекте, как «убежденность в неочевидности» основана на допущении вероятности решения любой сколь угодно сложной, таинственной, загадочной ситуации, т.е. имеет доминантную сотериологическую составляющую, провозглашающую возможность нахождения смысла в неизвестности, в тайне. Даже в буддизме майе-иллюзии все-таки дано знание о совершенно запредельных и несвойственных кажимости и быванию «благородных», т.е. божественных истинах. Даже в атеизме коммунизма предполагается прыжок «из царства необходимости в царство свободы» (вечность) на основе допущения о возможности несения спасительных функций партийными представителями пролетариата, т.е. смертными, конечными по своей сути людьми. А в либерализме такие же допущения о контакте с вечностью и тоже через экономико-преходящие характеристики имеют просто-напросто несколько другие, но экзистенциально сопоставимые параметры. Здесь носитель божественно-мессианских функций — «золотой миллиард» в лице «среднего класса» евроатлантической культуры-цивилизации. Именно в этом смысле, говоря о С., следует иметь в виду, что здесь нет такой контрарной, даже контрадикторной привязки, как «идеи или верования», а существует лишь именно «неслиянное и нераздельное, нерожденное и неизменное» понятие «идеи и веры» именно в режиме взаимодополнения, а не взаимоисключения. Например, по К. Юнгу — непререкаемому авторитету в области символогии, энергия и интерес, которые современный человек направляет на науку, технику, политику, культуру, в древности были более адекватными и адресно-релевантными — мифопоэтическими. Г. Башляр, известный представитель критического рационализма, в этой связи спрашивал: а как вообще могла бы легенда в виде пустого вымысла жить и переходить из поколения в поколение? Только при условии, считал он, что легенда — не пустой вымысел и у каждого поколения — «свои личные причины», т.е. верификации, верить

в нее. Подобное выяснение «личных причин» как методологическую программу с онтологическим содержанием как раз и ставят перед собой — в наиболее осознанном и развернутом плане — религиозный и политический типы дискурсов. Одна из наиболее ошибочных, по мнению, например, Х. Сирлота и С.С. Аверинцева теорий С. в рамках современного секулярно-лаицистской концепции постмодерна состоит в противопоставлении символического мира миру историческому. Художественная практика XX в. стремится освободить С. от эзотеричности, «запечатанности». В западной философии неокантианец Э. Кассирер (1874–1945) сделал понятие С. предельно широким понятием человеческого мира: человек есть животное «символическое»; язык, миф, религия, искусство и наука есть «символические формы, посредством которых человек упорядочивает окружающий его хаос». А.С. Панарин, как известно, называл подобного рода самонадеянные претензии просветительского проекта «титаническими», «Прометеевым началом». По его мнению, есть темы, которые либеральная культура вообще «табуирует». Это так называемая «цензура передового учения». Тема сакральности С. — из этого ряда. Светско-либеральная концепция как раз и исходит из того, что есть ряд символов, существующих только внутри своей символической структуры-резервации, однако при этом забывают о том (особенно это явствует в сфере политики и религии), что все трансцендентные («судьбоносные») события, одновременно обязательно являющиеся и историческими и символическими, в противном случае (как только символические или только исторические) сразу же выходят из употребления («в тираж») и как раз и превращаются в нерелевантные символы-симулякры, именно в легенду-вымысел об историческом прошлом, не имеющем с настоящим никаких корреляций. Переделывать, постоянно переписывать такую «легенду-историю» — как раз и представляется главной задачей «политического литературоведения». Для «сакрально-политического» отношения к С. характерно взвешенное и ответственное, основанное на просчете реальных последствий, ценностное отношение к истории как свидетельстве человеческой жизни. Политика в этом случае — предоставление успешных мер защиты жизни, состоявшихся в истории. Десакрализация С. в политике опасна — особенно когда речь идет об истории. Напротив, символическое в своей актуальности, востребованности, насущности, а не с точки зрения «музейно-академического интереса» не только не исключает исторического как вечного, «воскресающего», «живее всех живых». Напротив, и историческое, и символическое формируют функциональные аспекты метафизического принципа, вечной платоновской «идеи», которая всегда востребована и насущна, «на повестке дня». А все три начала (символическое, историческое и философско-метафизическое) — едины на различных уровнях или, если угодно, — ипостасях. Большинство авторов относят начало символического мышления к доисторической эпохе — палеолиту. Э. Фромм различает три вида символов: 1) конвенциональные;

2) случайные; 3) универсальные. К первой группе относятся знаки-значения, принятые в математике, промышленности и т.д. Второй тип связан с ассоциациями, возникающими в социальной сфере при и по поводу случайных коммуникаций. Третий тип символов определяется существованием органической, неразрывной внутренней связи между знаком и значением. Именно в этом случае можно говорить об «экзистенциальной», даже «магической» составляющей-силе символа, т.е. его живучести и притягательности. Здесь, по Юнгу, особые связи, ритмы и испытываемые в этой связи людьми эмоции. Архетипы — как раз и есть уже готовые системы образов, как неразрывных симем-семантем и эмоций, т.е. ритмов, которые передаются по наследству от поколения к поколению. Обычно делается различие между С. и аллегорией. Если в первом соотношении знака и значения тяготеет к значению, то во втором — к знаку. Греки приравняли *ἀλληγορία* (буквально «выговаривание-через-иное») к *τολός* (буквально — «удар»; точнее «знак от удара»), что значило — отпечаток, оттиск, изображение, очертание. Г. Башляр, например, называет аллерию «безжизненным образом», сверхрациональным понятием. Юнг считает ее ограниченным символом, сведенным к роли указателя. П. Диэль дает следующее объяснение этого различия. Если выражение «Зевс извергает молнию» для метеоролога — простая аллегория, то она превращается в символ, если сюжет приобретает психологическое значение. В этом случае, независимо от событийного, активистского, поведенческого аспекта темы, Зевс становится символом духа, а молния — символизирует внезапное появление озаряющей мысли (интуиции), которая, в данном случае релевантна определенному началу — богу, Зевсу. Тогда это семиотическое выражение значимой семантической константы, каждая из которых возможна только именно в связке, в «паре». Аллерию, в этом смысле рассмотрим как отчужденный, «обмирщенный», внешний (именно эстетический) и потому — умерший символ, оставивший после себя лишь внешнюю (может даже очень красивую) оболочку (вспомним символ красивых снаружи гробов в Н.З.; и символ «потери лица» в политике). Аллории создаются вполне сознательно, как элемент авторского творчества в литературе, театре, дизайне, в сфере моды и в средствах массовой информации и массовой культуры. Однако для политики и религии переход от символов как жизненных образов к аллегориям как брендам-узусам чрезвычайно опасен и чреват самыми печальными последствиями в силу быстрого устаревания и утраты интереса к последним. Взятое на вооружение, аллегорическое, а не символическое знамя не привлекает устойчивого внимания и уж совершенно точно не вдохновляет на поступок, мысль или чувство, после чего соответствующая конфессия или партия просто сходят на нет в связи с полной утратой сторонников. Аллегория, кроме того, чаще всего логически непротиворечива (хотя бы в силу своей однозначности, одномерности). Символ — многозначен, парадоксален, очень часто и обычно именно многоинтер-

претативен, вплоть до самых противоположных (одновременно) значений, и поэтому — живуч. Так, например, миф о Деметре и ее дочери Персефоне имеет, по крайней мере, три уровня значений: аграрный, психологический и метафизический. В этом плане действенный символ всегда, в духе христологической установки «эллинам — безумие, иудеям — соблазн». Другими словами, истолкование, интерпретация, экзегетика, герменевтика С. — это всегда выбор уровня. И чем больше таких уровней у С., тем более он востребован, тем более он актуален. Либерально-относительный взгляд на ценность С. переключает внимание исследования с онтологических аспектов на методологические. Изучаются приемы пользования объектом. Сам же объект — утрачивается. Относительный взгляд на С., отрицая его онтологию бытия и подчеркивая его онтологию в виде исключительно пользования и бывания ведет к тому, что символ, переставая быть самоценностью, перестает быть и внутренним императивом, вообще утрачивает статус императива, т.е. перестает быть всеобщим, необходимым и общезначимым. Происходит «освобождение» от обязательности в виде внутреннего повеления, и свобода становится рабством переходящему интересу-капризу — высшей форме несвободы. «Деградация» символа всегда связана с его переводом (осознанным или нет) в узкий ранг аллегории — произвольного и малосодержательного иносказания, принципиально отличного от С. как ответственного, ценностного суждения-образа.

В.И. Шамиурин

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА — важная отрасль государственной политики (наряду с экономической, экологической, научной, информационной и другими отраслями), в функциональные цели которой входят меры по обеспечению социальных прав граждан, гарантированных конституцией и действующим законодательством, защита социально уязвимых групп населения и развитие социальной инфраструктуры. Забота государства о социальной сфере и целенаправленная отраслевая политика — явления сравнительно новые, восходящие к социальным реформам Бисмарка в Германии (прежде всего, речь идет о зарождении первой в мире государственной системы пенсионного обеспечения). Отраслевой подход делает политику целенаправленной и взаимовыгодной. С одной стороны, он расширяет социальную поддержку власти, а с другой стороны, стимулирует инвестиции в социальную сферу («инвестиции в человека»), делает их управляемыми и «прозрачными» для контроля со стороны государства и общества. Этот подход позволяет также повысить эффективность управления социальной инфраструктурой и расширяет возможность стратегического планирования, в том числе средне- и долгосрочного, позволяет распределять ответственность за выполнение или невыполнение социально значимых проектов и программ.

Обычно к социальной сфере, которая является объектом социальной политики, относят систему образования и систему здравоохранения, различные виды социального страхования и пенсионное обеспечение. Чем выше роль государства в развитии социальной сферы, тем шире ее границы. При этом крайне трудно провести жесткую грань между социальной сферой и другими сферами государственного управления и контроля. К примеру, невозможно жестко, по чисто формальному признаку, отделить политику в области образования от научной политики, т.к. это разрушит единую научную и вузовскую инфраструктуру, или развести развитие системы здравоохранения от экологической политики, поскольку качество окружающей среды — не менее значимый фактор поддержания качества жизни населения, чем медицинское обслуживание.

Отраслевой подход к государственной социальной политике не исчерпывает ее функции и во многом сужает представление о ее потенциале, поскольку любая из отраслей политики имеет ярко выраженное социальное измерение. В конечном итоге эффективность любой отрасли — и экономической, и финансовой, и научной — зависит от ее «социальной отдачи» в средне- и долгосрочной перспективе, от того, как конкретная политическая деятельность влияет на уровень и качество жизни населения. По этой причине сегодня в качестве универсального критерия оценки развития, в том числе экономического, называют качество жизни. Так же и при построении дерева целей (эта форма планирования практикуется в процессе оптимизации деятельности государственных структур, министерств и ведомств) именно качество жизни все чаще рассматривают в качестве основной цели, которой подчинены все остальные отраслевые и корпоративные цели и задачи.

Это обстоятельство требует преодоления узкоотраслевого подхода, развития межотраслевых, транссекторальных и межрегиональных связей в интересах решения социальных проблем. Таким образом, государственная социальная политика имеет два основных измерения. Если в рамках первого (отраслевого) на государственные органы возложена ведущая роль в развитии и управлении социальной инфраструктурой под контролем институтов гражданского общества, то второе измерение — трансотраслевое (или транссекторальное) возлагает на государство ответственность за выработку социально ориентированной стратегии долгосрочного устойчивого развития, за координацию всех направлений, секторов и отраслей. Одно из условия такой политики — независимая и открытая социальная и экологическая экспертиза всех проектов и программ в любой из областей деятельности, принятие решений при обязательном участии местного населения.

При совершенствовании государственной социальной политики следует обращать внимание не только на ее достоинства, но и на свойственные ей трудно устранимые пороки «огосударствления» — на бюрократизацию аппарата, формализацию и обезличку «объектов управления», противодей-

стве любым проявлениям самодеятельности и инициативы, а также на стремление максимально сузить под предлогом «оптимизации» объект управления, т.е. саму социальную сферу. Эффективность государственной социальной политики во многом зависит от возможностей того или иного государства аккумулировать необходимые ресурсы для выполнения всех социальных обязательств и осуществления социальных программ, что напрямую связано с механизмом централизованного перераспределения ресурсов между социальными группами и между регионами. Это требование влечет за собой существенное ограничение «рыночных свобод» и вызывает противодействие как со стороны крупных собственников, не заинтересованных в переделе доходов, так и со стороны успешных регионов.

Для преодоления этого барьера на пути развития социальной политики во многих государствах Европы в течение ряда десятилетий (после Второй мировой войны) проводится политика строительства *социального государства*, одна из важнейших обязанностей которого — сужение до приемлемых рамок «социальных ножниц», т.е. имущественного разрыва между «самыми богатыми» и «самыми бедными» слоями населения, ликвидация массового обнищания. Современная Россия в соответствии с Конституцией относит себя к социальным государствам, хотя этот конституционный принцип вступает в явное противоречие с реальностью — постоянно углубляющимся социальным разрывом.

При оценке социальной политики, ее сильных и слабых сторон следует исходить из того, как устроена и функционирует политическая система в целом, какую роль играют в развитии социальной сферы не только государственные структуры федерального и регионального уровня, но и институты гражданского общества, а также религиозные организации, как распределены функции между ними. В социалистическом обществе, построенном в СССР, не существовало «эксплуататорских классов» и была полностью ликвидирована крупная частная собственность, в результате чего государство стало единственным дееспособным субъектом социальной политики, а возможности негосударственной сферы были сведены к минимуму. При этом церковная социальная политика (социальное служение, церковная благотворительность) была запрещена на законодательном уровне. В большинстве стран мира, где не было такого опыта тотального огосударствления, социальная сфера, как правило, состоит из двух взаимосвязанных и равнозначных «полусфер» — государственной и негосударственной. В этом случае в задачи государственного управления входит не только управление «государственной сферой», но и всемерная поддержка и создание благоприятных условий (прежде всего, правовых) для приоритетного развития негосударственной социальной инфраструктуры и такой системы поддержки благотворительности, которая бы стимулировала меценатов.

При определении особенностей и возможностей социальной политики в традиционном (классовом и сословном) обществе важно учитывать

характер и динамику социального расслоения, степень развития органов самоуправления в регионах и особенности традиционных укладов жизни, этнокультурную специфику территорий, их ресурсный потенциал и качество человеческого потенциала. Не менее важно учитывать уровень развития «третьего сектора экономики» — некоммерческих организаций социальной направленности, которые в ряде случаев (например, в США) вовлекают в свою деятельность большую часть активного населения и берут на себя значительную долю ответственности за адресную социальную помощь. С учетом всех этих факторов можно определить тип социальной политики, характерный для того или иного государства. При этом различия в функциях социальной сферы в разных государствах мира разительны: если Европейский союз ориентирован на принципы построения социальных государств, что предполагает элементы патернализма и опережающее развитие государственной социальной сферы с обязательным социальным страхованием, то в США функционирует совершенно иная модель, чуждая духу патернализма. К примеру, почти вся система медицинского обслуживания сосредоточена в руках частного сектора. Однако американская модель довольно успешно функционирует, т.к. по преимуществу нацелена на целевую поддержку остро нуждающихся слоев общества и на совершенствование мотивационной среды для развития человеческих ресурсов в условиях существенного социального расслоения, сопоставимого с уровнем расслоения в современной России.

Основная цель социально ориентированной государственной политики России, как она формулируется в проекте Социальной доктрины Российской Федерации, — использование природных и человеческих ресурсов, экономического и культурного потенциала страны, а также возможностей государственного управления и самоуправления в интересах *народосбережения*. Под народосбережением понимается не только политика, направленная на выживание населения и поддержание высокого качества жизни, улучшение демографической и экологической ситуации, но и на осуществление исторической миссии России — сбережение каждого из ее народов и каждой этнокультурной группы. Выполнение этой миссии, с которой всегда справлялась историческая Россия, сталкивается сегодня с большими трудностями в условиях глобализирующегося мира, принудительной культурной унификации, навязывания нетрадиционных ролевых функций и моделей асоциального поведения в качестве норм и образцов для подражания. Народосбережение как функциональная цель государственной политики предполагает решение ряда приоритетных задач, в число которых входят:

- создание материальных условий и социокультурных предпосылок для воспроизводства населения, улучшения общих коэффициентов рождаемости и снижения смертности, а также других демографических показателей;

- всемерное укрепление института семьи как наиболее устойчивой исторической формы самоорганизации и социализации личности, «фабрики производства», гаранта преемственности и солидарности поко-

лений, а также оптимальной модели целевого перераспределения доходов и инвестиций в человеческий капитал;

□ поддержание достойного уровня и максимально высокого качества жизни населения с учетом адаптационных возможностей человека к условиям жизни в различных регионах России, значительную часть которых составляют экстремальные северные территории, что осложняет жизнедеятельность людей и требует особых мер по защите здоровья;

□ осуществление долгосрочной национальной стратегии, направленной на укрепление гражданской и культурной идентичности народов России, сохранение и приумножение культурного и духовного наследия всех этнических групп, исторически представленных на территории Российской Федерации;

□ содействие становлению и развитию институтов гражданского общества, которое способно не только принять полноценное участие в выработке государственной социальной политики, но и взять на себя значительную часть коллективной ответственности за поддержание социальной инфраструктуры, учитывающей специфику региональных и национальных укладов жизни;

□ обеспечение социальной, в том числе и продовольственной безопасности отдельных социальных групп, регионов и страны в целом, что требует подчинения основным целям социальной политики целей отраслевых политик (экономической, ресурсной, энергетической, информационной и т.д.);

□ создание условий для полноценной жизнедеятельности будущих поколений граждан, что составляет смысл и один из важнейших критериев стратегии устойчивого развития;

□ защиту окружающей среды и ответственное управление природными и энергетическими ресурсами в интересах местного населения.

Среди целей и задач отраслевой социальной политики особого внимания заслуживают:

□ создание правовых предпосылок и материальных условий для удовлетворения экономических, социальных и культурных запросов, которые отвечают интересам различных социальных групп и слоев населения;

□ мониторинг показателей качества жизни различных возрастных, социальных и профессиональных групп в каждом из регионов страны, который позволяет использовать объективные критерии для измерения и оценки эффективности социальной политики на федеральном и региональном уровне;

□ поэтапное повышение социальных стандартов повседневной жизни населения в отношении жилья, работы, культуры, досуга и коммуникаций, а также принципиальный отказ от принятия любых политических решений, направленных на снижение уже достигнутых стандартов и социальных завоеваний;

□ сбалансированное социально-экономическое развитие регионов и преодоление сложившихся диспропорций, что предполагает укрепление межрегиональных связей и, прежде всего, связей периферийных регионов с индустриальными и экономическими центрами страны, а также

стимулирование развития депрессивных областей, формирование единых требований к региональной социальной инфраструктуре, осуществление программ по созданию рабочих мест и контроль за перемещением трудовых ресурсов в интересах регионального развития;

□ координация между местными, региональными и национальными уровнями принятия решений в сфере социальной политики, а также между отраслями в интересах устойчивого развития, выравнивания финансовых возможностей и обеспечения социальной безопасности;

□ расширение возможностей для занятости и повышения производительности труда как в сельском, так и в городском секторах, путем обеспечения экономического роста, инвестиций в развитие людских ресурсов, поощрения применения технологий, способствующих производительному труду, и поощрения индивидуальной трудовой деятельности, предпринимательства и развития малых и средних предприятий;

□ укрепление связей с зарубежными соотечественниками, которые при определенных условиях могут рассматриваться как объекты и субъекты социальной политики Российской Федерации;

□ сокращение уровня безработицы и устранение причин структурной безработицы и неполной занятости среди молодежи, женщин, инвалидов и всех других социально уязвимых групп населения и отдельных лиц, находящихся в неблагоприятном положении;

□ создание рабочих мест, открывающих возможность для совмещения оплачиваемой работы с выполнением семейных обязанностей;

□ улучшение доступа к земле, кредитам, информации, инфраструктуре и другим производственным ресурсам для малых и микропредприятий;

□ устранение гендерного неравенства в вопросах занятости и оплаты труда, защита позиций женщин на трудовом рынке;

□ содействие адаптации населения к меняющимся экономическим условиям, технологиям и новым рынкам труда посредством предоставления возможностей для образования, получения информации и профессиональной подготовки;

□ государственная поддержка и развитие «третьего сектора» экономики — независимых от государства некоммерческих общественных объединений социальной направленности, имеющих различную организационную форму и призванных способствовать достижению социальных изменений, значимых для общества в целом.

В.Н. Распорзеев

СУБКУЛЬТУРА (лат. sub — под и cultura — возделывание, воспитание, поклонение) — совокупность ценностей, норм, стереотипов, существующая в рамках доминирующей культуры, принятая и поддерживаемая лишь определенными социальными группами. С. может быть сформирована под влиянием различных факторов, например, социаль-

ных, религиозных, этнических, политических. Сегодня, в эпоху глобализации, понятие С. приобретает особое значение. Если XVIII—XIX вв. доминирующими культурами считались национальные культуры, а культуры локальные получали статус С. (например, индейская культура в США, каталонская — в Испании), то сегодня можно говорить о том, что собственно национальные культуры оказываются С. в отношении глобальной массовой культуры, которая рассчитана на всех жителей Земли без учета их пола, возраста, вероисповедания. По отношению к глобальной культуре все остальные культурные общности и являются субкультурами со своим ограниченным кругом приверженцев, со своими ценностями и представлениями. Исходя из данного положения, можно предполагать, что реакция национальных культур бывает как позитивной, так и негативной. Создание универсальной культуры предполагает наличие универсальных ценностей, приоритетов, которые должны быть приняты всеми нациями. Очевидно, что принять это как данность трудно, особенно в случае, если речь идет о многонациональном государстве, то есть о культуре, в рамках которой уже существуют и взаимодействуют субкультуры. В то же время, существование С. в современном мире, их развитие было во многом обусловлено сменой политических условий, имевшей место во второй половине XX столетия. По мнению известного российского культуролога К.Э. Разлогова, распад СССР и кризис политической и идеологической «биполярности» мира неожиданно выдвинул взаимодействие субкультур в центр развития современной цивилизации. Если в эпоху существования Советского Союза политическая С. являлась ответом на стремление политической культуры как части тоталитарного режима заполнить собой все социальное пространство, и партийная идеология рождала диссидентство, то после распада СССР в поисках психологической опоры люди стали обращаться к своим историческим и культурным традициям как «ядру» идентичности того или иного этноса, отделяющего его от соседей и даже противопоставляющего им.

К.Ю. Аласания

СЦИЕНТИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ — теоретико-методологическая установка, нацеленная на придание познанию политики статуса науки.

Сциентизм опирается преимущественно на классическое понимание рациональности и науки, теоретически обоснованное в позитивизме. В качестве признаков научности выступают:

□ реализм и феноменализм, проявляющиеся в исследовании сущего, а не должного (явлений, а не скрытых за ними сущностей);

□ эмпирико-рациональный характер, обеспечиваемый опорой на данные, полученные опытным путем, и логическую строгость их обработки, а также нацеленностью на формулировку общих положений, фиксирующих

знания об устойчивых характеристиках изучаемого объекта в виде законов, гипотез и пр. и эмпирическое подтверждение полученных результатов;

□ общезначимость и репликативность выводов, достигаемые благодаря достоверности, объективности и универсальности результатов исследования и ценностной нейтральностью, которая призвана исключить субъективизм, порожаемый личной позицией исследователя;

□ антиметафизичность и дистанцирование от абстрактного теоретизирования, исключающие разработку и применение метатеоретических конструкций, которые претендуют на регулятивную функцию, построены на основе одного или нескольких объяснительных факторов и нацелены на поиск детерминант, доступных лишь умозрительному постижению;

□ применимость, ориентирующая исследования на повышение эффективности использования полученных результатов и увеличение продуктивности силы системы знаний.

Науку как рациональную форму фиксации общезначимого, надындивидуального знания, позволяющего эффективно решать теоретические и практические задачи, сциентизм противопоставляет иным формам постижения действительности (философскому, идеологическому, религиозному, эстетическому и пр.). Наука признается не только исключительно адекватной и потому единственно легитимной, моделью получения, хранения и приращения истины, но и высшей культурной ценностью. Заложенное в ее сущности стремление к постоянному расширению и углублению знания служит главным стимулом социального развития, поскольку полученные в результате научного исследования выводы требуют эмпирической проверки, без которой невозможно их подтверждение или опровержение, а их практическая апробация и внедрение неизбежно влекут за собой изменения в материальной и духовной сферах общества.

Помимо признания, что прогресс науки обуславливает социальный прогресс, сциентизм утверждает, что научные знания могут и должны стать основой и эффективным инструментом социальных преобразований, поскольку именно наука дает истинную картину мира, позволяет определить законы его динамики и, соответственно, выбрать и применить адекватные средства для получения желаемых результатов. Тем самым наука делает возможным снижение степени неопределенности, достижение точности прогнозирования и реальности планирования не только в деле покорения природы, но и в социальной деятельности. Особое значение эти возможности приобретают в приложении к социальному контексту, и в первую очередь к сфере политики, в которой неопределенность результатов предпринятых шагов и решений связана с особо значимыми угрозами.

В политическом познании сциентистские устремления начали формироваться еще в древности. Они проявлялись в попытках получить истинные знания о политическом, выявить законы, управляющие политическими процессами, построить систему управления обществом и государством на научной основе. В этой связи следует, прежде всего, вспомнить Аристотеля, рас-

смастривавшего политику как науку управления, и Н. Макиавелли, в теории которого политике придана автономия, а ее законы отделены от регуляторов, действующих в других сферах общества. Однако в полной мере о сциентизме в политическом познании можно говорить лишь начиная с XIX в., когда в качестве формы организации знания о человеке и его общественном бытии место моральной философии заняли социальные науки и была сформулирована задача преодоления «отсталости» социального познания и получения позитивного знания об обществе, сравнимого по точности и эмпирической обоснованности с результатами естественных наук.

К этому времени политические процессы и явления изучались в комплексе со всеми общественными явлениями, а теоретические исследования политики не соответствовали выдвигаемым сциентизмом критериям научности. Соответственно, сформировались два основных стимула, оказавших определяющее влияние на развитие политического знания XIX–XX вв. — стремление (1) к исследовательской автономии, выделению политологии из массива социального знания, получению ею статуса самостоятельной дисциплины; (2) к превращению политического познания в строгую науку, дающую верифицируемое, формализуемое, инструментальное знание.

Путь к научности политических исследований был связан с утверждением установки на открытие законов политики и, соответственно, с ориентацией на рефлексивные теории и активными попытками дистанцироваться от валлоативных способов постижения политической реальности. При этом ценностно окрашенное знание, в первую очередь политико-философское, отвергалось как неприемлемое в силу неспособности дать объективные, общезначимые результаты и неприменимости на практике из-за высокого уровня абстракции. Сциентизм пробивал себе дорогу в борьбе с оппонентами, стремившимися ограничить сферу применения эмпирических и логико-математических моделей, снизить статус позитивистски понимаемой научности, обосновав ее подчиненное положение по сравнению с ценностно-нормативными принципами политического познания, обосновать легитимность попыток философского осмысления сущности политических феноменов и т.д. Идеи и установки сциентизма и антисциентизма в той или иной мере, в том или ином сочетании оказывались в арсенале всех ведущих теоретико-методологических направлений, во многом определяя реальный процесс противоборства, взаимовлияния и взаимопроникновения школ и течений политической мысли.

С середины XIX в. позицию сциентизма активно проводил институционализм, претендующий на статус научного подхода в исследовании политики. В конце XIX — начале XX в. его стал вытеснять формирующийся бихевиорализм, впервые получивший комплексное теоретическое обоснование в программе «новой политической науки», разработанной Ч. Мерриамом и реализованной Чикагской школой политологии в 20–30-х гг. В качестве конституирующих принципов науки о политике были приняты представления о научности, философски обоснованные в рамках прагма-

тизма. Начиная с 30-х гг. влияние сциентизма в политическом познании резко возрастает, и в период бихевиоральной революции он приобретает доминирующее положение.

Наряду с ростом масштабов политических исследований, расширением эмпирической базы, совершенствованием техники и увеличением степени точности измерений жесткая сциентистская направленность привела к ряду последствий, разрушительных для политической науки. А теоретическая и антивалюативная установка повлекли за собой отказ от макротеории и преимущественное внимание к разработке методов в ущерб содержанию, что стимулировало дезинтеграционные процессы, связанные с невозможностью обосновать предметное единство политологии как научной дисциплины. Игнорирование ценностных и нормативных аспектов политики обедняло проблематику и не позволяло разрабатывать релевантные объяснительные модели.

В 60–70-х гг. XX в. кризисные явления нарастали вместе с растущим разочарованием в эпистемологическом потенциале бихевиорализма и осознанием ограниченности сциентистской модели политического познания. В 70-е гг. прошла «новая революция в политической науке» (Д. Истон), и начался постбихевиоральный период в истории политической науке, основным содержанием которого стало снятие противостояния сциентизма и антисциентизма. Макротеоретическая перспектива перестала восприниматься как обязательно метафизическая и потому научно неприемлемая, была подтверждена правомерность философского уровня осмысления политики, актуализированы нормативная проблематика и ценностный подход. Немаловажную роль в изменении эпистемологических установок в политическом познании сыграл постпозитивистский поворот в философии науки, изменивший само представление о науке и признаках научности.

В российской политической науке проблема противостояния сциентизма и антисциентизма в политическом исследовании не преодолена. В рамках отечественного дискурса можно встретить принципиально несогласуемые образы науки о политике, принимаемые в качестве матричных, — и классические сциентистские модели жестко нормированной, ценностно нейтральной деятельности по поиску объективной, универсальной истины, и постпозитивистские версии, признающие зависимость способов познания от социально-культурного контекста и настаивающие на неустрашимой ценностной ангажированности научного поиска. Это объясняется спецификой процесса становления российской политологии в постсоветский период: в относительно краткий отрезок времени была осуществлена интенсивная рецепция значительного объема знаний и методов, полученных западной политической наукой за последние два столетия. Это обусловило возникновение уникальной ситуации, когда парадигмы самопонимания дисциплины, последовательно сменявшие друг друга на Западе в течение XIX–XX в., оказались сосуществующими.

О.Ю. Бойцова

Т

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА — научная и образовательная дисциплина, изучающая сущность государства и права как общественных феноменов, общие и специфические закономерности возникновения, становления и развития государства и права. Т.Г.П. имеет две взаимосвязанные составные части: 1) теория государства или общее учение о государстве, которая изучает происхождение государства, типы и формы государства, структурные элементы и функции государства, тенденции развития государственных систем; 2) теория права, изучающая источники права, толкование права, виды правовых норм, законотворчество и правоприменение, коллизии в праве и т.п.

Е.Н. Моцелков

ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ. Наука о государственно-политических системах и юридических формах их осуществления в управлении человеком и гражданским обществом. Включает три важнейших аспекта: собственно-теоретический, исторический и конкретно-эмпирический. Как наука преимущественно о государстве изучает историю политических учений и традиций, политических систем и идейно-политических парадигм и течений, теорию политики, механизмы принятия решений и реализацию властных функций и т.д. При этом особое свойство Т.П. состоит в том, что акцент делается не только на символизации истины в виде того или иного дескриптивного знания. Но и прежде всего — в инструментализации, операционализации знания. Здесь в теоретико-методологическом отношении очень важно разграничение между социологией, политической социологией и собственно Т.П. Объект исследования социологии — самоорганизация возникших и возникающих социальных отношений в тех или иных общностях людей в их статусно-ролевых осуществлениях. Т.П. изучает мир политического. Промежуточное пространство между гражданским обществом и миром политического входит в сферу политической социологии, представляющей особое пересечение Т.П. и социологии и изучающей движение партий и общественных организаций в государственные структуры. П.С. имеет дело с социальными причинами и отношениями распределения власти и властных структур в обществе, факторами, определяющими политическое поведение людей, политические конфликты, политические

установки, ориентацию и унастроение широких масс населения, механизмы отражения социального плюрализма в политической сфере и т.д. П.С. в большей степени, чем Т.П., концентрирует внимание на борьбе за власть между различными слоями общества, социальных конфликтах и социальных измерениях, скрытых функциях, неформальных и дисфункциональных аспектах политики. Т.П., первоначально сформировавшаяся именно как «государствоведческая дисциплина», призвана изучать предназначение и функции государственных и политических феноменов, институтов, процессов. Главный предмет Т.П. — «государство» с дисциплинарной точки зрения вслед за Г. Олмондом, можно охарактеризовать как нормативный центр политической системы, ее предел и конечное оправдание. Здесь Олмонд продолжает лучшие традиции европейской, американской и русской Т.П. В России это касается «государственной» школы — классической либерально-консервативной школы естественного права. Европейская Т.П. берет свое начало от истории идей и концентрирует внимание на исследовании государственного права и государственно-политических институтов. Американская Т.П. делала и делает акцент на социальные основания государства. Что касается русской Т.П., то здесь особую остроту приобретают вопросы сравнительно-исторического, нравственного, философско-религиозного порядков, связанных с проблемами определения сути государства и права, конституционализма, правового государства и т.д. Особо важна такая отрасль Т.П., как государственно-административное управление, от эффективности которого зависит благополучие и граждан, и государства в целом. Здесь речь идет не только о том, что законы надо соблюдать «во что бы то ни стало» и как это делать, но и о том, как следить за тем, чтобы законы соблюдались и соблюдались успешно. И с кого и как при этом спрашивать в большей или меньшей степени. С точки зрения Т.П., государство, правовое государство призвано обеспечить условия для жизнеспособности и функционирования гражданского общества, основных его институтов, принципов и ценностей. Обеспечить, как считал В.С. Соловьев, «право граждан на достойное существование». Государство в Т.П. — политическая организация гражданского общества. Они равносущностны настолько, насколько равносущны материя и сознание, т.е. «нераздельны и неслиянны» и взаимодополняют друг друга. При этом государство во мире политического занимает особое место. Это — стержневой элемент, вокруг которого объединяется все остальное в результате инфраструктурной организации и координации элементов творчеств а. Если партии и другие институты в виде общественных организаций представляют (или не представляют) интерес и позиции тех или иных категорий граждан в политической системе, то государство в Т.П. выражает всеобщий интерес. Иначе оно — еще не государство или уже не государство. Оно — главный инструмент реализации власти, главный субъект суверенитета. Именно здесь и уместно говорить о метаэкономическом, философском уровне Т.П.: государство наряду с семьей, языком, культурой и

т.д. является одним из фундаментальных институтов, составляющих инфраструктуру жизнедеятельности человека как общественного существа, способного к нравственно-осмысленным целеполаганиям и ответственным долженствованиям и выражению этих целеполаганий и долженствований с помощью языка и речи. В основе государства, находящегося на высоте своего положения, лежит стремление к достижению стабильного внутреннего и внешнего мира, пронизывающее все человеческое бытие. Это — известная мысль русского государственника-политолога Б.Н. Чичерина, который рассматривал государство именно как главный двигатель и творец истории. В Т.П. очень важна и эмпирико-прикладная проработка государственной жизни. Имеются в виду вопросы, связанные с политическими системами и политическими режимами, их типологизация, территориально-политическая организация политических систем с конкретными принципами и механизмами взаимоотношений между центральными и местными органами государственной власти: проблемы федерализма, конфедерализма, унитаризма. База данных здесь весьма обширна: выборка включает в себя не только страны и регионы, исторические эпохи, но и области внутри стран и регионов с обычным статусом, и области, которые сохраняют особый статус на основе специфических социальных, культурных, этнических или исторических особенностей. Это, к примеру, Сицилия, Сардиния, Вале д'Аоста, Трентино-Альто Адидже, Шотландия, Уэльс и др. Большой интерес в Т.П. представляют исторические и идеальные типы демократий, принципы правового государства — с одной стороны; и характеристики, присущие тоталитарно-авторитарным признакам политического устройства, — с другой. Суть тоталитаризма в слитности, нерасчлененности, недифференцированности различных структур — социальных, экономических, политических, идеологических и т.д. Однако в этом — и сила, и слабость, а главное — основная, по Т.П., причина гибели тоталитаризма. Если единство построено на неупорядоченности прав и обязанностей, когда элите позволено все, даже безответственность за происходящие в гражданском обществе потрясения и неурядица (что исключено в «правильном» по Т.П., т.е. правовом государстве), если элита постоянно отстает и выступает в роли «похоронной команды», которая компенсирует обществу отрицательные последствия, но не предупреждает их, то подобное течение дел неминуемо ведет к неразберихе и краху. Функции власти здесь реально, а не на словах не определены законом. Особенно реально не определено имущественное положение элиты. Тогда как в правовом государстве, согласно Т.П., государство, будучи субъектом права, в то же время связано правом, правовыми нормами.

В.И. Шамиурин

ТОЛЕРАНТНОСТЬ (от лат. *tolerantia* — терпение) — способность общества уважать нравственные, правовые, политические проявления пред-

ставителей других культур, существующих в данном обществе. Изначально Т. трактовалась как пассивное терпение, впоследствии к данному значению Т. добавляется понимание Т. как позволения и сдержанности. Начиная с XVI в. с Т. связывается вопрос об уступках в сфере религиозной свободы, а именно — разрешение со стороны государства и официальной церкви отправления иных религиозных культов. Веротерпимость является исторически первой и доминирующей формой проявления Т. В XVII–XVIII вв. понятие Т. обретает новые смысловые оттенки. Т., с одной стороны, связывается с искренностью убеждений, необходимой для свободного и добровольного вступления в общину верующих. С другой стороны, в этот период Т. начинает осмысливаться не только как религиозная, но социально-политическая категория. В работах М. Монтеня, Д. Локка, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо Т. помещается в контекст проблем, связанных с организацией стабильного правового государства, когда уважение к свободе совести и правам человека оказываются в фокусе внимания политических мыслителей и философов. Традиционно считается, что понятие Т. вошло в лексикон политической науки благодаря мыслителям эпохи Просвещения. Сегодня в самом широком смысле понятие Т. связывают с принятием многообразия культур, существующих в современном мире. Согласно Декларации принципов толерантности, утвержденной ЮНЕСКО в 1995 году, под Т. следует понимать не только моральный долг, но и политическую, и правовую потребность. Вместе с тем Т. не следует воспринимать как уступки или снисхождение, но как активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. На государственном уровне Т. подразумевает создание беспристрастного законодательства, соблюдения правопорядка, судебно-процессуальных и административных норм. Т. также требует предоставления каждому человеку возможностей для экономического и социального развития без какой-либо дискриминации.

К.Ю. Аласания

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКАЯ — открытость процессов, протекающих в политической сфере, которая основана на возможности граждан получать информацию о целях деятельности государственной власти, о путях осуществления политических задач. Родоначальником института Т.П. в правовом отношении считается Швеция, где в 1766 г. был принят Закон о свободе изданий. С середины XX века законы об открытости публичных документов, о свободном доступе к информации, о гласности в административном управлении и т.п. принимаются во множестве западных стран (Финляндия, Дания, Норвегия, Франция, Канада, Австралия и др.). Важно отметить при этом, что со временем Т.П. становится неотъемлемой частью жизни даже тех государств, в которых бюрократический аппарат всегда обладал широкими управленческими права-

ми и имел возможность оставаться неподконтрольным обществу. Так, в 2001 г. Япония стала 14-м государством мира, где принцип Т. административно-государственного управления, открытости его для широкого контроля со стороны общества закреплен в качестве правовой нормы Законом об опубликовании информации, принадлежащей административным органам. С одной стороны, Т.П. может рассматриваться как следствие определенного политического режима, поскольку степень Т.П. напрямую зависит от типа политической системы: авторитарные принципы управления предполагают минимальную степень открытости процессов, связанных с управлением государством, демократические режимы, подразумевающие участие граждан в политике, их влияние на политический процесс, утверждают необходимость Т.П. С другой стороны, Т.П. представляет собой характеристику, определяющую наличие или отсутствие демократии в той или иной стране. Открытость или закрытость политических процессов характеризует уровень демократизации общества.

К.Ю. Аласания

У

УТОПИЯ (от др. греч. *τοπος* — «место», *ου-τοπος* — «не существующее место») или, по другой версии, «благое место») — литературно-философский жанр, который давал возможность мыслителям и политикам, используя возможности художественной литературы, предлагать обществу и популяризировать проекты мирового переустройства на основе некоей модели идеального общественного устройства. По мере становления и распространения фантастики этот жанр стал рассматриваться в качестве одного из ее основных разделов и направлений, что существенно сужает представление о возможностях жанра утопии. В определенной степени эта эволюция жанра объясняется становлением и развитием политических наук и, в частности, философии политики и права, расширением политического образования и ростом политической культуры. Политические науки выполняют прогностическую и футурологическую функции, а популярность такого рода научной и научно-популярной литературы не уступает художественным изданиям. Сам термин «утопия» восходит к названию известного сочинения Томаса Мора, в котором был представлен образ идеального государства. «Утопия» Мора (1516), считающегося основателем школы утопического социализма, оказала особо сильное влияние на становление политических идеологий и, прежде всего, социалистических учений, а в рамках марксистско-ленинской философии рассматривалась как один из основных теоретических источников «научного коммунизма».

Учитывая, что большая часть подобных проектов совершенного мироустройства, в том числе и тех, которые были близки к осуществлению, не состоялась, в языках всех просвещенных народов утопией стали называть не только литературный жанр, но и любые заведомо неосуществимые предприятия, явно не реалистические проекты и несостоятельные идеи — научные и политические. При этом обвинение в утопичности слишком часто представляет собой не критическое суждение. С одной стороны, в большинстве случаев людям не дано заранее предугадать или просчитать, какая из конкурирующих идей или какой из проектов продемонстрировали бы большую эффективность, если бы вовремя нашли поддержку и были реализованы, а не попали в разряд утопий. С другой стороны, трудно заранее предсказать, какие из проектов, в том числе общепризнанных, масштабных и затратных, будучи доведены до окончательной реализации, окажутся в действительности недостаточно жизнеспособными или совершенно не конкурентоспособными. Политическая практика показывает, что иногда именно нежизнеспособные проекты, глубоко идеологизированные и рассчитанные на

поддержку широких масс, легче осуществляются, чем грамотные, но трудные для понимания, а потому и непопулярные проекты и предложения.

Утопии приходят в мир зачастую в облики вполне реалистических, технологически достижимых целей, респектабельных стратегий и политических доктрин, закрепляющих эти цели и стратегии как руководство к действию. По одной этой причине они завоевывают массовое сознание — и не только профанное, обывательское, но и сознание высоких профессионалов, а потому переходят в разряд планов строительства будущего (как правило, *светлого, справедливого, разумного...*). Но отличие таких осуществляемых или уже осуществленных утопий от стратегий состоит в том, что сбывшиеся утопии поворачивают колесо истории вспять или, что еще хуже, ломают сам поворотный механизм истории. Иное дело — подлинные стратегии, которые поначалу многими или даже всеми воспринимаются как утопии, хотя именно они могут стать при стечении «счастливых» обстоятельств факторами исторического развития, сберегающего жизнь в ее природном и цивилизационном многообразии.

Если принять такую точку зрения, то можно сделать ряд выводов из сказанного. Во-первых, противопоставление утопии реалистичным идеям, разумным планам или перспективным стратегиям по принципу «осуществимо — не осуществимо» представляется не вполне корректным. Во-вторых, вполне корректным критерием оценки может служить способность идеи или политического проекта сохранять и расширять веер вариантов дальнейшего развития по мере осуществления проекта. Если в результате реализации замысла возможности выбора резко сокращаются или полностью исчезают, что иногда завершается социальным крушением, то мы скорее всего имеем дело с утопией. В-третьих, такое противопоставление утопии и стратегии представляется особенно важным в процессе политического планирования и стратегического прогнозирования. В этом отношении можно согласиться с позицией К. Поппера, который относил к разряду наиболее опасных политических утопий так называемую социальную инженерию, т.е. политическое и геополитическое планирование, если оно подчинено реализации какой-то одной «великой идеи» или учения. Именно так он оценивал, в частности, марксизм, противопоставляя утопиям подобного рода социальную инженерию постепенных, поэтапных преобразований, когда у общества всегда остается шанс изменить или откорректировать цели, соотнося их с теми жертвами, которые приходится платить в процессе их достижения. В-четвертых, утопия, как и мечта, является «гарантом свободы», именно она одухотворяет научный поиск и придает энергию политической деятельности, позволяет человеку, по словам Ф. Аинсы («Реконструкция утопии»), «выходить за пределы настоящего, совершенствоваться и конструктивно влиять на окружающий мир». В-пятых, утопии — это особая форма концентрации человеческого таланта, и всякий сколько-нибудь значимый политический проект включает в себя и сугубо реалистическое, и утопическое начало, и только сама жизнь, политическая практика могут поставить «оценку» и проекту, и «проектировщикам».

В.И. Распорзев

Ф

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ — направление в политической философии, возникшее в начале XIX века. Ее основателем является участник наполеоновской кампании 1812 г. генерал артиллерии маркиз Жорж де Шамбре, издавший в 1828 г. книгу, озаглавленную «Философия войны» (*Philosophie de la guerre*). Ф.В. получила распространение в конце XIX — начале XX вв., она явилась теоретическим осмыслением фундаментальных основ войны, причин ее возникновения, ее неразрывной связи с историей человечества. Вообще, в конце XIX — начале XX вв. были распространены научные труды, в которых многочисленные феномены рассматривались сквозь призму философии. Так, например, в Германии существовала серия «Natur-und Kulturphilosophische Bibliothek», в которой публиковались труды философского характера по различным областям знаний. Среди иностранных представителей Ф.В. этого периода можно назвать такие имена, как Р. Анри, К. Клаузевиц, С.Р. Штейнметц, Ж. Лагоржет, Э. Лавис, Ш. Летурно, Э. Оливье, А. Рамбо. Философское исследование войны в России XIX — начала XX века отмечено именами Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, В.Ф. Эрна, заговоривших о возможности и даже неизбежности войны. Понимание необходимости осмысления войны не только как технологического процесса подталкивало многих русских военачальников к новым идеям о создании «новой науки о войне». М.И. Драгомиров, А.Е. Снесарев, Н.Н. Головин, Н.Л. Кладо и др. М.Н. Тухачевский в 1926 г. предлагал создать «полемостратегию», под которой подразумевал некую общую науку о войне, А.Е. Снесарев предполагал решить эту задачу с помощью «философии войны». Талантливый русский ученый А.А. Керсновский внес значительный вклад в разработку проблемы своей книгой «Философия войны», которую начал публиковать в «Царском вестнике» в 1932 г. и выпустил в законченном виде с дополнениями в 1939 г. в Белграде. Интерес к проблеме войны не ослабевает и в более позднее время. После Второй мировой войны французский философ А. Филоненко посвящает объемное исследование феномену войны под названием «Эссе о философии войны». В нем находят отражение философские взгляды на войну Н. Макиавелли, И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля, Л.А. Сен-Жюста, К. Клаузевица, П.Ж. Прудона, Л. Толстого, Ш. де Голля. В эссе уделяется внимание современным аспектам войны:

проблеме соотношения войны и языка, логики и стратегии. Говоря о Ф.В., А. Филоненко использует термин «полемология», отождествляя их. Во Франции не ослабевает внимание к этому направлению и в начале двадцать первого столетия. Так, созданное в 1996 г. философское общество Нанта в 2003–2004 гг. проводило лекции-дебаты на тему «Философия перед лицом войны», в ходе которых заслушивались доклады и проводились прения с участием таких философов, как Ж. Гобер, Т. Менисье, Ж. Рико, Б. Бенуа, П. Асснер. Среди современных французских авторов, развивающих философские взгляды на войну как социальное явление, не упуская из вида научно-технические аспекты трансформации войны в современных условиях, выделяются такие, как П. Асснер, П. Галлуа, Ж. Гиттон, Д. Давид, Р. Дебрэ, А. Жокс, Р. Кайуа, Э. Мюрез, П. Лелуш, К. Ле Борнь, А. Филоненко, Д. Эрман и др. В России также продолжается развитие философского подхода (военно-философского, социально-философского, этического и др.) к познанию феномена войны. В этом направлении работают также наши соотечественники И.С. Даниленко, И.А. Гобозов, П.А. Цыганков, А.Г. Дугин, В.В. Серебрянников, С.А. Тюшкевич, О.А. Бельков, А.В. Соловьев и др. В «Военно-философском обществе» (2007 г.) создана исследовательская группа «Философия войны», уделяющая большое внимание философскому осмыслению современных военных конфликтов. В МГУ имени Ломоносова на философском факультете с 2009 г. читается спецкурс «Философия войны».

А.В. Соловьев

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ (ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ) — наука (научно-образовательная дисциплина) о наиболее общих (философских) основаниях политики. К числу таких оснований следует отнести проблемы сущности политики как социального феномена, как специфического регулятора общественной жизни, соотношения сущего и должного, рационального и нерационального в политике. В своем современном состоянии данная наука (и особенно как университетская образовательная дисциплина) в свое содержание включает онтологические, гносеологические, аксиологические, антропологические, социокультурные, эпистемологические, праксиологические и прогностические проблемы политики.

К *онтологическим* проблемам относятся сущность и происхождение политики, функциональные (неизменные, метаисторические) и конъюнктурные цели политики, политическая жизнь, ее основные характеристики, политика и политическое, природа власти и проблема наследования власти, соотношение политической, интеллектуальной и духовной власти, легализация и легитимация власти, источники ее легитимности, эффективность и ресурсы политической власти, философско-политическая природа свободы, власти и справедливости, соотношения и взаимодействия данных феноменов, хронополитика и геохронополитика как направления междис-

циплинарных исследований, циклическая и линейная модели политического времени, прерывность и непрерывность политического времени, временные и пространственные горизонты политики, политического планирования и прогнозирования, сущность и характеристики переходных политических систем и ситуаций.

К *гносеологическим* проблемам относятся основные формы политического знания, политическая истина и политические императивы, востребованные и невостребованные знания в политике, политический дискурс как смысловая структура политического процесса, основные подходы к изучению политики, явное и неявное знание в политике и науке, роль и особенности философского познания в политике и политологии, методологический инструментарий политики и науки.

К *аксиологическим* проблемам следует отнести соотношение политической этики и аксиологии, политических ценностей, идеалов и норм, политической целесообразности и морали, прагматизма и идеализма в политике, сущность позитивистской установки на «освобождение от ценностей» и право на политическую оценку, политику как конфликт интересов и ценностей, проблему нравственных критериев в политике, цели и средства в политике и политической этике, философско-аксиологические аспекты политической идентификации и самоидентификации.

В рамках *антропологических* проблем рассматриваются человек как объект и субъект политики («человек политический»), политика в сознании человека, мифологемы «новый человек» и «сверхчеловек», человеческий фактор в политике, человек среди традиционных и новых акторов политики и геополитики, интерактивность современной политики, народы как «коллективные личности» и феномен коллективной воли, политическое сознание индивида и общественное мнение, политическая социализация, ее механизмы и этапы, интеллектуалы в политике.

К *социокультурным* проблемам относятся культурно-деятельностный подход к политике и науке, политические субкультуры, аффективные, когнитивные и оценочные ориентации в политических действиях, компетентное гражданское общество и политическая культура (инвариантные характеристики, основные тенденции и национальные особенности), теория и практика политики мультикультурализма с учетом региональной этнокультурной и конфессиональной специфики, философские истоки лингвополитологических исследований, семантика политической реальности и символика политического языка, язык политики, «новояз» и языковая политика, политическое действие как текст, политическая риторика, софистика и демагогия, роль культурообразующих конфессий и религиозных доктрин, «псевдорелигий» и деструктивных культов в современной политике и геополитике, культура межкультурного диалога и теория конфликта цивилизаций.

К *праксиологическим* и *прогностическим* проблемам следует отнести сущность, методы и цели социальной инженерии, основы методологии управления рисками в бизнесе и политике, философские аспекты разработки и реа-

лизации политических проектов, проблему компетенции и квалификации, футурологическое знание и методологию прогнозирования, теорию и методологию управления политическими и социальными проектами, политические и социальные риски социальной инженерии в условиях глобализации.

Некоторые современные авторы включают в содержание учебников и учебных курсов по философско-политической проблематике такие разделы, как политическая эпистемология (объяснение и понимание политических процессов и явлений), соотношение политики и экономики, политика как выражение сакрального (политика в традиционном обществе), философию войны и др.

На современном этапе для философско-политической науки одной из первостепенных задач является создание идеальных (должных) моделей политического бытия, определение форм и способов установления оптимального политического порядка. Закономерно поэтому, что для нее важнейшей является проблема соотношения политики и морали.

Философское осмысление политики относится к самым начальным этапам интеллектуальной истории человечества. В античных и средневековых философских системах данное направление философствования являлось составной и неотъемлемой частью единой и целостной метафизической картины мира. В трудах философов XVI — начала XIX вв. (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, И. Кант, Г. Гегель, Дж.С. Милль и др.) политика становится непосредственным и очень важным предметом философского анализа. Дальнейшее развитие идеи политической философии нашли свое развитие в XIX — начале XX вв. у таких мыслителей как А. де Токвиль, К. Маркс, Г. Спенсер, В. Парето, Г. Моски, М. Вебер, А. Мишель, Л. Дюги и др.

В российских университетах в XIX — начале XX в. в качестве обязательных предметов преподавались энциклопедия права и история философии права, которые рассматривались как философское введение в юриспруденцию и содержали большой объем философско-политических проблем. В этих курсах в систематизированном и ретроспективном виде излагались проблемы государства, власти, политики и т.д.). К числу российских мыслителей, которые внесли наибольший вклад в научную разработку данной проблематики, следует отнести Б.Н. Чичерина, П.Г. Редкина, В.С. Соловьева, Л.И. Петражицкого, М.М. Ковалевского, П.И. Новгородцева, И.А. Ильина, Б.П. Вышеславцева, С.Л. Франка, С.И. Гессена, Н.А. Бердяева и др.

В XIX веке в процессе дифференциации социальных и гуманитарных наук постепенно начинает происходить выделение (институционализация) политико-философской проблематики из философского знания и формирование ее как относительно самостоятельной дисциплины. В связи с этим появляются и специальные названия (термины) для обозначения этой новой самостоятельной дисциплины; и в числе первых — термин *«политическая философия»*. Так, в частности, был назван двухтомный труд англичанина Г. Броугема, который вышел в свет в 1842–1843 гг.

В XX веке политическая философия превращается в фундированную отрасль политико-философского знания. Такие западные ученые, как К. Шмитт, Л. Штраус, Х. Арндт, И. Берлин, Дж. Ролз, О. Хёффе создают целый ряд научных трудов, которые для политической философии в настоящее время принято считать классическими. Ключевыми понятиями для политической философии XX века стали «свобода», «власть», «справедливость». Именно эта понятийная триада и определяет предметное поле, основные направления и проблемы политико-философской мысли последних десятилетий.

Во второй половине XX века для обозначения философского анализа политики начинает активно использоваться термин «*философия политики*».

Данный термин в научном контексте у нас в стране используется уже несколько десятилетий. Можно, например, вспомнить в этой связи о существовании еще в 70-е гг. прошлого века Секции философии политики и международных отношений в Философском обществе СССР, которая выпускала различные сборники научных работ по данной проблематике. В 1990-е и 2000-е гг. выходит ряд научных книг с искомым названием (А.С. Панарин, Э.А. Поздняков, И.А. Гобозов, А.Г. Дугин), а также разрабатывается ряд учебных курсов «Философия политики» на философских факультетах университетов.

В научной литературе термин «философия политики» часто пересекается с термином «политическая философия». Отношение к вопросу о соотношении этих терминов среди современных ученых различное. Одни не видят в них особых различий и употребляют их фактически как тождественные, другие (восходит к И. Берлину) такие различия находят в том, что «философию политики» рассматривают как часть философии, философского знания, а «политическую философию» относят к области политической науки. Хотя в некоторых, в том числе и справочных изданиях «политическая философия» относится к философскому знанию. Думается, что второй подход более продуктивен, поскольку приближает нас к интерпретации проблемы соотношения философии и политики. «Философия политики» может трактоваться как приложение философии к области политической жизни, тогда как «политическая философия» является саморефлексией политики, ее «внутренним» знанием о самой себе. Первая решает вопросы, которые ставит перед философией политика, тогда как вторая решает вопросы которые ставит перед политикой философия. Но на эти разные вопросы, могут быть даны одинаковые ответы. Поэтому «философия политики» и «политическая философия», в любом случае, это сильно пересекающиеся, взаимосвязанные области научного знания, поскольку в их соотношении фиксируется не разница смыслов, а только разница детерминации мысли, направленности мысли.

Взаимодействие философии политики и политической философии создает поле для научного диалога философии и политики. Кто из этих сторон сегодня более активен в этом диалоге, сказать трудно. Ясно, что концептуализация политики, исследование ее фундаментальных, сущно-

стных оснований, поиск целей и смысла политики были и остаются важнейшей и пока плохо разработанной философской проблематикой. Да и современная политика все реже ставит перед философией смысловые вопросы. Конечно, в данном случае имеется в виду не реальная политика (и политики) — отсюда ждать этих вопросов наивно, а политическая наука. Но представляется, что сегодня для многих молодых (и не только молодых) политологов, профессиональные интересы которых устойчиво ориентируются на технологии и приложения, метафизические проблемы являются малоинтересными и неперспективными.

В настоящее время размежевание предметных полей философии политики и политической философии (и теоретической политологии, «теории политики») окончательно еще не произошло и не понятно, произойдет ли оно в обозримом будущем. Не исключено, что эти дисциплины в современном гуманитарном знании будут и далее развиваться как две взаимосвязанные и взаимодополняемые парадигмы философского обобщения политики.

Е.Н. Моцелков

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПРАВА — новое направление социально-гуманитарного знания, связанное с синтезом двух развивающихся ранее относительно самостоятельно философских дисциплин — философии политики (политической философии) и философии права.

Объективной основой такого синтеза является то, что политика и право в действительности являются двумя важнейшими взаимосвязанными регуляторами современной общественной жизни. Вместе с тем, историческая эволюция дифференцированного знания, начавшаяся в Новое время и продолжающаяся по инерции по сей день, привела по методу абстракции к разведению *политики* и *права* по разным областям науки. Политика была отнесена к предметной области политических наук, право — к юриспруденции. Указанные науки достигли на протяжении многих десятилетий и даже столетий своего развития существенных достижений в изучении и понимании данных общественных феноменов. Но видимо, в этом процессе объективно существуют свои пределы, за которые эти науки выйти не в состоянии. Не случайно, кстати, каждая из этих наук (особенно политология и правоведение) до сих пор не имеют общепринятого предмета, единого понимания природы искомых феноменов. Многие современные учебники по политологии и праву начинаются с констатации, что в этих науках нет более многозначных и неопределенных понятий, чем «политика» и «право».

Это не случайно. Разные науки (политология и правоведение), отделившись друг от друга изучают политику и право как отдельные и самодостаточные сущности, тогда как в реальности они взаимно дополняют и взаимно обуславливают друг друга.

Политика и право как социальные регуляторы работают эффективно только тогда, когда существует ясное и точное знание того, к каким идеальным моделям общественных отношений нужно стремиться. Поэтому исследователь должен адекватно определить существующий порядок вещей (*сущее*), а затем создать идеальную модель (модели) этого порядка (*должное*). Именно в этом взаимном переплетении сущего и должного и лежит главная проблема современной общественной жизни и гуманитарной науки, но найти адекватные (идеальные) решения этой проблемы невозможно силами отдельных наук (политологии, юриспруденции, этики).

Таким образом, объективно назрела необходимость в создании интегративной философской теории политики и права, которая была не *сложением* разных научных теорий (так называемая междисциплинарность), а *созданием* новой, другой теории.

Для становления такой теории можно выделить следующие первоначальные задачи:

□ институционализация философии политики и права как нового направления университетского философского образования; определение ее места, роли и эвристических функций в контексте вызовов современной цивилизации;

□ осмысление основных этапов и направлений исторической эволюции философских интерпретаций политики и права, особенно в аспекте взаимодействия этих двух феноменов общественной жизни;

□ анализ онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических, социокультурных и прогностических проблем философии политики;

□ анализ онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических, культурологических и праксиологических проблем философии права;

□ исследование философских проблем взаимодействия политики и права, к числу которых можно отнести такие как норма и нормативность в политике и праве, взаимовлияние и взаимоограничение политики и права в современном общественном развитии; взаимосвязь политического и правового факторов в минимизации и разрешении национальных, региональных и глобальных проблем современного общества.

В настоящее время развитие философии политики и права осуществляется учеными различных учебно-научных центров как в России, так и за рубежом, в том числе и на созданной в 2008 году на философском факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова новой кафедре философии политики и права.

Е.Н. Моцелков

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА (ПРАВОВАЯ ФИЛОСОФИЯ, ЮРИДИЧЕСКАЯ МЕТАФИЗИКА) — научная дисциплина, изучающая наиболее общие

(философские) принципы и основания права и правовых отношений. Спор о том, отраслью или разделом какой из двух наук — философской или юридической является философия права, идет уже очень давно (изначально эти позиции связываются с двумя классическими мыслителями — Гегелем и Г. Гроцием), но неразрешенным он остается и по сей день.

Современные исследования философии права, как правило, включают в себя следующий круг проблем.

Онтологические проблемы: право как социальное явление, основные признаки права, сущность и существование права, структура права, проблема открытости и замкнутости правовых норм, естественное право как онтологическая основа правопорядка, источники права, проблема систематизации правового знания, философские проблемы генезиса права и правовых систем, происхождение и эволюция права, право и социальный порядок, основные тенденции динамики правовых систем, изменение законодательства и смена правопорядка, преемственность в правовой традиции, легитимность нового правопорядка и др.

Гносеологические проблемы: право как особый тип рациональности, соотношение правового сознания, правовой теории и правовой науки, эпистема и докса в праве, логико-языковая, социологическая и психологическая плоскости правового исследования, правовая идея как основа правового мышления, правовая логика и логическая структура основных правовых понятий, философское конструирование правовой догматики, юридическая герменевтика: интерпретация конкретных норм и конкретного правопорядка и др.

Аксиологические проблемы: проблема ценности в праве и ценности права, право и мораль, ценности и антиценности как предмет права, возможности нейтрального подхода к правовой практике, цель и интересы в праве, «смысл» и «цель» права как внеправовая ценность (справедливость, общее благо), целесообразность и справедливость, свобода как ценность, проблема доверия в праве, ценностный плюрализм и право, общечеловеческие и национальные аспекты в современных системах права, проблема общечеловеческих ценностей и прав человека и др.

Антропологические проблемы: место права по отношению к целям человека, личные и социальные права, правовая свобода и правовая обязанность, влияние права на сознание человека — установление границ человеческой деятельности; формирование чувства надежности, наличия устойчивых процедур для авторитетного разрешения споров, структурный и исторический методы анализа правовых явлений, прогнозирование в рамках юридической антропологии: анализ тенденций развития современного права.

Социокультурные проблемы: право как культурно-исторический феномен, соотношение права с другими культурными сферами, конкретно-инструментальная и философско-парадигмальная роли культуры, языка эпохи, уровней благосостояния, политических пристрастий, правовых

традиций в правовых исследованиях, социокультурные причины возникновения правопорядка и изменения правовых норм, влияние правовых норм на экономическую, политическую и культурную жизнь, право и религия: проблемы секуляризации и десекуляризации права и правовых систем, язык и его коннотации в праве. Языковая форма выражения права, язык правовой аргументации, содержание, признаки, уровень правовой культуры, структура, типология и динамика правовой культуры, правовой нигилизм, факторы влияния на правовую культуру в условиях глобализации и информатизации и др.

Праксиологические проблемы: право как инструмент достижения социальных целей, правовая практика и правотворчество, реализация и реализуемость правовых норм, функции права в обществе, проблема уважения к закону в правовой практике, право как социальный ориентир, социальные санкции и виды наказания: психологическое воздействие, угроза физического принуждения, терапия, прозрачность законодательства и прогнозируемость конкретных юридических решений, государство, право и правовая практика в современной России.

Специфика подхода философии права к анализу правовой реальности заключается в том, что эта реальность рассматривается через призму категориальной системы, базовыми в которой являются такие философские понятия, как «сущее» и «должное», «выбор», «целесообразность», «справедливость», «свобода», «общее» и «индивидуальное». Данный методологический подход интегрирует современную философию права с другими философскими дисциплинами и, прежде всего, с философией политики и философией политики и права.

Сам термин «философия права» начал активно употребляться только в XVIII веке, но философско-правовые идеи и теории восходят уже к античным философам. В относительно самостоятельную систему знания философия права начинает оформляться в философских учениях Просвещения и немецких идеалистов (Кант, Гегель). Здесь она трактуется как естественное право. Следует отметить, что классическая работа Гегеля «Философия права» (1821) имеет следующее полное название — «Естественное право и наука о государстве в очерках. Основы философии права». В этом труде, кстати, Гегель однозначно трактует философию права как неотъемлемую часть философии. Начиная с конца XVII в. философия права (главным образом, как теория естественного права) на систематической основе преподаваться в европейских (прежде всего, в германских) университетах. Весомый вклад в развитие философии права внесла в Германии историческая школа права, представители которой (Гуго, Савиньи, Пухта) критиковали естественно-правовую доктрину.

Именно как естественное право философия права начинает преподаваться в основном немецкими профессорами во второй половине XVIII в. в Московском университете. Сильная традиция трактовки философии права с естественно-правовых позиций сохраняется в России в XIX и в начале

XX в. (В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Л.И. Петражицкий, Е.Н. Трубецкой, И.А. Ильин и др.). Представители данной традиции отстаивали системообразующий характер моральных и нравственных основ в праве. Особую позицию занимал Б.Н. Чичерин, который, признавая естественное право ядром философии права, вместе с тем выступал против смешения права и нравственности. В конце XIX века заметную роль в России играли и государствоведы, которые выводили философию права за рамки морально-этических норм (юридический позитивизм) (Н.М. Коркунов, А.Ф. Шершеневич, А.Д. Градовский, Д.И. Кавелин и др.).

Следует отметить, что теория естественного права и юридический позитивизм являются двумя важнейшими и наиболее мощными тенденциями развития философии права в XIX–XX вв. не только в России, но и за рубежом.

Определяя объект-предметное поле философии права, многие современные исследователи находят выход из неразрешенного спора о философской или юридической природе философии права в указании на то, что с самого начала она действует на «стыке» философии и юриспруденции, является симбиозом этих наук. Достаточно общим является мнение и о том, что философию права нужно понимать как междисциплинарную отрасль научного знания, что, безусловно, справедливо применительно к исторической эволюции данной дисциплины, которая в XVIII–XIX вв. действительно интегрировала новейшие достижения философии, правоведения и политологии для объяснения сущности правовых явлений и процессов в условиях, когда гуманитарное знание еще, в сущности, не было дифференцировано и когда для многих гуманитарных наук такие понятия, как «право», «политика», «государство», «власть», были общими категориальными универсалиями.

В XVIII–XIX вв. конструкции философии права и философско-правовые интерпретации социальной реальности были актуальны и достоверны для определенного времени и определенных исторических условий. По мере изменения этих условий на место одним приходили другие интерпретации. Поэтому достаточно влиятельным (во всяком случае, в России) было суждение о том, что не может существовать единой и универсальной философии права, а наиболее продуктивно (особенно в образовательных целях) изучать историю этих меняющихся представлений и интерпретаций о праве, государстве, власти, т.е. изучать историю философии права. Не случайно, наверное, что в российских университетах в XIX веке не было курса «философия права» и тем более кафедр философии права, а преподавался (правда, с разными названиями) в качестве обязательного и важнейшего курса истории философии права.

В XX веке философия права приобретает статус и значение самостоятельной научной и образовательной дисциплины, но ее интегративная функция остается важнейшей и на современном этапе.

Е.Н. Моцелков

ФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ К. МАРКСА. Мировая историческая социальная динамика представлена в виде последовательной смены стадий — общественно-экономических формаций (или способов производства). Всего в мировой истории К. Маркс выделял четыре (или пять) таких формаций — первобытнообщинную, феодальную (азиатскую), капиталистическую и коммунистическую. Структурное ядро формации — диалектическое взаимодействие производительных сил и производственных отношений, которые в свою очередь обуславливают соответствующие политическую надстройку (государство) и формы общественного сознания (идеологию, культуру, религию и т.д.). На определенном этапе развития истории происходит неизбежное обострение во взаимодействии производительных сил и производственных отношений, поскольку по своей природе первые развиваются быстрее вторых. Ушедшие вперед в своем развитии производительные силы вступают в конфликт с отстающими производственными отношениями. Этот конфликт разрешается путем революционного взрыва, скачка, после чего образуются новое соотношение производительных сил и производственных отношений и новые политическая надстройка и формы общественного сознания.

Сам метод подобного стадийного членения мировой истории (конечно, по другим основаниям и с другими следствиями) использовался и до Маркса (например, в системах Гегеля и Фурье). Да и самого Маркса интересует, конечно, не вся мировая история, а главным образом две формации — реально существующая уже при жизни Маркса капиталистическая (ее анализу он посвящает целый цикл обширных и фундаментальных экономических исследований) и коммунистическая формация, возникновение которой он считал неизбежным. Важнейшим для формационной теории является интерпретация К. Марксом переходного процесса от капиталистической формации к коммунистической. В основе ее два принципиальных тезиса:

Первый. Переход от капитализма к коммунизму — это мировой процесс или, по крайней мере, процесс, который должен охватить все цивилизованные, наиболее развитые страны. Коммунистическая революция является поэтому с необходимостью мировой революцией. Конечно, такой процесс не может быть скоротечным и тем более одноактным, а будет представлять из себя цепь коммунистических революций прежде всего в таких странах, как Франция, Германия и Англия с последующим распространением революционного процесса на периферию капиталистической формации.

Второе. Коммунистическое общество естественным путем вырастает из капиталистического и является не только антикапитализмом, а — и это главное — посткапитализмом. Мировой капиталистический рынок преодолевается (снимается) коммунистическим мировым хозяйством, тем самым ликвидируется конкуренция в мировых экономических отношениях и образуется система во многих отношениях гомогенных и стре-

мящихся к слиянию национальных хозяйственных структур. Мировой характер переходных процессов от капитализма к коммунизму и природа социально-экономических и политических преобразований в этот период у Маркса взаимосвязаны друг с другом и в отдельности теряют всякий смысл. Модель социальной динамики, находящаяся в основе формационной теории, представляет собой синтез линейно-стадиального прогресса (здесь совершенно очевидно влияние на Маркса просветителей XVIII в.) — восхождение человеческого общества от одной формации к другой как проявление нарастающего прогресса во всех сферах общественной жизни и циклического круговорота общественных систем (в данном случае Маркс использует идеи античных философов, Вико и Гегеля), в котором каждая формация проходит естественно-исторический путь возникновения, созревания и гибели, и когда при переходе от одной формации к другой в обществе возникают аналогичные возвратно-повторяющиеся ситуации — конфликт производительных сил и производственных отношений, разрушаемый социальной революцией, сменой господствующего класса, системой отношений собственности и т.д.

Е.Н. Моцелков

Ц

ЦИКЛ, ЦИКЛИЧНОСТЬ (В ОБЩЕСТВЕ) — одна из моделей (парадигм) социально-политической динамики общества, в основе которой лежит идея о круговороте истории, о замкнутом, повторяющемся цикле (рождение — созревание — гибель) существования локальных общественных систем. В основе данной парадигмы лежит фундаментальное хронометрическое представление о времени, суть которой заключается в фиксации циклически повторяющихся событий и явлений — например, суточный или годовой цикл.

Циклическая парадигма начинает разрабатываться уже античными и арабскими мыслителями, центральное место она занимала в трактате Дж. Вико «Основания новой науки об общей природе вещей» (1725–1744), а в XIX в. в философии истории Гегеля и теории общественно-экономических формаций К. Маркса. Так, по представлениям К. Маркса, цикличность истории проявляется как в том, что каждая формация проходит естественно-исторический путь возникновения, созревания и гибели, так и в том, что при переходе от одной формации к другой в обществе возникают аналогичные возвратно-повторяющиеся ситуации — конфликт производительных сил и производственных отношений, разрушаемый социальной революцией, сменой господствующего класса, системой отношений собственности и т.д.

В целостную концепцию идея циклического развития истории оформляется в конце 60-х — начале 70-х гг. XIX века русскими мыслителями Н.Я. Данилевским (1822–1885) и К.Н. Леонтьевым (1831–1891). В обобщенном виде данный концептуальный подход заключался в признании специфического общего закона развития, действие которого распространяется как на живую, органическую природу, так и на общество и состоит в том, что, во-первых, развитие, процесс всяких изменений происходит не просто как безграничное «распространение», «разлитие» (термины Леонтьева) по социальному универсуму, а как развитие замкнутых, локализованных друг от друга общественных организмов или систем, и во-вторых, по Данилевскому, «бесконечное развитие, бесконечный прогресс в одном и том же направлении (а еще более во всех направлениях разом) есть очевидно невозможное». Развитие также не является прогрессирующим восхождением целостного социума, а есть последовательная смена стадий развития любого живого организма, которое имеет

момент рождения, периоды созревания, зрелости, старости и неминуемую смерть. Данную модель развития Данилевский и Леонтьев целиком переносят на общественную жизнь. Человечество поэтому, с одной стороны, состоит из отдельных индивидуумов, каждый из которых живет, прежде всего, внутренней жизнью, а с другой — расчленяется на локальные общественные организмы, развитие которых подчинено главным образом собственным законам.

У Данилевского такими общественными организмами выступают культурно-исторические типы или цивилизации; в них и проявляется качественное своеобразие «религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития человечества». Каждый из культурно-исторических типов (а их Данилевский выделяет более десяти) развивается самостоятельно и имеет по три основных этапа или состояния: этнографическое, государственное, цивилизационное или культурное.

У Леонтьева в качестве локальных общественных единиц выделяются так называемые государственные организмы, которые, по его мнению, как и все другие органические системы своим развитием повторяют один и тот же путь: «Все сначала просто, потом сложно, потом вторично упрощается, *сперва уравниваясь и смешиваясь вторично*, а потом еще более упрощаясь отпаданием частей и общим разложением, до перехода в неорганическую «Нирвану». Это «постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему», по Леонтьеву, осуществляется в три основных этапа (им, в отличие от Данилевского, Леонтьев дает метафорические названия). Начинается развитие любого, в том числе и общественного, организма с *первичной простоты*, затем наступает *цветущая сложность* и, наконец, *вторичное смесительное упрощение*, во время которого наступает гибель организма или системы.

Леонтьев проводит сравнительные исторические расчеты длительности существования различных государственных организмов и приходит к выводу, что их гибель наступает не позднее, чем через 1000–1200 лет после возникновения.

Данные идеи Данилевского и Леонтьева содержали в себе основу новой, принципиально отличной от прогрессистской, парадигмы исторического процесса, в соответствии с которой сущность и направленность общественного развития определялась уже не хронологическим, а хронометрическим (циклическим) временем.

Центральным в этой новой парадигме было положение о законообразности и поэтому необходимой повторяемости явлений и процессов при развитии различных замкнутых (локальных) общественных систем (культурно-исторических типов или государственных организмов). Любая общественная система по этому закону повторяемости, к какой бы эпохе истории человечества она ни относилась и какой бы спецификой внутреннего устройства ни обладала, в своем развитии проходит одни и те же стадии и фазисы.

В XX в. идею циклического развития общества развивает в своих трудах О. Шпенглер (1880–1936). Так, для Шпенглера мировая история — это процесс развития ряда независимых друг от друга «великих» культур, каждая из которых проходит, подобно живым организмам периоды циклический путь рождения, становления, увядания и смерти. К числу таких «великих» культур Шпенглер относит китайскую, вавилонскую, египетскую, индийскую, античную, византийско-арабскую, западную, культуру майя, а также «пробуждающуюся» русско-сибирскую. Сравнительный анализ культур приводит Шпенглера к выводу о том, что все эти культуры проходят в своем развитии одинаковые по основным характеристикам и темпам фазы и схожи по длительности существования, которая составляет около 1000 лет. Концепция Шпенглера приводила его к пессимистическому выводу относительно судьбы западной культуры (цивилизации), которая неизбежно должна прийти к своей смерти, как и другие более ранние культуры.

Аналогичные, хотя и оригинальные, теории циклического развития локальных цивилизаций как магистрального пути мировой истории развивают в своих трудах А. Дж. Тойнби (1889–1975), К. Ясперс (1883–1969), П. Сорокин (1889–1968) и др. Достаточно популярна циклическая парадигма социальной динамики и у современных зарубежных и отечественных политологов и социологов.

Е.Н. Моцелков

Ч

ЧАСТНОЕ ПРАВО — совокупность отраслей права, регулирующих частные интересы, отношения индивидов и объединений (корпораций) в имущественной сфере и частных (личных) отношениях. К отраслям ч.п. относятся гражданское право, семейное право, трудовое право, земельное право. Частноправовые отношения характеризуются некоторыми особенными характеристиками: 1) они складываются по воле самих участников этих отношений и на добровольной основе; 2) они основаны на полном юридическом равноправии сторон; 3) они непосредственно не связаны с органами государственной власти и не подчинены этим органам.

Е.Н. Моцелков

Э

ЭЛИТОКРАТИЯ — власть элиты, концепции политического доминирования избранных, лучших людей страны. При этом в российской политологической традиции элита понимается в двух смыслах. В первом случае элитой считаются те, кто занимает высшие должностные посты, вне зависимости от качеств и способностей этих людей. Во втором случае под элитой понимают лучших представителей государства. Ведь далеко не всегда лучшие люди занимают самые ответственные посты в стране. Отсюда и два подхода к элитократии — в первом случае говорится о том, что управленческая элита заслужила свое привилегированное положение. Из второго же подхода формируется мечта, присутствующая в работах многих политических философов: хотя лучшие и не всегда появляются на ведущих политических должностях, но формировать слой политических управленцев как раз следует из действительно лучших и умнейших граждан страны.

В данном случае речь идет о концепции меритократии (от латинского *meritus* — достойный и древнегреческого *κράτος* — власть) — представлении о государственном устройстве, согласно которому ведущие политические посты занимают наиболее образованные и умные люди, независимо от социального происхождения, состояния и даже общественных симпатий и предпочтений. Сам термин был впервые употреблен английским социологом Майклом Янгом в антиутопии «Возвышение меритократии» (1958 г.), в которой описывается футуристическое общество, где общественная позиция определяется коэффициентом интеллекта (IQ). В книге термин использовался в негативном значении. Но постепенно термин «меритократия» приобрел позитивное звучание — как надежда на то, что к управлению государством будут привлекаться наиболее интеллектуально одаренные граждане.

В идее меритократии проявляется определенное недоверие к демократии. Сторонники меритократического подхода сомневаются в способности большинства выбирать действительно лучших для управления государством и противостоять манипулированию и другим технологиям искажения общественного сознания. Элитаризм также иногда противопоставляется демократии — однако он считает, что большинство не способно сделать правильный выбор, и поэтому элита имеет право сохранить власть за собой даже при помощи нарушений в электоральных процедурах.

К.В. Симонов

ЭЛИТОЛОГИЯ — наука об элите, а точнее, специализированное теоретическое знание, предметом которого являются элитарные группы общества, их эволюция и взаимодействие. Сам термин «элитология» до сих пор не является общепризнанным в мировом научном сообществе и применяется для обозначения теорий о природе и функционировании элит по преимуществу в современной России, хотя сама эта проблематика интенсивно обсуждалась в философии политики с момента ее возникновения, а позднее стала заметным направлением в социологии (социология элит). Огромный опыт научного осмысления проблем такого рода был накоплен с эпохи античности и до наших дней. Особо выделяются элитологические воззрения Платона, Аристотеля, Плотина, Августина, Н. Макиавелли, Ф. Бэкона, Т. Гоббса. Однако наиболее значимой стала эпоха конца XIX — первой половины XX, когда были окончательно подорваны основы сакральной политической власти, а процесс смены политических элит стал восприниматься как методология или даже «технология» завоевания и распределения власти демократическими методами. Это превращение элитологии из отвлеченной теории в востребованное научное направление, тесно связанное с обоснованием политического планирования и стратегического прогнозирования, привлекло внимание крупных политиков и ученых. В этот период создаются фундаментальные труды В. Парето, Г. Моски, Р. Михельса, ставших «классиками» науки об элите.

В настоящее время наблюдается процесс институционализации науки об элитах как относительно самостоятельного исследовательского направления на стыке философии, социологии, политологии и социальной психологии. Есть предпосылки к становлению элитологии как комплексной научной и вузовской дисциплины, имеющей собственный категориальный аппарат и набор методов, конкурирующие научные школы, систему подготовки и переподготовки кадров, выпуск специализированной литературы. Эта тенденция с наибольшей полнотой проявляет себя в современной России, поскольку именно здесь наблюдается чрезвычайно высокая динамика социального расслоения. Такое расслоение происходит на фоне демонтажа социалистического общества и его институтов, обеспечивавших в течение жизни нескольких поколений относительное социальное и имущественное равенство всех слоев общества. В социалистическом обществе, которое было построено в СССР и странах «народной демократии», даже само понятие «элита» воспринималось как чужеродное. Подобное равенство стало возможным в результате насильственной ликвидации сословных границ российского общества и уничтожения (иногда физического истребления) «эксплуататорских классов», а поддерживалось ценою полного запрета на владение крупной частной собственностью и расширения государственной собственности. По этой причине скоротечный процесс появления класса крупных собственников и финансовой элиты, становление нового правящего класса, в задачи которого входит защита интересов новых собственников («новых рус-

ских»)), воспринимаются в обществе как нарушение принципов социальной справедливости, что представляет большую политическую проблему. В ее объективном осмыслении заинтересованы не только ученые, но и властные структуры, поскольку эта проблема непосредственно связана с обеспечением политической стабильности и выбором курса долгосрочного развития страны. Этим и объясняется сравнительно большое количество исследований по отечественной элитологии.

Современная теория элит все в большей степени учитывает углубляющиеся различия между элитарными группами, что особенно заметно при сопоставлении политической и профессиональной (прежде всего — интеллектуальной) элит. Различия кроются не столько в культурно-образовательном уровне (интеллектуальный уровень представителей правящего класса крайне неоднороден), сколько в механизмах становления элит и в тех функциях, которые они выполняют. В первом случае речь идет о «самоизбранных». По мнению ряда теоретиков (В. Мюлман, Ф. Тонес и другие), к элитам такого рода можно отнести социальные общности, обладающие способностью к самоизбранию и, соответственно, к самопрезентации. Когда же речь идет о механизмах становления профессиональной и интеллектуальной элиты, то здесь предъявляются совершенно иные требования к профессионализму и компетентности. Для того чтобы профессиональное сообщество признало эти качества в «кандидатах», они проходят многоступенчатую «инициацию». Процедуры «инициации» изобретены для того, чтобы вновь принятые члены профессионального сообщества не только стали его полноправными членами, но и смогли в будущем сами принимать безошибочные решения о том, каков должен быть «круг избранных». Таким образом, представители профессиональной элиты — это, как правило, уже не «самоизбранцы», а люди, прошедшие все ступеньки лестницы, ведущей на верхние этажи иерархии.

В.Н. Раскопыев

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРАВА — отрасль юридической науки и университетская учебная дисциплина, которая сформировалась в XVII–XVIII в. в европейских университетах. В России преподавание энциклопедии права началось с конца XVIII в. Суть дисциплины определялась этимологией ключевого термина «энциклопедия», который в переводе с древнегреческого языка (*enkyklopaideia*) означал «круг знания». Появление энциклопедии права обусловлено процессом дифференциации юридического знания и необходимостью систематизации различных отраслей и направлений юриспруденции для лучшего их усвоения в рамках университетского образования. Первоначально энциклопедия права как раз и представляла собой краткий систематический обзор всех юридических наук и в российских университетах преподавалась под названием «энциклопедия законоведения» или «общее обозрение систем законоведения». С введени-

ем в действие Университетского устава 1863 г. за этой дисциплиной окончательно закрепилось название «энциклопедия права». По данному Уставу на всех юридических факультетах российских университетов были открыты *кафедры энциклопедии права*, в задачу которых входило чтение двух основных курсов: 1) энциклопедия юридических и политических наук и 2) история философии права. В этот период содержание энциклопедии права заметно изменяется. Систематизированные обзоры юридических наук начинают предвшаться обширными разделами из философии права и общей теории права. В то время было общепринятым считать, что энциклопедия права является философским введением в курс юридических наук, которое читается на первом курсе юридических факультетов. По Университетскому уставу 1884 г. кафедры энциклопедии права стали называться *кафедрами энциклопедии права и истории философии права*. К числу наиболее известных российских авторов трудов по энциклопедии права в дореволюционный период следует отнести К. Неволина, П. Деларова, Н.К. Ренненкампа, А.А. Рождественского, М.Н. Капустина, Н.А. Зверева, Н.М. Коркунова, Е.Н. Трубецкого, Ф.В. Тарановского. К концу XIX в. энциклопедия права утрачивает свои позиции в науке и образовании, поскольку она так и не смогла выработать свой собственный предмет и методы исследования. Все более отчетливо начинает проявляться и некоторое различие между энциклопедией права и теорией права (общей теорией права; общей теорией государства и права), так как первая (энциклопедия права) оставалась, по преимуществу, кратким обзорным изложением специальных юридических дисциплин, тогда как вторая (теория права) стала претендовать на теоретическое обобщение эмпирического материала этих дисциплин.

В XX веке энциклопедия права вообще исчезла из перечня научных и учебных дисциплин и только в последнее время, может быть, как проявление стремления возродить утраченные традиции российской юридической науки и образования, стали появляться работы с названием «энциклопедия права».

Е.Н. Моцелков

Ю

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ — в современной науке данное понятие синонимично понятиям — ПРАВОВАЯ (ЮРИДИЧЕСКАЯ) НАУКА и ПРАВОВЕДЕНИЕ. Происходит от двух латинских слов — *jus* (право) и *prudencia* (предвидение, мудрость). В содержание этих понятий входит совокупность ряда определений. Юриспруденция — это 1) одна из общественных наук, изучающих государство и право, государственно-правовую жизнь общества, как на теоретическом, так и на прикладном уровне; 2) сфера профессиональной деятельности по применению на практике юридических научных знаний; 3) система теоретико-прикладной подготовки специалистов в юридических учебных заведениях. В современной юриспруденции теоретические и практико-прикладные аспекты определяют и дополняют друг с друга.

В объект-предметную область Ю. входит право как особая система социальных норм и как один из регуляторов социальной жизни, правовые формы и механизмы деятельности государства и политической системы общества в целом. В качестве самостоятельной науки Ю. возникла уже в период Античности, и до современного этапа в рамках Ю. сформировалось большое количество научных школ, направлений, концептуальных и методологических подходов. На всем историческом пути своего развития Ю. тесно взаимодействовала с другими гуманитарными науками, и прежде всего — с философией и политологией.

Е.Н. Моцелков

Сведения об авторах и авторство статей

АЛАСАНИЯ К.Ю. — кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: Антиглобализм, Архетип, Гиперреальность политическая, Информационное общество, Ксенофобия, Лингвополитология, Мегатренды, Политическая коммуникация, Постмодерн, Пропаганда, Субкультура, Толерантность, Транспарентность.

БОЙЦОВА О.Ю. — доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: Бихевиорализм политический, Закономерность в политической реальности, Легитимация, Легитимность, Мифология политическая, Нормативизм, Политическая культура, Политическая идеология, Правовая культура, Сциентизм в политическом познании.

ВЕРЕЗГОВА И.В. — кандидат философских наук, доцент МИРЭА: Политическая система, Права человека.

ВОРОБЬЁВА Ю.И. — кандидат политических наук, аспирантка кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (2009–2011 гг.): Глобальное гражданское общество, Менталитет, Обычай, Потребность.

КИЙЧЕНКО К.И. — научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: Антропология политическая, Парадигма, Пассионарность.

МОЩЕЛКОВ Е.Н. — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: Государственное право, Государство, Гражданское общество, Дихотомия «государство-гражданское общество», Длинные волны Кондратьева, Естественное право, История философии права, Когнитивная история, Конституционализм, Конституционное право, Конституция, Международное право, Методология, Миросистемная теория Ф. Броделя, Обычное право, Переходное общество, Позитивное (положительное) право, Политика, Политическая наука (Политология), Политическое, Право, Публичное право, Русская идея, Теория государства и права, Философия политики (Политическая философия), Философия политики и права, Философия права, Формационная теория К. Маркса,

Цикл (цикличность в обществе), Частное право, Энциклопедия права, Юриспруденция³.

РАСТОРГУЕВ В.Н. — доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: Глобальные проблемы, Глобальное прогнозирование, Догматизм, Инженерия социальная и политическая, Планирование политическое, Политизация, Политическая доктрина, Социальная политика, Утопия, Элитология.

СИМОНОВА А.В. — аспирантка кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (2009–2011 гг.): Благо, Европоцентризм, Идеал, Личность, Мораль.

СИМОНОВ К.В. — кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: Мальгузианство, Элитократия.

СОЛОВЬЕВ А.В. — кандидат философских наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: Вайолексология, Иренология, Полемология, Философия войны.

СЫТИН А.Г. — кандидат философских наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: Альтерглобализм, Альтернативные движения, Власть, Господство, Делиберативная политика, Демократии теории, Идеократия, Общественный договор, Полиархия, Публичная политика.

ШАМШУРИН В.И. — доктор социологических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: Демократия, Право, Правовое государство, Провиденциализм, Реализма (силовой политики) концепция, Русская идея, Русское право, Символ, Теория политическая.

³ Статьи Мошелкова Е.Н. подготовлены при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 14-03-00280а «Политическая мысль и политическая история: концептуальные модели взаимосвязей в российском контексте».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Учебная программа «Философия политики и права» для студентов философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Авторы-составители

профессора Мошелков Е.Н. (руководство авторским коллективом и общая редакция), Бойцова О.Ю., Расторгуев В.Н., Шамшурин В.И., доценты Аласания К.Ю., Симонов К.В., Соловьев А.В., Сытин А.Г., науч. сотр. Кийченко К.И.

Программа утверждена на заседании Учебно-методической комиссии философского факультета МГУ 20 апреля 2010 г.

Цель освоения дисциплины

Целью изучения данной дисциплины является формирование интегрированных знаний на основе философского осмысления наиболее общих закономерностей политической и правовой сфер общества, углубленного изучения философских проблем политики и права, систематизации общетеоретических знаний в области философии политики и права на основе материала, освоенного в ходе изучения философских и специальных дисциплин.

Задачи дисциплины:

- формирование знаний об истории развития философско-политической и философско-правовой мысли в России и за рубежом;
- ознакомление студентов со спецификой философского анализа политики и права;
- раскрытие основных философских проблем — онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических, социокультурных, праксиологических — политики и права;
- рассмотрение основных направлений современной философии политики и права, ознакомление студентов с актуальными проблемами философии политики и права;
- выявление взаимосвязи, взаимовлияния и взаимоограничения политики и права в современном обществе.

СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

РАЗДЕЛ I

Философия политики и права как философская дисциплина

Тема 1. Общая характеристика философии политики и права

Предмет философии политики и права. Специфика философского осмысления проблем политики и права. Философия политики и философия права: относительная автономия и принципиальное предметно-методологическое единство. Взаимосвязь и взаимозависимость философских аспектов анализа политики и права как феноменов общественной жизни. Исторические и теоретические стороны философии политики и права. Соотношение философии политики и права с философскими и социально-гуманитарными дисциплинами: социальной философией, политической философией, политологией, правоведением, теорией государства и права, этикой, культурологией.

Источниковедческая база философии политики и права, источники сведений о праве, законодательной политике государства, устройстве государства, политических и правовых институтах. Памятники политической и правовой мысли: общая характеристика.

Научные парадигмы в познании политики и права. Цивилизационный, формационный подходы. Естественнo-правовой и позитивистский подходы. Легистская и либертатная трактовки права. Философские и специально-научные методы. Сравнительно-историческое изучение правовых институтов и форм правления как основной философский метод познания наиболее общих черт и характерных особенностей их возникновения и эволюции. Другие подходы к анализу политических и правовых состояний и процессов: структурно-функциональный, системный, формально-юридический, телеологический, исторический, социокультурный.

Основополагающие понятия философии политики и философии права, их различие и генетическая и концептуальная взаимосвязь. Философские категории «сущее» и «должное», «свобода» и «необходимость», «справедливость» и «благо», их значение при исследовании политики и права. Концепты «норма», «обычай», «право», «закон», «институт», «власть», «принуждение». Соотношение понятий «политическое» и «политика», «политическое» и «государственное», «правовая система» и «правопорядок».

ТЕМА 2. Институционализация философии политики и права

Общая характеристика динамики политико-правовой мысли. История и механизмы институционализации философии политики и права. Науч-

ные и экстранаучные факторы институционализации, исторический и социокультурный контекст, логика научного развития. Главные тенденции в изменении структуры политического и правового знания в XX в. Специализация и гибридизация знания, их формы и последствия.

Становление философии политики и права в Западной Европе и США. Разделение философии, теории политики и теории права. Создание академических структур, исследовательских центров и профессиональных ассоциаций политической науки и правоведения. Дискуссии о дисциплинарной принадлежности проблематики философии политики и права.

Возникновение и этапы становления философии политики и права в России. История преподавания политико-правовых дисциплин в отечественных университетах. Университетские школы политико-государственных наук. Политические науки в системе философского и юридического образования: история и современность. Философия политики и права как новая учебная дисциплина в современном университетском образовании. Современные научные исследования в области философии политики и права. Основные функции философии политики и права как научной и вузовской дисциплины.

ТЕМА 3. Философия политики и права в контексте вызовов современной цивилизации

Политика и право в современном мире и задачи их философского осмысления. Тенденции развития современного мира. Глобализация. Дифференциация и регионализация. Глобальная демократизация: возможности и проблемы. Динамика глобализации, «поступательное» и «попятное» движение. Антиглобализм и альтерглобализм. Экологическое и социальное измерение глобальных проблем. Политическая культура и национальные культуры в условиях глобализации. Научная обоснованность и политическая роль глобальных проблем в современном мире.

Цивилизационный анализ в философии политики и права. Современная цивилизация: понятие, хронологические рамки, основные параметры и характерные черты, прогнозы развития. Понятие политической модернизации. Условия и предпосылки модернизации. Проблема «догоняющего» развития. Преобразования «сверху» и роль модернизаторских элит. Связь между политическим участием и модернизацией. Современные модернизирующиеся системы. Парадоксы вестернизации. Проблема перехода к демократии. «Волны демократизации». Идеалы демократии и реальные демократические системы. Демократизация и национализм. Проблема универсальности демократии.

Мировая политика и международное право как предмет философского анализа. Обязательность, договор и национальный интерес: правовые стандарты и их реальное осуществление в современности. Этнос, нации и национальные интересы в мировой политике. Правовой порядок и

основные угрозы: волонтаризм, национальный и международный терроризм. Международные правовые институты, их роль в международных отношениях.

Биполярная политическая система и «однополярность» мира: от «открытого общества» к «обществу риска». Конкурирующие модели демократии в историческом контексте и современные технологии «принудительной демократизации». Цели, формы и технологии политической индоктринации в современном мире. Современный кризисный мир в поисках интеллектуальных парадигм.

Задачи философии политики и права в современную эпоху: исследовательские, академические, культурные, прагматические.

РАЗДЕЛ II

История философии политики и права

ТЕМА 4. Осмысление права и политики в догосударственный период и в государствах Древнего Востока

Догосударственный этап истории человечества. Матриархат и патриархат как системы социального регулирования. Ритуальные и традиционные запреты. Правовой обычай. Правовые и политические регуляторы в государствах Древнего Востока. Сакральные начала в политике и праве: божественное происхождение власти и порядка.

Особенности процесса зарождения политической и правовой мысли в государствах Древнего Востока. Формы фиксации идей о правовом и политическом порядке. Мифы, их информативная и нормативная функции. Религиозно-философские трактаты. Древнейшие своды законов.

Древний Вавилон: Законы Хаммурапи как документ политико-правовой мысли; философия человека (аквилум — мушкенум — раб). Древний Израиль: «Пятикнижие Моисеево» — философия милости-дара (юбилей). Древний Египет: «Поучение Птахотепе», «Книга мертвых» — философия организации (маат) и принцип справедливости (ка). Древняя Индия: «Веды», «Законы Ману», «Дхаммапада», «Артхашастра». Брахманизм: мировой закон (дхарма) и кастовое строение общества. Философия лидерства-власти Каутильи. Буддизм: структура общества и природа власти, идея всеобщего равенства. Древний Китай: «Дао дэ цзин», «Лунь юй», «Шан цзюнь шу», «Гуань цзы». Даосизм: учение о причинах неравенства и социальных пороков, естественный закон и «принцип недеяния». Конфуцианство: политические и правовые нормы и их связь с этико-моральной доктриной, пять добродетелей «благородного мужа» и позитивный закон (фа) — философия «умиротворения народа и Поднебесной». Легизм о государстве. Власть в «законническом государстве» в учении Шан Яна. Учение об отношениях народа и власти. Средства

управления. Философия символа Ли Гоу. Концепция естественного равенства Мо-цзы.

Теоретико-философское осмысление проблем догосударственного существования человечества в истории философии политики и права (Дж. Вико, Ш. де Бросс, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Мосс).

ТЕМА 5. Философия политики и права в период Античности

Правовые и политические институты Древней Греции и Древнего Рима. Основные черты рабовладельческого строя. Структура общества. Политическая жизнь полисов. Традиция и закон. Государство (полис, империя) и формы политического правления (аристократия, демократия, олигархия) в античности.

Становление юридической традиции. Эволюция от правового теизма к философскому диалогу, судебному конкурсу и научноаргументированному дискурсу в Древней Греции. Переход от легисакционного к формулярному и экстраординарному процессу в Древнем Риме. Роль авторитета в философии и праве. Правовые документы Древней Греции: законы Солона, законодательство Ликурга. Основные документы правового регулирования Древнего Рима: Законы XII таблиц, Свод законов и Институции Юстиниана.

Политико-правовая мысль Древней Греции: власть и гражданский долг, закон, правосудие и справедливость. Политико-правовой элитизм Фукидида. Элитистское учение Фрасимаха. Политика и право в философии Платона. Благо и справедливость. Политика как искусство. Учение о государстве. Право, договор, норма. Политика и право в философии Аристотеля. Естественная и законная справедливость. Человек политический. Учение о государстве. Формы государственного устройства. Разделение властей. Философия права Стои. Учение о государстве Сенеки. Гражданин и государство. Власть и право. Полибий о единстве мирового разума и мирового закона. Судьба государства и закон природы. Формы государства.

Политико-правовая мысль Древнего Рима. Философия государства и права Цицерона. Справедливость, власть, государство. Право народа, естественное право и закон. Принцип равенства перед законом. Формы правления. Правовая концепция Ульпиана. Естественное право и право народов. Публичное и частное право. Раннехристианская философия политики и права. Учение Августина о «двух градах».

ТЕМА 6. Философия политики и права в Византии

Правовые и политические институты Византии. Сословия и корпорации. Роль эпискемонарха. Влияние римского права. Прецедентное право и право эксцепций. Политико-правовое значение и следствия политики

иконоборчества. Русско-византийские правовые и политические взаимоотношения.

Основные правовые документы. Новеллы как источники права. Кодификации законодательства Юстинианом. Глоссаторы и постглоссаторы. Эклога. Земледельческий, Морской и Военный законы. Прохирон. Эпаналоги. Василики. «Ревизия древних законов».

Философское осмысление политики и права. Понимание сущности и миссии Византийской империи. Власть императора как выражение божественного господства. «Премудрая двоица» как модель византийской государственности и ее осмысление в философских и политико-правовых концепциях. Многонациональность и универсализм. Константин VII Багрянородный и его трактат «Об управлении империей». Философия «симфонии» церкви и государства. Проблема войн за веру. Философско-правовой идеал.

ТЕМА 7. Философия политики и права в России XI–XVII вв.

Правовые и политические институты в истории России. Церковь, государство и право. Формы государственных образований в период киевской Руси. Территориальный суверенитет: правовая автономия и полнота политической власти. Период политической раздробленности и формы политической зависимости русских земель от иноземных завоеваний. Правовые и политические институты централизованного государства Московского периода. Историческое значение централизации, последствия создания централизованного государства. Сословно-представительская монархия. Теория и практика Земских соборов.

Формирование общерусского права. Философско-правовые аспекты культурных влияний и заимствований (византийское право, литовские статуты, законы Чингизхана). Основные правовые документы. Памятники древнерусской письменности как источник изучения отечественной мысли. «Слово о Законе и Благодати», «Повесть временных лет», «Устав земляной» Владимира Святого, «Русская Правда», «Судебник» 1497 года.

Философско-исторический, культурный и правовой аспекты в осмыслении взаимоотношений России с Востоком и Западом. Философские подходы и типы аргументаций в духовной литературе XIV–XVII вв. и в политико-правовых документах о правовом положении социальных групп в феодально-демократических республиках. Теория «княжеской демократии». Монархическая идея в период становления централизованного государства.

История философия права Илариона. Даниил Заточник об укреплении великокняжеской власти: необходимость силы и ограничения полномочий местных феодалов. Концепция Филофея «Москва — третий Рим», теория «симфонии» светской и духовной властей. Соотношение духовной и светской властей в полемике иосифлян и нестяжателей. Политико-правовой проект реформы государства И.С. Пересветова. Политические

и правовые взгляды Ивана Грозного и его полемика с А. Курбским. Политико-правовые учения эпохи абсолютизма (Аввакум Петров, Симеон Полоцкий, Юрий Крижанич, Феофан Прокопович).

ТЕМА 8. Философия политики и права западноевропейского Средневековья

Правовые и политические институты стран Западной Европы в эпоху Средневековья. Карл Великий и восстановление Западной Римской империи: философско-религиозные и правовые вопросы легитимности учреждаемого государства. Королевские суды и парламент: философская и правовая оценки их роли в политико-правовой традиции. Роль университетов в институциональном оформлении правовой традиции.

Влияние римского права на юридическую традицию: Салическая правда, Болонская юридическая школа, Григорианская реформа. Церковное и светское право. Роль права во взаимоотношениях Ватикана и светских государств. Отличия и сходства римской и англосаксонской традиций с философско-правовой точки зрения.

Философско-религиозная рецепция арианства, римского права и римских институтов власти готами. Возникновение теории права. Теория договорного права. Право справедливости и право свободы в философско-правовых воззрениях средневековых юристов.

Учение о теократии Иоанна Солсберийского. Государство, церковь и право. Воля монарха и ее ограничители. Природа тирании. Право народа на восстание против тирании. Политико-правовое учение Фомы Аквинского. Право и свобода воли. Понятие закона. Божественная благодать и естественный закон. Естественный закон и положительный закон. Государство и церковь. Философия организации власти и управления Г. Брэктона. Философско-кодификационные проблемы права Эриха, Алариха II, Леовигильда. Учение о законах и государстве Марсилия Падуанского.

ТЕМА 9. Философия политики и права в Западной Европе в эпоху Возрождения и Просвещения

Правовые и политические институты эпохи Возрождения. Возникновение раннекапиталистических отношений. Буржуазные революции и буржуазные республики.

Философско-правовая проблема кодификации в политико-правовой традиции. Философия общего права и обычая в англосаксонской правовой системе. Конституционное право Англии XII–XVIII вв. Конституционные перемены после реставрации монархии. Великая Хартия вольностей (1215). Судебное уложение Карла V (Каролина, 1532–1533).

Политические и правовые учения эпохи Реформации (М. Лютер, Ж. Кальвин, Т. Мюнцер). Политико-правовое учение Жана Бодена. Государство и

право. Божественные, природные и государственные законы. Проблема суверенитета. Политико-правовое учение Гуго Гроция. Право и справедливость. Право и закон. Договорная теория государства. Теория войн. Юридическая герменевтика. Правовая теория Чезаре Беккариа.

Политико-правовое учение Томаса Гоббса. Теория естественного права и общественного договора. Естественное состояние и государство как Левиафан. Власть и право. Политико-правовое учение Джона Локка. Государство как гарант естественных прав граждан. Разделение властей и власть народа. Законность и политические свободы. Политико-правовое учение Шарля Монтескье. Учение о государстве. Формы правления. Принцип разделения властей. Свобода индивида и закон. Виды законов.

Теория государства Жан-Жака Руссо. Естественное состояние и причины возникновения государства. Справедливость, солидарность и гражданское общество. Политический идеал. Естественное право, государство и церковь в учениях Ламетри и Гельвеция. Обоснование необходимости секуляризации и изменения политических институтов.

ТЕМА 10. Философия политики и права в Западной Европе и США в XIX в.

Политические и правовые институты в Европе. Реакция на Французскую революцию в Германии. Важнейшие правовые документы: Кодекс Наполеона 1804 г. и Французский карательный кодекс 1810 г., Германское гражданское уложение 1900 г.

Философия политики и права Иммануила Канта. Свобода и общество. Принципы гражданского общества. Справедливость и государство. Природа и цели государства. Межгосударственные отношения. Философия права Г.В.Ф. Гегеля как часть философской системы. Естественное состояние и гражданское общество. Закон как выражение всеобщей воли. Право и свобода воли. Понятие «отчуждение». Справедливость, благо и право. Теория государства. Взаимосвязь государства и гражданского общества. Историческая школа права (К. Савиньи, Г. Пухт, Г. Гуго). Критика естественно-правовой доктрины и теории позитивного права. Национальный дух как источник и стимул развития права. Государство как «хранитель» права.

Марксистская философия политики и права. Теория классов. Сущность государства. Происхождение права и политики.

Политико-правовая мысль второй половины XIX в. Учения Р. фон Иеринга и Л. Гумпловича.

ТЕМА 11. Философия политики и права в России XVIII–XIX вв.

Формирование социально-экономических и политических основ абсолютистской монархии в России. Политические преобразования Петра I.

Основные правовые документы: «Духовный регламент», «Кондиции» Верховного Тайного совета, «Манифест о вольности дворянской», «Свод законов Российской империи».

Политико-правовые учения первой половины XVIII в. — обоснование отказа от династического принципа наследования власти (Феофан Прокопович), обоснование необходимости законодательного закрепления прав сословий (И.Т. Посошков), ограничения самодержавия (В.Н. Татищев). Идеи Просвещения в работах С.Е. Десницкого, Я.П. Козельского, А.Н. Радищева. Конституционные идеи и проекты в России в XVIII в. Философия права в Московском университете во второй половине XVIII в.

Философия политики и права в работах М.М. Сперанского. Идеал «истинной монархии»: принцип законности, идея правового государства; принцип разделения властей; соотношение политических и гражданских свобод. Политические идеи декабристов. Западники, почвенники и славянофилы о формах правления и государственного устройства России и правах и свободах граждан. Либералы (К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин), консерваторы (М.Н. Катков, А.Д. Градовский), радикалы (Д.И. Писарев, М.А. Бакунин, П.Н. Ткачев) в дискуссиях о государстве и праве второй половины XIX в.

ТЕМА 12. Философия политики и права в России и русском зарубежье конца XIX — первой половины XX в.

Преподавание философии политики и права в российских университетах. Русская государственная школа и «возрождение философии естественного права». Борьба политических идей в России в конце XIX — начале XX в.: монархизм (К.П. Победоносцев, Л.А. Тихомиров, И.Л. Солоневич), анархизм (Л.Н. Толстой, П.А. Кропоткин), либерализм (М.М. Ковалевский). Официальный политический проект реформ П.А. Столыпина. Теократическая утопия В.С. Соловьева. Светская и христианская теория государства П.И. Новгородцева. Представители социал-демократического движения и идеологии революционного марксизма в России о проблемах политики и права (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, Л.Д. Троцкий).

Философское осмысление политики и права в российской послеоктябрьской эмиграции: евразийство (Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев), сменовеховство (Н.В. Устрялов, Ю.В. Ключников), либеральный консерватизм (С.Л. Франк, П.Б. Струве). Политика и право в учении П.А. Сорокина. Социальная динамика и политическая стратификация. Политические и правовые институты. Подвиг и преступление, награда и наказание. Теория революции. Концепции «христианского социализма» С.Н. Булгакова, мистической природы государственности П.Б. Струве, соборности и общественности С.Л. Франка, «свободной теократии» Н.А. Бердяева. Философия политики и права И.А. Ильина. Истоки права и закона. Власть и право. Учение об аксиомах правосознания. Правосознание и

мировоззрение. Природа «политического организма». Государство как корпорация и как учреждение. Учение о «творческой демократии». Критерии истинного успеха в политике.

*ТЕМА 13. Философия политики и права в странах Запада
в первой половине XX в.*

Философское осмысление политики и права в неокантианстве. Марбургская школа о политике и праве. Философия политики и права Р. Штаммлера. Право как первооснова и предпосылка государства. Независимость юридических норм от государства. Дифференциация права на справедливое и несправедливое.

Феноменологическая философия права Р. Райнаха. Соотношение априорного учения о праве с позитивным правом и с концепцией естественного права.

Влияние философии науки и прагматизма на определение сущности, целей и задач политических исследований. Позитивизм в политическом познании (Ч. Мерриам, Дж. Кэтлин, У. Манро, У. Эллиот, Э. Корвин, Ч. Бирд) и в теории права (Дж. Остин, Г. Спенсер). Психологическая школа (Л.И. Петражицкий). Нормативизм Г. Кельзена. Институционализм в теории права (М. Ориу, Л. Дюги, Э. Дюркгейм) и политики (Е. Фриман, Т. Коул, Г. Картер, К. Фридрих). Политика как сфера действия институтов. Модели политической власти.

Американский юридический реализм (К.Н. Ллевеллин, А. Мур, Ф. Коген, М. Радэн, Дж. Франк, У.У. Кук, Г. Олифант). Функциональное определение права и его обоснование.

Развитие представлений о субъектах политической и правовой деятельности. Элита и массы. «Классические» (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс) и «новые» (Х. Ортега-и-Гассет, Ч. Миллс, С. Липсет, Т. Дай, Л. Цайглер) теории элит.

Теоретико-методологические принципы психоанализа (К. Юнг, Э. Фромм, В. Райх) и экзистенциализма (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр), их влияние на понимание сущности политики и права в XX в. Политико-философские концепции неомарксизма (Д. Лукач, А. Грамши, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас).

*ТЕМА 14. Философия политики и права в странах Запада
во второй половине XX в.*

Эмпирико-номиналистический поворот в политических исследованиях середины XX в.: «поведенческая революция». Неинституционализм второй половины XX в.: синтез институционального и «поведенческого» подходов к пониманию политики (Дж. Марч, Й. Ольсен, К. Шепсл). Понимание сущности политики и природы политической власти в рамках

системного подхода (М. Крозье), реляционизма (М. Дюверже), теории «символизма» (П. Бурдьё). Основные модели «общества будущего»: теории индустриального, постиндустриального и информационного общества (Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, А. Турен). Противостояние «экологического пессимизма» (Дж. Форрестер, Д. Медоуз) и «технологического оптимизма» (Ж. Фурастье, О. Тоффлер) в конце XX в. Либерализм (Дж. Ролз, У. Кимлика, Р. Нозик, Р. Дворкин) и коммунитаризм (А. Макинтайр, Ч. Тэйлор, А. Этциони) о сущности политики. Неоконтрактуализм Дж. Ролза: «Теория справедливости» и политико-правовые институты. Новый этап в развитии правового позитивизма (Г.Л. Харт).

Анализ форм правления и политических режимов. Феномен «массового общества» и его место в дихотомии демократии и тоталитаризма. Исследование моделей тоталитаризма (Х. Арендт, Р. Арон, К. Поппер, Ф. Хайек) и демократии (Р. Даль, Й. Шумпетер, К. Пэйтмен, А. Лийпхарт). Философия политики и права в постмодернизме: универсализм и нарративизм (Ж. Делез, Ж. Лакан, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар). Школа критических правовых исследований (Р.М. Унгер, Р.В. Гордон, М.Дж. Горвиц, Д. Кенни). Положительное право (действующее законодательство) и правовые идеологии как предмет критики. Властные отношения как основной источник правовой логики и структуры права. Правовая теория и практика деконструкции.

ТЕМА 15. Философия политики и права в странах Востока в XX в.

Общая характеристика эволюции восточной традиции общественно-политической мысли в XX в. Осмысление взаимоотношений с западной политической и правовой культурой. Проблема модернизации и поиска самостоятельного пути развития. Соотношение традиционных и «вестернизированных» элементов в моделях политического правления и правового регулирования.

Исламская мысль XX в. Модернизм и традиционализм. Соотношение религии и политики в традиционном и модернизированном вариантах ислама. Подходы к политике и праву в радикальном и умеренном вариантах исламского фундаментализма. Политико-правовые взгляды Аль-Маудуди. «Третья мировая теория» М. Каддафи. Решение проблемы путей и способов эффективного участия народа в политике. Политический идеал: отношение к политическим партиям и институтам, система «естественной демократии».

Особенности политической и правовой мысли Индии. Учение и деятельность Махатмы Ганди. Философско-религиозные основы гандизма: учение о ненасильственном сопротивлении, «упорство в истине» («сатьяграха»), «незаинтересованность» («анасакти»), «непричинение вреда» («ахимса»), «жертвенность» («яджня»).

Модернизм и традиционализм в политико-правовой мысли Китая: «три народных принципа» и «пять ветвей власти при демократии» в не-

онароднической концепции Сунь Ятсена. Форсированные «большие скачки» и осторожная постепенность: социально-политические концепции Мао Цзедунa и Дэн Сяопина.

РАЗДЕЛ III

Актуальные проблемы философии политики

ТЕМА 16. Онтологические проблемы философии политики

Сущность и происхождение политики. Функциональные (неизменные, метаисторические) и конъюнктурные цели политики. Политическая жизнь, ее основные характеристики.

Центры власти и властный авторитет. Власть как наследие и проблема наследования власти. Политическая, интеллектуальная и духовная власть. Легализация и легитимация власти, источники ее легитимности. Символическая власть. Эффективность и ресурсы политической власти. Власть и свобода.

Пространство и время в зеркале философии, политики и философии политики. Социальное, политическое, экономико-географическое, культурное и информационное пространства: метафоры, объекты междисциплинарных исследований, среды обитания. Хронополитика и геохронополитика как направления междисциплинарных исследований. Циклическая и линейная модели политического времени. Эсхатологизм и финализм в политической философии. Концептуальные схемы «предыстории» и «конца истории». Прерывность и непрерывность политического времени. Временные и пространственные горизонты политики, политического планирования и прогнозирования.

Политические изменения и политическое развитие. Политическое развитие и проблема общественного прогресса. Стадии политического развития. Переходные системы. Кризисы политического развития. Проблематика «конца политики».

ТЕМА 17. Гносеологические проблемы философии политики

Основные формы политического знания. Эпистемологический потенциал философии политики на различных этапах цивилизационного развития. Отрасли политики и специализированные виды политического знания. Политическая истина и политические императивы в реальной политике. Востребованные и невостребованные знания в политике, дефицит информации и знаний при принятии политических решений, интуиция политиков. Аргументация, обоснование и доказательство в публичной и непубличной политике, политической аналитике и академической науке. Политический дискурс как смысловая структура поли-

тического процесса. Исследователь политики как участник политического процесса.

Основные подходы к изучению политики. Явное и неявное знание в политике и науке. Роль и особенности философского познания в политике и политологии. Методологический инструментарий политики и науки. Политический и научный дискурсы: различия, специфика, взаимное влияние. Методы политических наук и методологическая функция философии политики.

Методология и технология «научного и информационно-аналитического сопровождения» политики.

ТЕМА 18. Аксиологические проблемы философии политики

Политическая этика и аксиология. Политические ценности, идеалы и нормы. Политическая целесообразность и мораль, прагматизм и идеализм в политике.

Позитивистская установка на «освобождение от ценностей» и право на политическую оценку. Политика как конфликт интересов и ценностей. Проблема нравственных критериев в политике.

Цели и средства в политике и политической этике. Легитимизированные ценности и культурная легитимация власти.

Философско-аксиологические аспекты политической идентификации и самоидентификации.

ТЕМА 19. Антропологические проблемы философии политики

«Человек политический» — человек как объект и субъект политики. Человек в политике и политика в сознании человека. Гуманистические и антигуманистические традиции в политической философии. Мифологемы «новый человек» и «сверхчеловек». Человеческий фактор в политике. Человек среди традиционных и новых акторов политики и геополитики.

Интерактивность современной политики. Личность и массы. Народы как «коллективные личности» и феномен коллективной воли. Политическое сознание индивида и общественное мнение. Права человека и его обязанности как гражданина. Политическая социализация, ее механизмы и этапы.

Интеллектуалы в политике. Роль интеллектуалов и русской интеллигенции в политической истории России.

ТЕМА 20. Социокультурные проблемы философии политики

Культурно-деятельностный подход к политике и науке. Политическая философия и политическая культура. Политические субкультуры. Аффективные, когнитивные и оценочные ориентации в политических действиях.

Компетентное гражданское общество и политическая культура: инвариантные характеристики, основные тенденции и национальные особенности. Теория и практика политики мультикультурализма с учетом региональной этнокультурной и конфессиональной специфики.

Философские истоки лингвополитологических исследований. Семантика политической реальности и символика политического языка. Язык политики, «новояз» и языковая политика. Политическое действие как текст. Язык политики и политиков. Языковая и политическая культура. Политическая риторика, софистика и демагогия. Политический «новояз» и эволюция языка российской политики.

Роль культуuroобразующих конфессий и религиозных доктрин, «псевдорелигий» и деструктивных культов в современной политике и геополитике. Культура межцивилизационного диалога и теория конфликта цивилизаций.

ТЕМА 21. Праксиологические и прогностические проблемы философии политики

Политическая философия и социальная инженерия. Методы и цели социальной инженерии. Основы методологии управления рисками в бизнесе и политике. Философские аспекты разработки и реализации политических проектов.

Компетенции, компетентность и квалификация в области политики, политической науки и философии политики. Политические проекты и утопии. Футурологическое знание и методология прогнозирования. Политический и геополитический проект и политическое проектирование. Пан-идеи: философия и методология, реалистичность и утопизм.

Теория и методология управления проектами. Политический и геополитический прогнозы и политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. Политическая «приватизация будущего»: философия, методология, практика. Политические и социальные риски социальной инженерии в условиях глобализации.

РАЗДЕЛ IV

Актуальные проблемы философии права

ТЕМА 22. Онтологические проблемы философии права

Право как социальное явление. Основные признаки права. Сущность и существование права. Онтологическая структура права. Природа нормативной регуляции в праве. Право и закон. Обычное право. Кодифицированное и прецедентное право. Публичное и частное право. Правовая система: проблема открытости и замкнутости правовых норм.

Естественное право как онтологическая основа правопорядка. Рациональное и нерациональное обоснования естественного права. Естественное и позитивное право.

Источники права как способы возникновения и фиксации правил (установлений) правонормирующего и судебно-процедурного назначения. Правовые обычаи, законы государства, административные подзаконные установления, судебные прецеденты, правовые принципы и доктрины (учения), толкования знатоков права и другие источники правил правового назначения.

Построение онтологии как проблема систематизации правового знания, формально-логические и философские подходы. Роль философии языка в современных исследованиях по онтологии права.

Философские проблемы генезиса права и правовых систем. Происхождение и эволюция права. Право и социальный порядок. Основные тенденции динамики правовых систем. Изменение законодательства и смена правопорядка. Проблема изменения правовых систем и правовых институтов. Преемственность в правовой традиции. Революционный и эволюционный путь развития правовых систем. Легитимность нового правопорядка.

ТЕМА 23. Гносеологические проблемы философии права

Право как особый тип рациональности. Соотношение различных типов ментальной выборки (веры, опыта и знания, фактов и событий) у различных субъектов (личность, общество, институт и государство). Эпистема и докса в праве.

Правовое сознание, правовая теория и правовая наука. Логико-языковая, социологическая и психологическая плоскости правового исследования. Правовая идея как основа правового мышления. Правовая логика и логическая структура основных правовых понятий. Проблема конструирования строгого юридического языка.

Правовая догматика как «практическая наука». Философское конструирование правовой догматики. Юридическая герменевтика: интерпретация конкретных норм и конкретного правопорядка. Правовой релятивизм и его преодоление. Условия значимости фундаментальных знаний о праве для науки и практики.

ТЕМА 24. Аксиологические проблемы философии права

Проблема ценности в праве и ценности права. Право и мораль. Ценности и антиценности как предмет права. Возможности нейтрального подхода к правовой практике.

Цель и интересы в праве. «Смысл» и «цель» права как внеправовая ценность (справедливость, общее благо). Полная и ограниченная спра-

ведливость. Целесообразность и справедливость. Проблема доверия в праве. Социальный авторитет права: понятие «нравственно обоснованного порядка». Правопорядок как системная иерархия ценностей. Проблема несправедливого законодательства.

Ценностный плюрализм и право. Общечеловеческие и национальные аспекты в современных системах права. Проблема общечеловеческих ценностей и прав человека. Нормативный статус прав человека. Права человека и законодательство.

ТЕМА 25. Антропологические проблемы философии права

Место права по отношению к целям человека. Личные и социальные права. Правовая свобода и правовая обязанность. Право как основа мирной организованной совместной жизни людей и условие социальной коммуникации. Двойственная задача права: защита прав человека и создание благоприятной для человеческой жизни общественной среды. Правовые вопросы охраны здоровья.

Влияние права на сознание человека — установление границ человеческой деятельности; формирование чувства надежности, наличия устойчивых процедур для авторитетного разрешения споров.

Предмет юридической антропологии. Структурный и исторический методы анализа правовых явлений. Критика юридического этноцентризма и этатизма. Прогнозирование в рамках юридической антропологии: анализ тенденций развития современного права.

ТЕМА 26. Культурологические проблемы философии права

Право как культурно-исторический феномен. Соотношение права с другими культурными сферами. Конкретно-инструментальная и философско-парадигмальная роли культуры, языка эпохи, уровней благосостояния, политических пристрастий, правовых традиций в правовых исследованиях. Социокультурные причины возникновения правопорядка и изменения правовых норм. Влияние правовых норм на экономическую, политическую и культурную жизнь. Право и религия: проблемы секуляризации и десекуляризации права и правовых систем. Церковное и светское право.

Язык и его коннотации в праве. Языковая форма выражения права, язык правовой аргументации. Язык законодателя и язык интерпретатора.

Правовая культура. Содержание, признаки, уровень правовой культуры. Нормативно-должное и феноменально-сущее измерения правовой культуры. Структура правовой культуры. Продукты правовой культуры. Типология правовой культуры. Динамика правовой культуры. Правовой нигилизм. Факторы влияния на правовую культуру в условиях глобализации и информатизации.

ТЕМА 27. Праксиологические проблемы философии права

Право как инструмент достижения социальных целей. Правовая практика. Правотворчество, правоприменение, правопользование. Реализация и реализуемость правовых норм. Функции права в обществе — согласование общественных интересов, удовлетворение и/или подавление культурных потребностей, развитие и/или сдерживание определенных способностей, ритуализация и формализация отношений. Проблема уважения к закону в правовой практике. Право как социальный ориентир. Социальные санкции и виды наказания: психологическое воздействие, угроза физического принуждения, терапия.

Юридическая техника и судебная практика. Судебные решения и судебное правотворчество. Прозрачность законодательства и прогнозируемость конкретных юридических решений.

Государство, право и правовая практика в современной России.

РАЗДЕЛ V

Философские проблемы взаимодействия политики и права

ТЕМА 28. Норма и нормативность в политике и праве

Долженствование в политике и праве: принципиальные отличия и сходство, особые методы и приемы регламентации, инвариантные характеристики и особенности императивного знания. Конститутивные и регулятивные нормы. Политический и правовой нигилизм.

Политические функции права: стабилизация, регулирование, санкционирование, легитимация, нововведение. Правовые нормы как инструмент социального регулирования. Метафизические и рациональные нормы права. Структура правовой нормы. Правовые принципы и правовая система. Реализация нормы в политике и праве. Норма и произвол в политике. Правовые последствия нарушения политических норм.

ТЕМА 29. Взаимовлияние и взаимоограничение политики и права

Право и власть в системе социальных связей. Политика и право в контексте деятельности социальных групп. Проблема собственности как общественного отношения и ее влияния на политические и правовые феномены.

Связь права и власти как основа «бытия права». Действующее право как «правовая власть» и как «мера власти». Взаимное усиление государства и права. Право как выражение баланса политических сил. Право и правовая политика. Политическое влияние на содержание позитивного права. Проблема правомерности сопротивления политической власти и установленному правопорядку.

Правовая и политическая системы. Типология политических и правовых систем. Государство как политический и правовой институт. Правовое государство. Нормы права и принцип разделения властей. Право как «техника безопасности» благополучной и долговременной государственности. Функции государства: право на легитимное насилие-конфликт и обязанность, связанная с эффективным публично-правовым регулированием, согласием-согласованием (гражданский мир). Правовая легитимация государственной политики.

ТЕМА 30. Взаимосвязь политического и правового подходов при решении национальных и глобальных проблем современности

Возрастание роли глобальных проблем в постиндустриальную эпоху. Социально-политические, военные, социально-экономические, экологические глобальные проблемы. Глобальные проблемы человека. Глобальные общие интересы и интересы государства. Возрастание роли морально-нравственной и юридической санкции общих интересов.

Проблема комплиментарности политических и правовых институтов, принадлежащих разным культурным традициям.

Нормы международного права как основа мирового порядка. «Равновесие страха» и общая безопасность. Равноправие и неравноправие в международных отношениях. Национальный суверенитет и международное право. «Неправовые сценарии» при решении политических проблем: отсутствие прецедента, приоритет интереса, сила как основной фактор принятия решения. Проблема прав человека как основы современного международного права.

ТЕМЫ ДОКЛАДОВ И РЕФЕРАТОВ

- Особенности философского осмысления проблем политики и права.
- Научные подходы в познании политики и права.
- Тенденции в изменении структуры политического и правового знания в XX в.
- Специфика становления философии политики и права в России.
- Политическая культура и национальные культуры в условиях глобализации.
- Характерные черты мирового правового и политического порядка в эпоху глобализации.
- Методы правового и политического регулирования в государствах Древнего Востока.
- Власть в «законническом государстве» в учении Шан Яна.
- Концепция естественного равенства Мо-цзы.

- Особенности политической жизни античных полисов.
- Роль авторитета в философии и праве Античности.
- Политика и право в философии Платона.
- Функции государства в учении Аристотеля.
- Модель византийской государственности и ее осмысление в философских и политико-правовых концепциях.
- Формы государственных образований в период Киевской Руси.
- Правовые и политические институты централизованного государства Московского периода.
- Памятники древнерусской письменности как источник изучения политической мысли.
- Политические и правовые взгляды Ивана Грозного и его полемика с А. Курбским.
- Влияние римского права на юридическую традицию.
- Римская и англосаксонская философско-правовые традиции: общая характеристика, сходство и отличие.
- Понятие закона в политико-правовом учении Фомы Аквинского.
- Закон и государство в учении Марсилия Падуанского.
- Правовые и политические институты эпохи Возрождения.
- Проблема суверенитета в политико-правовом учении Жана Бодена.
- Власть и право в теории общественного договора.
- Политический идеал в теории Жан-Жака Руссо.
- Понятие гражданского общества в философии политики и права И. Канта.
- Философия права Г.В.Ф. Гегеля.
- Идеи Просвещения в работах С.Е. Десницкого, Я.П. Козельского, А.Н. Радищева.
- Западники и славянофилы о формах правления и государственном устройстве России.
- Основные аспекты политического проекта реформ П.А. Столыпина.
- Светская и христианская теория государства П.И. Новгородцева.
- Основные аспекты философии политики и права И.А. Ильина.
- Проблема взаимодействия элиты и масс в «классических» и «новых» теориях элит.
- Влияние теоретико-методологических принципов психоанализа и экзистенциализма на понимание сущности политики и права в XX в.
- Основные модели «общества будущего» в теориях постиндустриального и информационного общества.
- Государство и власть в философии политики и права в постмодернизме.
- Соотношение традиционных и «вестернизированных» элементов в моделях политического правления и правового регулирования в философии политики стран Востока.
- Философско-религиозные основы гандизма.

- Социально-политические концепции Мао Цзедуня и Дэн Сяопина.
- Пространство и время в зеркале философии политики и права.
- Концептуальные схемы «предыстории» и «конца истории».
- Политический дискурс как смысловая структура политического процесса.
- Роль исследователя политики в политическом процессе.
- Методы политических наук и методологическая функция философии политики.
- Гуманистические и антигуманистические традиции в философии политики и права.
- Роль интеллектуалов и русской интеллигенции в политической истории России.
- Региональная этнокультурная и конфессиональная специфика в теории и практике политики мультикультурализма.
- Специфика взаимодействия культур в эпоху глобализации.
- Философские аспекты разработки и реализации политических проектов.
- Политические и социальные риски социальной инженерии в условиях глобализации.
- Естественное право как онтологическая основа правопорядка.
- Эпистема и докса в праве.
- Правовая идея как основа правового мышления.
- Интерпретация конкретных норм и конкретного правопорядка в юридической герменевтике.
- Общекультурные и национальные аспекты в современных системах права.
- Право как условие социальной коммуникации.
- Социокультурные причины возникновения правопорядка и изменения правовых норм.
- Факторы влияния на правовую культуру в условиях глобализации и информатизации.
- Правовые нормы как инструмент социального регулирования.
- Проблема правомерности сопротивления политической власти и установленному правопорядку.
- Концепция правового государства и ее реализация.
- Роль глобальных проблем в постиндустриальную эпоху.
- Нормы международного права как основа мирового порядка.

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ КОНСПЕКТИРОВАНИЯ

- Законы Хаммурапи
«Артхашастра, или Наука политики»
«Дао дэ цзин»
«Лунь юй»
Платон «Государство», «Законы», «Политик»
Аристотель «Политика», «Никомахова этика», «Большая этика»
Цицеро. «О государстве», «О законах»
Константин VII Багрянородный «Об управлении империей»
Августин «О Граде Божием»
Иоанн Солсберийский «Поликратик»
Фома Аквинский «О правлении государей»
Марсилий Падуанский «Защитник мира»
Иларион «Слово о Законе и Благодати»
Крижанич Ю. «Политика»
Лютер М. «О светской власти»
Данте А. «Монархия»
Макиавелли Н. «Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия»
Мор Т. «Утопия»
Кампанелла Т. «Город Солнца»
Гуго Гроций «О праве войны и мира»
Гоббс Т. «Левиафан»
Локк Дж. «Два трактата о правлении»
Вико Дж. «Основания новой науки об общей природе наций»
Монтескье Ш.Л. «О духе законов»
Руссо Ж.-Ж. «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми», «Об общественном договоре, или принципы политического права»
Мелье Ж. «Завещание»
Берк Э. «Размышления о революции во Франции»
Кант И. «Метафизика нравов», «К вечному миру»
Фихте И.Г. «Замкнутое торговое государство»
Гегель Г.В.Ф. «Философия права»
Маркс К. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «К критике политической экономии. Предисловие», «Критика Готской программы»
Энгельс Ф. «Происхождение семьи, частной собственности и государства»
Штейн Л. фон «Учение об управлении»
Токвиль А. де «Демократия в Америке»
Прудон П.-Ж. «Что такое собственность, или исследование о принципе права и власти»
Констан Б. «Курс конституционной политики»

- Карлейль Т.* «Герои, почитание героев и героическое в истории»
Иеринг Р. фон «Борьба за право»
Бентам И. «Политические опыты», «Катехизис парламентской реформы»
Карамзин Н.М. «Записка о древней и новой России»
Кистяковский Б.А. «Государственное право»
Катков М.Н. «О самодержавии и конституции»
Данилевский Н.Я. «Россия и Европа»
Бакунин М. «Государственность и анархия»
Ленин В.И. «Государство и революция»
Гессен В.М. «Теория конституционного государства»
Победоносцев К.П. «Великая ложь нашего времени»
Шпенглер О. «Пруссачество и социализм»
Бернштейн Э. «Возможен ли научный социализм»
Парето В. «Компендиум по общей социологии»
Ортега-и-Гассет Х. «Восстание масс»
Вебер М. «Политика как призвание и профессия», «Протестантская этика и дух капитализма»
Шмитт К. «Понятие политического»
Дьюи Дж. «Либерализм и социальное действие»
Фромм Э. «Бегство от свободы»
Ясперс К. «Куда движется ФРГ»
Мерриам Ч. «Новые аспекты политики»
Арендт Х. «Истоки тоталитаризма»
Арон Р. «Демократия и тоталитаризм».
Шумпетер Й. «Капитализм. Социализм. Демократия»
Даль Р. «О демократии»
Штраус Л. «Что такое политическая философия?»
Кельзен Г. «Общее учение о государстве»
Маркузе Г. «Одномерный человек»
Канетти Э. «Масса и власть»
Дюверже М. «Идея политики. Применение силы (власти) в обществе»
Дюги Л. «Конституционное право. Общая теория государства»
Ролз Дж. «Теория справедливости»
Арендт Х. «Истоки тоталитаризма»
Поппер К. «Открытое общество и его враги»
Веблен Т. «Теория праздного класса»
Белл Д. «Грядущее постиндустриальное общество»
Даль Р. «О демократии»
Хайек Ф. «Дорога к рабству»
Бурдьё П. «Социальное пространство и «генезис» классов»
Фуко М. «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы»
Дебор Г. «Общество спектакля»
Луман Н. «Власть»

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

АНТОЛОГИИ, ХРЕСТОМАТИИ И СПРАВОЧНО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

- Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997.
Антология мировой правовой мысли: В 5 т. М., 1999.
Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий справочник. СПб., 2000.
Белый царь. Метафизика власти в русской мысли. Хрестоматия / А.Л. Доброхотов. М., 2001.
Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Россия. М., 2006.
В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков: В 2 частях. М., 1994.
Власть: очерки современной политической философии Запада. М., 1989.
Власть и демократия: зарубежные ученые о политической науке. М., 1992.
Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л., 1990.
Документы по истории зарубежного права. М., 1987.
Зарубежная политология. Словарь. М., 1998.
Законы правителя: В 3 т. М., 2010.
Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011.
Исаев И.А., Золотухина Р.М. История политических и правовых учений России. Хрестоматия. М., 2003.
История государственно-правовых учений. Хрестоматия / С.В. Липень. М., 2006.
История философии права. СПб., 1998.
Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб., 1993.
Книга Государя: Антология политической мысли. М., 2009.
Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. М., 1957.
Мир политики. Суждения, оценки западных политологов. М., 1992.
Мораль в политике. Хрестоматия. М., 2004.
Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001.
Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Иноземцева. М., 1999.
О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века. Избранные произведения / Я.И. Кузьминов. М., 1994.
Политическая история России: Хрестоматия / Сост. В.И. Коваленко, А.Н. Медушевский, Е.Н. Мошелков. М., 1996.
Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М., 2012.
Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. М., 2012.
Политическая энциклопедия: В 2 т. М., 1999.
Политология. Хрестоматия / М.А. Василик. М., 1999.
Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993.
Русская социально-политическая мысль XI — начала XX века: В 5 т., 4 кн. / Е.Н. Мошелков. М., 2006.

- Русская философия. Энциклопедия / М.А. Маслин. М., 2007.
- Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология. СПб., 1997.
- Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993.
- Словарь философских терминов / В.Г. Кузнецов. М., 2004.
- Смолин М. Энциклопедия имперской традиции русской мысли. М., 2005.
- Социологическая энциклопедия: В 2 т. М., 2000.
- Теория государства и права. Хрестоматия: В 2-х т. / В.В. Лазарев, С.В. Липень. М., 2001.
- Теория государства и права. Хрестоматия: В 2 т. / М.Н. Марченко. М., 2004.
- Теория государства и права. Хрестоматия / Р.Т. Мухаев. М., 2000.
- Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. М., 1991.
- Философия истории: Антология. М., 1994.
- Философия политического действия: Из истории левой политической мысли XX в. / А.Б. Баллаев, И.А. Ерохов, А.Н. Мочкин и др. М., 2010.
- Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: В 2 т. М., 1996.
- Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / Под ред. З.М. Черниловского. М., 1996.
- Хрестоматия по теории государства и права / Т.Н. Радько. М., 2009.
- Юридический энциклопедический словарь. М., 1987.
- Юридическая энциклопедия. М., 2001.

ИСТОЧНИКИ, УЧЕБНАЯ И НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Азаркин Н.М.* Всеобщая история юриспруденции. Курс лекций. М., 2003.
- Аль-Фараби.* Трактаты об искусстве управления. М., 2012.
- Алексеев Н.Н.* Основы философии права [1924]. М., 1998.
- Алексеев С.С.* Право: Опыт комплексного исследования. М., 1999.
- Алексеева Т.А.* Современные политические теории. М., 2001.
- Алексеева Т.А.* Политическая философия. От концепций к теориям. Учебник. М., 2007.
- Алмонд Г., Пауэлл Дж., Струи К., Далтон Р.* Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002.
- Бачинин В.А.* Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006.
- Бачинин В.А.* История философии и социологии права. СПб., 2001.
- Беляев И.Д.* История русского законодательства. СПб., 1999.
- Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.
- Боголюбов Н.П.* Учебник истории Римского права. М., 2004.
- Бойцова О.Ю.* Власть нормы и норма власти: о специфике нормативного подхода в западной политической науке XX в. М., 2004.
- Бойцова О.Ю.* Доверие к государству как теоретическая проблема // Власть. 2012. № 4.
- Валицкий А.* История русской мысли от просвещения до марксизма. М., 2013.
- Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы. СПб., 2008.
- Вальденберг В.Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки о русской политической литературе от Владимира Святого до конца XVII века. СПб., 2012.
- Взаимодействие мировых цивилизаций: история и современность. М., 2011.
- Византийская цивилизация в освещении российских ученых (1894–1927). М., 1999.
- Виноградов П.Г.* Очерки по теории права. М., 2010.
- Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995.

- Гаджиев К.С.* Введение в политическую философию: Учебное пособие. М., 2004.
- Гаджиев К.С.* Политическая философия. М., 1999.
- Гобозов И.А.* Философия политики. 2-е перераб. и доп. изд. М., 2002.
- Гобозов И.А.* Философские проблемы политики. М., 2014.
- Данилевский Н.Я.* Политическая философия. Дополнение к книге «Россия и Европа». М., 2013.
- Демидов А.И.* Учение о политике: философские основания. М., 2001.
- Дубко Е.Л.* Политическая этика. М., 2005.
- Дугин А.Г.* Философия политики. М., 2004.
- Доверже М.* Идея политики. Применение силы (власти) в обществе. М., 1991.
- Жуков В.Н.* Русская философия права: Естественно-правовая школа первой половины XIX века. М., 2001.
- Жюль К.К.* Философия и социология права. М., 2005.
- Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. М., 2002.
- Иконникова Г.И., Ляшенко В.П.* Философия права. Учебник. М., 2007.
- Ильин В.В., Панарин А.С.* Философия политики. М., 1990.
- Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В.* Политическая антропология. М., 1995.
- Ильин И.А.* Почему мы верим в Россию: Сочинения. М., 2006.
- Ильин И.А.* Теория государства и права [1915]. М., 2006.
- Ильинская С.Г.* Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М., 2008.
- Исламский фактор в истории и современности.* М., 2011.
- Историческая политика в XXI веке: Сб. ст. / Под ред. А. Миллера и М. Липман.* М., 2012.
- История политических и правовых учений. Учебник для вузов / О.В. Мартышин.* М., 2004.
- История политических и правовых учений. Учебник для вузов / В.С. Нерсеянц.* М., 2003.
- История политической мысли. Фрагменты и лица: Учеб. пособие для самостоят. работы над курсом политологии.* СПб., 2005.
- История русской философии / Под ред. М.А. Маслина.* М., 2001.
- Кальной И.И.* Философия права. СПб., 2008.
- Капустин Б.Г.* Моральный выбор в политике. Учебное пособие. М., 2004.
- Карадже Т.В.* Политическая философия. М., 2007.
- Касториадис К.* Воображаемое установление общества / Пер. с франц. М., 2003.
- Керимов Д.А.* Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2003.
- Кимлика У.* Современная политическая философия: введение. М., 2010.
- Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В.* История политических и правовых учений. Учебник. СПб., 2007.
- Коркунов Н.М.* История философии права. СПб., 1896.
- Кравченко И.И.* Введение в исследование политики (философские аспекты): Учебное пособие. М., 1998.
- Кузнецов Э.В.* Философия права в России. М., 1989.
- Ллойд Д.* Идея права. М., 2002.
- Максимов С.И.* Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002.
- Малахов В.П.* Философия. Идеи и предложения. М., 2007.
- Малинова И.П.* Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург, 1995.
- Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2007.

- Манан П. Общедоступный курс политической философии. М., 2004.
- Маршев В.И. История управленческой мысли. Учебник. М., 2010.
- Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических и правовых учений: Учеб. пособие. М., 2011.
- Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М., 2002.
- Митрошенков О.А. Политическая философия. Эпистемология. М., 2005.
- Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. I. Томск, 1914.
- Моска Г. История политических доктрин. Пер. с итал. М., 2012.
- Моцелков Е.Н. Переходные процессы в России: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. М., 1996.
- Моцелков Е.Н. История философии права в университетском образовании России (XIX — начало XX в.): Монография. М., 2011.
- Моцелков Е.Н. История и политика: философские истолкования. Монография. М., 2013.
- Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
- Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. М., 1909.
- Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.
- Омельченко Н.А. Политическая мысль русского зарубежья. Очерки истории (1920 — начало 1930-х годов). М., 1997.
- Общая теория государства и права. Академический курс: В 2 т. / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1998.
- Поздняков Э.А. Философия политики: В 2 т. М., 1994.
- Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб., 2003.
- Панарин А.С. Философия политики. М., 1996.
- Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. М., 1999.
- Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.
- Пермяков Ю.Е. Философские основания юриспруденции. Самара, 2006.
- Пернацкий В.И. Философия политики и права. М., 2013.
- Петражицкий Л.И. Очерки философии права. СПб., 1900.
- Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности [1907]. СПб., 2000.
- Политическая наука в Западной Европе / Под ред. Ханса-Дитера Клингеманна. М., 2009.
- Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007). М., 2008.
- Политическая наука: новые направления / Науч. ред. Е.Б. Шестопал. М., 1999.
- Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. М., 2009.
- Пятигорский А. Что такое политическая философия: размышления и соображения: Цикл лекций. М., 2007.
- Расторгуев В.Н. Политическое планирование и прогнозирование: идеологические рамки и цивилизационный контекст // Вопросы философии. 2012. № 2.
- Розин В.М. Генезис права. М., 2001.
- Русская философия: философия как специальность в России. Вып. 1–2. М., 1992.
- Семеренко Л.М. Современная западная политическая наука: формирование, эволюция, институционализация. Ростов-на-Дону, 1997.
- Смазнова О.Ф. Право и время. Великий Новгород, 2004.
- Сморгунов Л.В. Основные направления современной политической философии. СПб., 1998.
- Сморгунов Л.В. Философия и политика. Очерки современной политической философии и российская ситуация. М., 2007.

- Соловьев А.И.* Политология: политическая теория, политические технологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012.
- Сытин А.Г.* Эволюция представлений о существовании демократии в западной политической мысли XX в. (основные тенденции) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007. № 6.
- Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза / Под ред. С.Ю. Ларсена. М., 2009.
- Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права [1908]. СПб., 1998.
- Трубецкой Е.Н.* Труды по философии права. СПб., 2001.
- Ударцев С.Ф.* История политических и правовых учений. Древний Восток. Академический курс. СПб., 2007.
- Федорова М.М.* Классическая политическая философия. М., 2001.
- Федорова М.М.* Политическая рациональность: к становлению новых эпистемологических оснований политической науки. М., 2009.
- Философия власти / В.В. Ильин. М., 1993.
- Философия политики и права: Сборник научных работ. Вып. 1 / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова, научный редактор О.Ю. Бойцова. М., 2010.
- Философия политики и права: Сборник научных работ. Вып. 2 / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова, научный редактор О.Ю. Бойцова. М., 2011.
- Философия политики и права: Сборник научных работ. Вып. 3. Эхо Отечественной войны 1812 года в философско-политической мысли / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова и О.Ю. Бойцовой; ред. науч. сотр. К.И. Кийченко. М., 2013.
- Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 4. Государство и гражданское общество / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова, научный редактор К.И. Кийченко. М., 2014.
- Философия права: Учебник / О.Г. Данильян. М., 2007.
- Философия права / Отв. ред. Марченко М.Н. М., 2013.
- Хёффе О.* Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994.
- Чичерин Б.Н.* Философия права [1900]. СПб., 1998. (М., 2013).
- Чичерин Б.Н.* История политических учений: В 5 т. М., 1869–1902. (Т. 1 — СПб., 2006).
- Чичерин Б.Н.* Политические мыслители: От Древнего мира до эпохи Возрождения. М., 2010.
- Чичерин Б.Н.* Вопросы политики. М., 1903.
- Шамигулин В.И.* Консерватизм и свобода. Краснодар, 2003.
- Шамигулин В.И.* Особенности политической теории в Византии и России // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. М., 2006. № 5.
- Шамигулин В.И.* Философия и теория политики и права: Учебник. Тула, 2012.
- Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права [1910–1912]: В 2 т. М., 1995.
- Шершеневич Г.Ф.* История философии права [1904]. СПб., 2001.
- Шмитт К.* Государство и политическая форма. М., 2010.
- Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1.
- Шмитт К.* Понятие политического / Пер. с нем. В.В. Афанасьева. М., 2012
- Штраус Л.* Введение в политическую философию. М., 2000.
- Щербинина Н.Г.* Теории политического лидерства: Учеб. пособие. Томск, 2010.
- Яценко А.С.* Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства [1912]. СПб., 1999.
- GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством: Учеб. пособие / Под ред. Л.В. Сморогунова и Л.Н. Тимофеевой. М., 2012.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Акопов Г.Л.* Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций: монография. М., 2013.
- Алмонд Г., Пауэлл Дж., Струи К., Далтон Р.* Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002.
- Арато А., Козн Д.* Гражданское общество и переходный период от авторитаризма к демократии // Гражданское общество. М., 1994.
- Аристотель.* Никомахова этика; Политика // Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1984.
- Арон Р.* Эссе о свободах: «Универсальной и единственной формулы свободы не существует» // Политические исследования. 1996. № 1.
- Арон Р.* Избранное: Введение в философию истории. М.-СПб., 2000.
- Алексеева Т.А.* Политическая философия как «практичное» знание // Полис. 2010. № 1.
- Алексеева Т.А., Кравченко И.И.* Политическая философия: к формированию концепции // Вопросы философии. 1994. № 3.
- Бадью А.* Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М., 2005.
- Бадью А.* Загадочное отношение философии и политики. М., 2013.
- Баллестрем К.Г.* Власть и мораль (Основная проблема политической этики) // Философские науки. 1991. № 2.
- Бачинин В.А., Чефранов В.А.* История философии права. Харьков, 1998.
- Беляев И.Д.* История русского законодательства. СПб., 1999.
- Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. М., 1995.
- Бенуа А. де.* Карл Шмитт сегодня. Справедливая война. Терроризм. М., 2013.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1993.
- Берлин И.* Философия свободы. Европа. М., 2001.
- Бикбов А.Т.* Мораль в политике: насилие над господствующими // Полис. 2002. № 4.
- Бжезинский З.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2010.
- Бодрийяр Ж.* Смерть и символический обмен. М., 2000.
- Болл Т.* Власть // Полис. 1993. № 5.
- Брюкнер П.* Тирания покаяния. Эссе о западном мазохизме. СПб., 2009.
- Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
- Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // Начала. М., 1994.
- Бубер М.* Я и Ты. М., 1993.
- Бурлацкий Ф.М.* Никколо Макиавелли. Советник государя. М., 2002.
- Власть: очерки современной политической философии Запада.* М., 1989.
- Вострикова В.В.* Представления идеологов либерализма в начале XX в. о государстве // Вопросы истории. 2010. № 2.
- Ганди М.* Революция без насилия. М., 2012.
- Гарapon А.* Хранитель обещаний. Суд и демократия. М., 2003.
- Гегель Г.* Философия права. М., 1990.
- Гибель империи. Византийский урок.* М., 2008.
- Гвишивили Г.В.* От тирании к демократии: эволюция политических институтов. М., 2012.
- Гуторов В.А.* Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции // Полис. 2001. № 1.
- Даль Р.А.* Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010.

- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
- Данте Алигьери.* Монархия. М., 2010.
- Демидов А.И.* Понимание в политике // Полис. 1999. № 3.
- Демидов А.И.* Ценностные измерения власти // Полис. 1996. № 3.
- Документы по истории зарубежного права. М., 1987.
- Жирав Р.* Насилие и священное. М., 2010.
- Ерохов И.А.* О возможности политической морали // Полис. 2002. № 4. Законы вавилонского царя Хаммурапи // Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 1. М., 1980.
- Замятина Н.Ю.* Модели политического пространства // Полис. 1999. № 4. Зарубежная политология. Словарь. М., 1998.
- Зеньковский В.В.* Русские мыслители и Европа. М., 2005.
- Зидентоп П.* Демократия в Европе. М., 2004.
- Ильин М.В.* Хронополитическое измерение: за пределами Повседневности и Истории // Полис. 1996. № 1.
- Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.
- Ионин Л.* Политкорректность: дивный новый мир. М., 2012.
- История философии права. СПб., 1998.
- Кавелин К.Д.* Государство и община. М., 2013.
- Калинина Е.В.* Основы государственно-правового учения иудаизма. Ветхозаветная и талмудическая теория. М., 2012.
- Каплан Б.* Миф о рациональном избирателе. Почему демократии выбирают плохую политику. М., 2012.
- Капустин Б.Г.* Современность как предмет политической теории. М., 1998.
- Капустин Б.Г.* Что такое «политическая философия» // Полис. 1996. № 6; 1997. № 1 и 2.
- Кассирер Э.* Философия символических форм. М., 2001.
- Керимов Д.А.* Предмет философии права // Государство и право. 1994. № 7.
- Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000.
- Ковалевский М.М.* Труды по политической социологии и политологии. СПб., 2012.
- Кожев А.* Понятие власти. М., 2006.
- Кожин В.В.* Россия как цивилизация и культура. М., 2012.
- Коукер К.* Сумерки Запада. М., 2009.
- Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVIII-XIX вв. М., 1957.
- Крауч К.* Постдемократия. М., 2010.
- Ланлантин Ф.* К политической антропологии субъекта // Социальная антропология во Франции: XXI в. М., 2009.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М., 1998.
- Луман Н.* Власть. М., 2001.
- Логика метаисторического времени. М., 2004.
- Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1997.
- Макинтайр А.* После добродетели. М., 2000.
- Марков Б.В.* Понятие политического. М., 2007.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Сочинения. Т. 3. М., 1955.
- Матц У.* Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. 1992. № 1.
- Медицина, этика, религия и право. М., 2000.

- Мельникова И.В.* Философия политики и политическая философия в современном российском научном дискурсе // Полигнозис. 2010. № 1–2.
- Миллер Д.* Политические учения: Краткое введение. М., 2007.
- Миллер О.Ф.* Славянство и Европа. М., 2012.
- Мюллер Я.-В.* Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века. М., 2014.
- Молодежь — культура — политика: историческая память и цивилизационный выбор: VIII юбилейные Панаринские чтения: Сборник статей / Отв. ред. Расторгуев В.Н. М., 2012.
- Мосс М.* Об одной категории человеческого духа: понятие личности, понятие «Я» // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996.
- Моцелков Е.Н.* Метод сравнительного анализа в исследованиях истории политической мысли // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2002. № 5.
- Мюрберг И.И.* В поисках политического: набросок феноменологии власти // Философский журнал. 2010. № 1(4).
- Нозик Р.* Государство, анархия и утопия. М., 2007.
- Огурцов А.П.* Постмодернистский образ человека и педагогика // Человек, 2001. № 3–4.
- Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М., 2010.
- Панарин А.С.* Испытание глобализмом. М., 2002.
- Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.
- Панарин А.С.* Стиль «ретро» в идеологии и политике. М., 1989.
- Пермяков Ю.Е.* Лекции по философии права. Самара, 1995.
- Политическая история России: Хрестоматия // Сост. В.И. Коваленко, А.Н. Межушевский, Е.Н. Моцелков. М., 1996.
- Политическая философия в России. Настоящее и будущее. (Материалы «круглого стола») // Полис. 2002. № 4.
- Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992.
- Поппер К.* Нищета историцизма. М., 1993.
- Поспелова О.В.* Политическая онтология и ее методолого-теоретический контекст // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия: Философия. СПб., 2009. № 3, Т. 2.
- Пустарнаков В.Ф.* Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003.
- Пушкин А.С.* Россия! Встань и возвышайся! М., 2013.
- Поцелуев С.П.* Символическая политика: конstellация понятий для подхода к проблеме // Полис. 1999. № 5.
- Рансьер Ж.* На краю политического. М., 2006.
- Расторгуев В.Н.* Культура политического планирования // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 4.
- Расторгуев В.Н.* Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования (в соавт.). М., 2004.
- Расторгуев В.Н.* Свобода мысли и возможность выбора: политическая и академическая демократия // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 1.
- Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.
- Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
- Родригес А.М.* Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX–XX вв.). М., 2011.
- Сартр Ж.-П.* Проблемы метода. М., 1993.
- Сен А.* Развитие как свобода. М., 2004.

- Симонов К.В.* Политический анализ. М. 2002.
- Ситнянский Г.Ю., Моцелков Е.Н., Межуев Б.В.* Волны и циклы политического развития // Полис. 2002. № 4.
- Словарь античности. М., 1994.
- Словарь философских терминов / В.Г. Кузнецов. М., 2004.
- Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.
- Современные зарубежные конституции. М., 1995.
- Соловьев В.С.* Оправдание добра // Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т. 1.
- Сурия Пракаш Синха.* Юриспруденция. Философия права: Краткий курс. М., 1996.
- Сытин А.Г.* Политическая философия демократии: вклад Томаса Джефферсона // Политические исследования (Полис). 2008. № 1.
- Сытин А.Г.* «Творческая демократия»: к осмыслению политико-философского кредо Джона Дьюи // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 2.
- Сытин А.Г., Кусакина М.В.* Политическая философия Латинской Америки в осмыслении Энрике Дусселя // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 1.
- Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. М., 2007.
- Тихонравов Ю.В.* Основа философии права. М., 1997.
- Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М., 1994.
- Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. СПб, 1998.
- Торфлер Э.* Метаморфозы власти. М., 2001.
- Уолцер М.* О терпимости. М., 1997.
- Утопия и утопическое мышление. М., 1991.
- Ушакин С.А.* Речь как политическое действие // Полис. 1995. № 5.
- Федорин С.Э.* Проблема власти в истории философии // Известия Российской государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. СПб., 2009. № 87.
- Философия и политика. (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1996. № 1.
- Философия эпохи постмодерна. Антология текстов современных авторов: Делёз, Гваттари, Бодрийяр, Джеймисон, Лиотар. Минск, 1996.
- Френкин А.А.* Введение в политическую философию // Полис. 1994. № 1.
- Фуко М.* Герменевтика субъекта. М., 1991.
- Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.
- Хабермас Ю.* Вовлечение другого: Очерки политической теории. М., 2001.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- Хёффе О.* Справедливость. Философское введение. М., 2007.
- Хвостова К.В.* Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб., 2009.
- Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: В 2 т. М., 1996.
- Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 1984.
- Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. М., 1994.
- Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961.
- Честнов И.Л.* Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб., 2000.
- Честнов И.Л.* Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2002.
- Четвернин В.А.* Современные концепции естественного права. М., 1988.
- Шамигулин В.И.* Консерватизм и свобода. Краснодар, 2000.
- Шамигулин В.И.* Современная социально-политическая философия в США. М., 1984.
- Шамигулин В.И.* Оправдание государства и права // Социс. 1996. № 10.

- Шамиурин В.И.* Реализм в политике // Современная западная социология. М., 1990.
- Шамиурин В.И.* Идеализм в политике // Там же.
- Шамиурин В.И.* Право в России (история идей) // Высшее образование в России. 1998. № 1.
- Шамиурин В.И.* Проблема кардионозиса в русской культуре // Социологический журнал. 1995. № 4.
- Шамиурин В.И., Танковский В.Э.* Врач и пациент: социально-правовые взаимоотношения. М., 1999.
- Шамиурин В.И.* Проблема ответственности власти в контексте культуры (Св. Иоанн Златоуст об обязанностях религиозной и светской властей при несении полномочий) // Социальное служение — путь к миру и согласию. М., 2007.
- Шамиурин В.И.* Евразийство о смысле национального вопроса // Трибуна русской мысли. Осень. 2007.
- Шаран П.* Сравнительная политология: В 2 ч. М., 1992.
- Шмитт К.* Политическая теология. М., 2000.
- Щербинин А.И.* Политический мир во времени и пространстве // Полис. 1994. № 6.
- Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. К. Поппер и его критики. М., 2000.

* * *

- Philippe Raynaud,* Dictionnaire de philosophie politique, PUF, 2006.
- Olivier Nay,* Histoire des idées politiques, Armand Colin, 2007.
- Jad Hatem,* Éléments de théologie politique, Paris, L'Harmattan, 2005.
- Michel Troper,* Philosophie du droit, PUF, Paris, 2003.
- Vicente de Paulo Barretto.* Dicionário de filosofia do direito, UNISINOS, São Leopoldo, 2006.
- Olivier Beaud,* Théorie de la Fédération, PUF, 2007.
- François Vergniolle de Chantal, Fédéralisme et antifédéralisme, PUF, 2005.
- Jean-Benoît Pilet,* Régimes politiques des pays occidentaux, Bruxelles, Presses Universitaires de Bruxelles, 2008.
- Bilheran, A.* L'autorité, Armand Colin, 2009.
- Juan J. Linz,* Régimes totalitaires et autoritaires, Paris, Armand Colin, 2006.
- Édouard Jourdain,* L'anarchisme, Paris, La Découverte, coll. Repères, 2013.
- Cynthia Fleury,* Les pathologies de la Démocratie, 2009.
- Luciano Canfora,* La nature du pouvoir, Belles Lettres, 2010.
- Howard Zinn,* Désobéissance civile et démocratie, Agone, Marseille, 2010.
- Bertrand Binoche,* Les Équivoques de la civilisation, éd. Champ Vallon, 2005.
- Michel Maffesoli,* Après la modernité? La conquête du présent; la violence totalitaire; la logique de la domination, Paris, éd. du CNRS, coll. «Compendium», 2008.
- Ulrich Beck,* Pouvoir et contre-pouvoir à l'ère de la mondialisation Éditions Flammarion, Paris, 2003.
- Jacques Lévy,* Jacques Cossart et Lucas Léger, Mondialisation : consommateur ou acteur?, Le muscadier, coll.» Le choc des idées», 20 juin 2013.
- Jean Charbonnel,* Les légitimistes: De Chateaubriand à de Gaulle, Éditions de La Table Ronde, 2006.
- François-Bernard Huyghe,* «Maîtres du faire croire. De la propagande à l'influence», Vuibert, 2008.
- Étienne Balibar et Immanuel Wallerstein, Race, nation, classe — Les identités ambiguës, La Découverte, 1988 réédition 1997.

- Bauman Z.* Freedom. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988.
- The Blackwell Guide to Social and Political Philosophy / Edited by Robert L. Simon. Blackwell Publishers, 2002.
- Borella F.* Critique du savoir politique. Paris, 1990.
- Castoriadis C. Philosophy, Politics, Autonomy. Essays in Political Philosophy. N.Y.: Oxford University Press, 1991.
- Coleman, J. and Shapiro S.*, eds. The Oxford Handbook of Jurisprudence and the Philosophy of Law. N.Y.: Oxford University Press, 2004.
- Contemporary Political Philosophy: an Anthology / Ed. By Robert Goodin and Philip Pettit. Blackwell, 1997.
- Dunn J.* Rethinking Modern Political Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Gorman J.* Rights and Reason. Acumen / McGill-Queen's University Press, 2003.
- Etzioni A.* The Common Good. Cambridge, MA: Polity Press, 2004.
- Goodin R. and Pettit Ph.* A Companion to Contemporary Political Philosophy / Second edition. Blackwell, 2007.
- Golding M.P., and Edmundson W.A.*, eds. The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory. Oxford: Blackwell, 2005.
- Held D., McGrew A.* Globalization / Anti-Globalization. Cambridge, 2002.
- Hutchings K.* International Political Theory: Rethinking Ethics in a Global Era. London: SAGE Publications, 1999.
- Miller D.* Political Philosophy. A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2003.
- Novak M.* The Universal Hunger for Liberty: Why the Clash of Civilizations Is Not Inevitable. New York, N.Y.: Basic Books, 2004.
- Rawls J.* Political Liberalism. N.Y.: Columbia University Press, 1993.
- Ritzer G.* The McDonaldization of Society. An Investigation into the Changing Character of Contemporary Social Life. Thousand Oaks, CA, Sage, 1993.
- Shapiro I.* The Evolution of Rights in Liberal Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Smart B.* (ed.). Resisting McDonaldisation. London, Sage, 1999.
- Swift A.* Political Philosophy: A Beginners' Guide for Students and Politicians. Polity Press, 2001.
- Tenzer N.* Philosophie politique. Paris, 1994.
- Wacks R.* Philosophy of Law: A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2006.
- Wolff J.* An Introduction to Political Philosophy. Oxford University Press, 1996.